

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

АЭЛИТА

新 8

**УЛАН-УДЭ
БУРЯТСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1977**

А. ТОЛСТОЙ

АЭЛИТА

В социальном научно-фантастическом романе «Аэлита», написанном в 1922 году, после возвращения А. Н. Толстого на родину, фантастичность сюжета оригинально сочетается с реалистичностью характера героев. Хотя действие романа развивается на далеком Марсе, автор говорит в нем о «земных» проблемах.

Перепечатано с издания:

Москва, «Художественная литература», 1975 г.

СТРАННОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

На улице Красных Зорь появилось странное объявление: небольшой, серой бумаги листок, прибитый к облупленной стене пустынного дома. Корреспондент американской газеты Арчибальд Скайльс, проходя мимо, увидел стоявшую перед объявлением босую молодую женщину в ситцевом опрятном платье; она читала, шевеля губами. Усталое и милое лицо ее не выражало удивления, — глаза были равнодушные, синие, с сумасшедшинкой. Она завела прядь волнистых волос за ухо, подняла с тротуара корзинку с зеленью и пошла через улицу.

Объявление заслуживало большего внимания. Скайльс, любопытствуя, прочел его, придвинулся ближе, провел рукой по глазам, перечел еще раз.

— Twenty three,— наконец проговорил он, что должно было означать: «Черт возьми меня с моими потрохами».

В объявлении стояло:

«Инженер М. С. Лось приглашает желающих лететь с ним 18 августа на планету Марс явиться для личных переговоров от 6 до 8 вечера. Ждановская набережная, дом 11, во дворе».

Это было написано обыкновенно и просто, обыкновенным чернильным карандашом.

Невольно Скайльс взялся за пульс: обычный. Взглянул на хронометр: было десять минут пятого, 17 августа 192... года.

Со спокойным мужеством Скайльс ожидал всего в этом безумном городе. Но объявление, приколоченное гвоздиками к облупленной стене, подействовало на него в высшей степени болезненно.

Дул ветер по пустынной улице Красных Зорь. Окна многоэтажных домов, иные разбитые, иные заколоченные досками, казались нежилыми — ни одна голова не выглядывала на улицу. Молодая женщина, поставив корзинку на тротуар, стояла на той стороне улицы и глядела на Скайльса. Милое лицо ее было спокойное и усталое.

У Скайльса задвигались на скулах желваки. Он достал старый конверт и записал адрес Лося. В это время перед объявлением остановился рослый, широкоплечий человек, без шапки, по одежде — солдат, в суконной рубахе без пояса, в обмотках. Руки у него от нечего делать были засунуты в карманы. Крепкий затылок напрягся, когда он стал читать объявление.

— Вот этот — вот так замахнулся,— на Марс! — проговорил он с удовольствием и обернул к Скайльсу загорелое беззаботное лицо. На виске у него наискосок белел шрам. Глаза — сизо-карие и так же, как у той женщины,— с искоркой. (Скайльс давно уже подметил эту искорку в русских глазах и даже поминал о ней в статье: «... Отсутствие в их глазах определенности, то насмешливость, то безумная решительность, и, наконец, непонятное выражение превосходства — крайне болезненно действуют на европейского человека»).

— А вот взять и полететь с ним, очень просто,— опять сказал солдат, и усмехнулся простодушно, и в то же время быстро, с головы до ног, оглядел Скайльса.

Вдруг он прищурился, улыбка сошла с лица. Он внимательно глядел через улицу на босую женщину, все так же неподвижно стоявшую около корзинки.

Кивнув подбородком, он сказал ей:

— Маша, ты что стоишь? (Она быстро мигнула). Ну, и шла

бы домой. (Она переступила небольшими пыльными ногами, вздохнула, нагнула голову). Иди, иди, я скоро приду.

Женщина подняла корзину и пошла. Солдат сказал:

— В запас я уволился вследствие контузии и ранения. Хожу — объявления читаю, — скука страшная.

— Вы думаете пойти по этому объявлению? — спросил Скайльс.

— Обязательно пойду.

— Но ведь это вздор — лететь в безвоздушном пространстве пятьдесят миллионов километров.

— Что говорить — далеко.

— Это шарлатанство или — бред.

— Все может быть.

Скайльс, тоже теперь прищурясь, оглянул солдата, смотревшего на него именно так: с насмешкой, с непонятым выражением превосходства, вспыхнул гневно и пошел по направлению к Неве. Шагал уверенно и широко. В сквере он сел на скамью, засунул руку в карман, где, прямо в кармане, как у старого курильщика и делового человека, лежал табак, одним движением большого пальца набил трубку, закурил и вытянул ноги.

Шумели старые липы в сквере. Воздух был влажен и теплый. На куче песку, один во всем сквере, видимо уже давно, сидел маленький мальчик в грязной рубашке горошком и без штанов. Ветер поднимал время от времени его светлые и мягкие волосы. В руке он держал конец веревочки, к другому концу веревочки была привязана за ногу старая взлохмаченная ворона. Она сидела недовольная и сердитая и так же, как и мальчик, глядела на Скайльса.

Вдруг — это было на мгновение — будто облачко скользнуло по его сознанию, закружилась голова: не во сне ли он все это видит?.. Мальчик, ворона, пустые дома, пустынные улицы, странные взгляды прохожих и приколоченные гвоздиками объявленьице — приглашение лететь в мировые пространства...

Скайльс глубоко затянулся крепким табаком. Развернул план Петрограда и, вода по нему концом трубки, отыскал Ждановскую набережную.

В МАСТЕРСКОЙ ЛОСЯ

Скайльс вошел во двор, заваленный ржавым железом и бочонками от цемента. Чахлая трава росла на горах мусора, между спутанными клубками проволоки, поломанными частями станков. В глубине двора отсвечивали закатом пыльные окна

высокого сарая. Небольшая дверца в нем была приотворена, на пороге сидел на корточках рабочий и размешивал в ведерке сурик. На вопрос Скайльса, можно ли видеть инженера Лося, рабочий кивнул вовнутрь сарая. Скайльс вошел.

Сарай едва был освещен — над столом, заваленным чертежами и книгами, горела в жестяном конусе электрическая лампочка. В глубине сарая возвышались до потолка леса. Здесь же пылал горн, раздуваемый рабочим. Сквозь нагромождения лесов поблескивала металлическая, с частой клепкой, поверхность сферического тела. В раскрытые половинки ворот были видны багровые полосы заката и клубы туч, поднявшихся с моря.

Рабочий, раздувавший горн, проговорил вполголоса:
— К вам, Мстислав Сергеевич.

Из-за лесов появился среднего роста крепко сложенный человек. Густые, шапкой, волосы его были белые. Лицо — молодое, бритое, с красивым большим ртом, с пристальными, светлыми, казалось летящими впереди лица, немигающими глазами. Он был в холщовой грязной, раскрытой на груди рубашке, в заплатанных штанах, перепоясанных веревкой. В руке он держал запачканный чертеж. Подходя, он попытался застегнуть на груди рубашку на несуществующую пуговицу.

— Вы по объявлению? Хотите лететь? — спросил он глуховатым голосом и, указав Скайльсу на стул под конусом лампочки, сел напротив у стола, положил чертеж и начал набивать трубку. Это и был инженер Мстислав Сергеевич Лось.

Опустив глаза, он зажег спичку; огонек осветил снизу его крепкое лицо, две морщины у рта — горькие складки, широкий вырез ноздрей, длинные темные ресницы. Скайльс остался доволен осмотром. Он объяснил, что лететь не собирается, но что прочел объявление на улице Красных Зорь и считает долгом познакомиться своих читателей со столь чрезвычайным и сенсационным проектом междупланетного сообщения.

Лось слушал, не отрывая от него немигающих светлых глаз.

— Жалко, что вы не хотите со мной лететь, жалко, — он качнул головой, — люди шарахаются от меня, как от бешеного. Через четыре дня я покидаю землю и до сих пор не могу найти спутника. — Он опять зажег спичку, пустил клуб дыма. — Какие вам нужны данные?

— Наиболее выпуклые черты вашей биографии.

— Это никому не нужно, — сказал Лось, — ничего замечательного. Учился на медные гроши, с двенадцати лет на своих ногах. Молодость, годы учения, работа, служба, — ни одной черты, любопытной для ваших читателей, ничего замечательного,

кроме...— Лось вдруг насупился, резко обогачились морщины у рта.— Ну, так вот... Над этой машиной,— он ткнул трубкой в сторону лесов,— работаю давно. Постройку начал два года тому назад. Все!

— Во сколько приблизительно месяцев вы думаете покрыть расстояние между Землей и Марсом? — спросил Скайльс, глядя на кончик карандаша.

— В девять или десять часов, я думаю, не больше.

— Ага! — сказал Скайльс на это, затем покраснел, зашевелил скулами.— Я бы очень был вам признателен,— проговорил он с вкрадчивой вежливостью,— если бы у вас было доверие ко мне и серьезное отношение к нашему интервью.

Лось положил локти на стол, закутался дымом, сквозь табачный дым блеснули его глаза.

— Восемнадцатого августа Марс приблизится к Земле на сорок миллионов километров,— это расстояние я должен пролететь. Из чего оно складывается? Первое — высота земной атмосферы — семьдесят пять километров. Второе — расстояние между планетами в безвоздушном пространстве — сорок миллионов километров. Третье — высота атмосферы Марса — шестьдесят пять километров. Для моего полета важны только эти сто сорок километров атмосферы.

Он поднялся, засунул руки в карманы штанов, голова его тонула в тени, в дыму,— освещены были только раскрытая грудь и волосатые руки с закатанными по локоть рукавами.

— Обычно называют полетом — полет птицы, падающего листа, аэроплана. Но это не полет, а плавание в воздухе. Чистый полет — это падение, когда тело движется под действием толкающей его силы. Пример — ракета. В безвоздушном пространстве, где нет сопротивления, где ничто не мешает полету, ракета будет двигаться со все увеличивающейся скоростью: очевидно, там я могу приблизиться к скорости света, если не помешают магнитные влияния. Мой аппарат построен именно по принципу ракеты. Я должен буду пролететь в атмосфере Земли и Марса сто сорок километров. С подъемом и спуском это займет полтора часа. Час я кладу на то, чтобы выйти из притяжения Земли. Далее, в безвоздушном пространстве я могу лететь с любой скоростью. Но есть две опасности: от чрезмерного ускорения могут лопнуть кровеносные сосуды, и второе — если я с огромной быстротой влечу в атмосферу Марса, то удар в воздух будет подобен тому, как будто я вонзился в песок. Мгновенно аппарат и все, что в нем, превратятся в газ. В междузвездном пространстве носятся осколки планет, нерожденных или погибших миров. Вонзаясь в воздух, они сто-

рают мгновенно. Воздух — почти непроницаемая броня. Хотя на Земле она, по-видимому, однажды была пробита.

Лось вынул руку из кармана, положил ее на стол, под лампочкой, и сжал пальцы в кулак.

— В Сибири, среди вечных льдов, я откапывал мамонтов, погибших в трещинах земли. Между зубами у них была трава, они паслись там, где теперь льды. Я ел их мясо. Они не успели разложиться, — они замерзли в несколько дней, их замело снегами. Видимо, отклонение земной оси произошло мгновенно. Земля столкнулась с небесным телом, либо у нас был второй спутник, меньший, чем Луна. Мы втянули его, и он упал, разбил земную кору, отклонил земную ось. Быть может, от этого удара погиб материк, лежавший на запад от Африки в Атлантическом океане. Итак, чтобы не расплавиться, вонзаясь в атмосферу Марса, мне придется сильно затормозить скорость. Поэтому я кладу на весь перелет в безвоздушном пространстве шесть-семь часов. Через несколько лет путешествие на Марс будет не более сложно, чем перелет из Москвы в Нью-Йорк.

Лось отошел от стола и включил рубильник. Под потолком зашипели, зажглись дуговые фонари. Скайльс увидел на дощатых стенах чертежи, диаграммы, карты; полки с оптическими и измерительными инструментами; скафандры, горки консервов, меховую одежду; телескоп на лесенке в углу сарая.

Лось и Скайльс подошли к лесам, которые окружали металлическое яйцо. На глаз Скайльс определил, что яйцеобразный аппарат был не менее восьми с половиной метров высоты и шести метров в поперечнике. Посредине, по окружности его, шел стальной пояс, пригибающийся книзу, к поверхности аппарата, как зонт, — это был парашютный тормоз, увеличивающий сопротивление аппарата при падении в атмосфере. Под парашютом расположены три круглые дверцы — входные люки. Нижняя часть яйца оканчивалась узким горлом. Его окружала двойная, массивной стали, круглая спираль, свернутая в противоположные стороны, — это был буфер, смягчающий удар при падении на землю...

Постукивая карандашом по клепаной обшивке яйца, Лось стал объяснять подробности междупланетного корабля. Аппарат построен из подругой и тугоплавкой стали, внутри хорошо укреплен ребрами и легкими фермами. Это внешний чехол. В нем помещался второй чехол из шести слоев резины, войлока и кожи. Внутри этого второго кожаного стеганого яйца находились аппараты наблюдения и движения, кислородные баки, ящики для поглощения углекислоты, полые подушки для инструментов и провизии. Для наблюдения поставлены выходя-

щие за внешнюю оболочку аппарата особые «глазки» в виде короткой металлической трубки, снабженной призматическими стеклами.

Механизм движения помещался в горле, обвитом спиралью. Горло было отлито из металла, твердостью превосходящего астрономическую бронзу. В толще горла высверлены вертикальные каналы. Каждый из них расширялся наверху в так называемую взрывную камеру. В каждую камеру проведена искровая свеча от общего магнето и питательная трубка. Как в цилиндры мотора поступает бензин, точно так же взрывные камеры питались ультралиддитом — тончайшим порошком, необычайной силы взрывчатым веществом, найденным в лаборатории ...ского завода в Петрограде. Сила ультралиддита превосходила все до сих пор известное в этой области. Конус взрыва чрезвычайно узок. Чтобы ось конуса взрыва совпадала с осями вертикальных каналов горла, поступающий во взрывные камеры ультралиддит пропускался сквозь магнитное поле.

Таков в общих чертах был принцип движущего механизма: это была ракета. Запас ультралиддита — на сто часов. Уменьшая или увеличивая число взрывов в секунду, можно регулировать скорость подъема и падения аппарата. Нижняя его часть значительно тяжелее верхней, поэтому, попадая в сферу притяжения планеты, аппарат всегда поворачивается к ней горлом.

— На какие средства построен аппарат? — спросил Скайльс. Лось с некоторым изумлением взглянул на него.

— На средства республики...

Лось и Скайльс вернулись к столу. После некоторого молчания Скайльс спросил неуверенно:

— Вы рассчитываете найти на Марсе живых существ?

— Это я увижу утром, в пятницу, девятнадцатого августа.

— Я предлагаю вам десять долларов за строчку путевых впечатлений. Аванс — шесть фельетонов по двести строк, чек можете учесть в Стокгольме. Согласны?

Лось засмеялся, кивнул головой: согласен. Скайльс присел на углу стола писать чек.

— Жаль, жаль, что вы не хотите лететь со мной: ведь это, в сущности, так близко, ближе, чем пешком, например, до Стокгольма, — сказал Лось, дымя трубкой.

СПУТНИК

Лось стоял, прислонившись плечом к верее раскрытых ворот. Трубка его погасла.

За воротами до набережной Ждановки лежал пустырь. За рекой неясными очертаниями стояли деревья Петровского острова. За ними догорал и не мог догореть печальный закат. Длинные тучи, тронутые по краям его светом, будто острова, лежали в зеленых водах неба. Над ними зеленело небо. Несколькo звезд зажглось на нем. Было тихо на старой Земле.

Рабочий Кузьмин, давеча мешавший в ведерке сурик, тоже подошел и остановился в воротах, бросил огонек папироски в темноту.

— Трудно с Землей расставаться,— сказал он негромко.— С домом и то трудно расставаться. Из деревни идешь на железную дорогу — раз десять оглянешься. Изба соломой крыта, а — свое, прижилое место. Землю покидать — ай, ай, ай...

— Вскипел чайник,— сказал Хохлов, другой рабочий,— иди, Кузьмин, чай пить.

Кузьмин вздохнул: «Да, так-то», и пошел к горну. Хохлов — суровый человек — и Кузьмин сели у горна на ящики и пили чай, осторожно ломали хлеб, отдирали от костей вяленую рыбу, жевали не спеша. Кузьмин, мотнув бородкой, сказал вполголоса:

— Жалко мне его. Таких людей сейчас почти что и нет.

— А ты погоди его отпевать.

— Мне один летчик рассказывал: поднялся он на восемь верст,— летом, заметь,— и масло все-таки замерзло у него в аппарате. А выше лететь? Там — холод. Тьма.

— А я говорю — погоди отпевать,— повторил Хохлов мрачно.

— Лететь с ним никто не хочет, не верят. Объявление вторую неделю висит напрасно.

— А я верю.

— Долетит?

— Вот то-то, что долетит. Вот и в Европе они тогда взвоятся.

— Кто взвоятся?

— Кто, кто взвоятся? На теперь, выкуси,— Марс-то чей? — советский.

— Да, это бы здорово.

Кузьмин пододвинулся на ящике. Подошел Лось, сел, взял кружку с дымящимся чаем.

— Хохлов, не согласитесь лететь со мной?

— Нет, Мстислав Сергеевич,— ответил Хохлов,— не согласушь, боюсь.

Лось усмехнулся, хлебнул из кружки, покосился на Кузь-

— А вы, милый друг?

— Мстислав Сергеевич, да я бы с радостью полетел,— жена у меня больная, опять — детишки, как их оставишь?

— Да, видимо, придется лететь одному,— сказал Лось, поставив пустую кружку, вытер губы ладонью,— охотников покинуть Землю маловато.— Он опять усмехнулся, качнул головой.— Вчера барышня приходила по объявлению. «Хорошо, говорит, я с вами лечу, мне девятнадцать лет, пою, танцую, играю на гитаре, на Земле жить больше не хочу — революции мне надоели. Визы на выезд не нужно?» Кончился наш разговор,— села барышня и заплакала. «Вы меня обманули, я рассчитывала, что лететь нужно гораздо ближе». Потом молодой человек явился, говорит басом, руки потные. «Вы, говорит, считаете меня за идиота — лететь на Марс невозможно; на каком основании вывешиваете подобные объявления?» Насилу его успокоил.

Лось оперся локтями о колени и глядел на угли. Лицо его в эту минуту казалось утомленным, лоб сморщился. Видимо, он весь отдыхал от длительного напряжения воли. Кузьмин ушел за табачком. Хохлов, кашлянув, сказал:

— Мстислав Сергеевич, самому-то вам разве не страшно? Лось перевел на него глаза, согретые жаром углей.

— Нет, мне не страшно. Я уверен, что опущусь удачно. А если неудача,— удар будет мгновенный и безболезненный. Страшно другое. Представьте так: мои расчеты окажутся неверны, я не попаду в притяжение Марса — проскочу мимо. Запаса топлива, кислорода, еды мне хватит надолго. И вот — лечу во тьме. Впереди горит звезда. Через тысячу лет мой окоченелый труп влетит в ее огненные океаны. Но эти тысячу лет — мой летящий во тьме труп! Но эти долгие дни, покуда я еще жив,— а я буду жить долго в этой коробке,— долгие дни безнадежного отчаяния — один во всей вселенной! Не смерть страшна, но одиночество, безнадежное одиночество в вечной тьме. Это действительно страшно. Очень не хочется лететь одному.

Лось прищурился на угли. Рот его упрямо сжался.

В воротах показался Кузьмин, позвал его вполголоса:

— Мстислав Сергеевич, к вам.

— Кто? — Лось быстро поднялся.

— Красноармеец какой-то спрашивает.

В сарай, вслед за Кузьминым, вошел человек в рубашке без пояса, читавший объявление на улице Красных Зорь. Коротко кивнул Лосю, оглянулся на леса, подошел к столу.

— Попутчик вам требуется?

Лось пододвинул ему стул, сел напротив.

— Да, ищу попугайчика. Я лечу на Марс.

— Знаю, в объявлении сказано. Мне эту звезду показали давеча. Далеко, конечно. Условия какие, хотел я знать: жалованье, харчи?

— Вы семейный?

— Женатый, детей нет.

Он ногтями деловито постукивал по столу, поглядывал кругом с любопытством. Лось вкратце рассказал ему об условиях перелета, предупредил о возможном риске. Предложил обеспечить семью и выдать жалованье вперед деньгами и продуктами. Красноармеец кивал, поддакивал, но слушал рассеянно.

— Как, вам известно,— спросил он,— люди там или чудовища обитают?

Лось крепко почесал в затылке, засмеялся.

— По-моему, там должны быть люди, что-нибудь вроде нас. Приедем, увидим. Дело вот в чем: уже несколько лет на больших радиостанциях в Европе и в Америке начали принимать непонятные сигналы. Сначала думали, что это следы бурь в магнитных полях Земли. Но таинственные звуки были слишком похожи на азбучные сигналы. Кто-то настойчиво хочет с нами говорить. Откуда? На планетах, кроме Марса, не установлено пока жизни. Сигналы могут идти только с Марса. Взгляните на его карту,— он, как сеткой, покрыт каналами. (Он указал на чертеж Марса, прибитый к дощатой стене.) Видимо, там есть возможность установить огромной мощности радиостанции. Марс хочет говорить с Землей. Пока мы не можем отвечать на эти сигналы. Но мы летим на зов. Трудно предположить, что радиостанции на Марсе построены чудовищами, существами, не похожими на нас. Марс и Земля — два крошечные шарика, кружащиеся рядом. Одни законы для нас и для них. Во вселенной носится пыль жизни. Одни и те же споры оседают на Марс и на Землю, на все мириады остывающих звезд. Повсюду возникает жизнь, и над жизнью всюду царствует человекоподобный: нельзя создать животное, более совершенное, чем человек.

— Еду с вами,— сказал красноармеец решительно.— Когда с вещами приходите?

— Завтра. Я должен вас ознакомить с аппаратом. Ваше имя, отчество, фамилия?

— Гусев, Алексей Иванович.

— Занятие?

Гусев рассеянно взглянул на Лося, опустил глаза на свои постукивающие по столу пальцы.

— Я грамотный,— сказал он,— автомобиль ничего себе знаю. Летал на аэроплане наблюдателем. С восемнадцати лет войной занимаюсь — вот все мое и занятие. Имею ранения. Теперь нахожусь в запасе.— Он вдруг ладонью шибко потер темя, коротко засмеялся.— Ну, и дела были за эти семь лет! По совести говоря, я бы сейчас полком должен командовать,— характер неуживчивый! Прекратятся военные действия,— не могу сидеть на месте: сосет. Отравлено во мне все. Отпрошусь в командировку или так убегу. (Он потер макушку, усмехнулся.) Четыре республики учредил,— и городов-то сейчас этих не запомню. Один раз собрал сотни три ребят,— отправились Индию освобождать. Хотелось нам туда добраться. Но сбились в горах, попали в метель, под обвалы, побили лошадей. Вернулось нас оттуда немного. У Махно был два месяца, погулять захотелось... ну, с бандитами не ужился... Ушел в Красную Армию. Поляков гнал от Киева,— тут уж я был в коннице Буденного: «Даешь Варшаву!» В последний раз ранен, когда брали Перекоп. Провалился после этого без малого год по лазаретам. Выписался — куда деваться? Тут эта девушка моя подвернулась,— женился. Жена у меня хорошая, жалко ее, но дома жить не могу. В деревню ехать,— отец с матерью померли, братья убиты, земля заброшена. В городе делать нечего. Войны сейчас никакой нет,— не предвидится. Вы уж, пожалуйста, Мстислав Сергеевич, возьмите меня с собой. Я вам на Марсе пригожусь.

— Ну, очень рад,— сказал Лось, подавая ему руку,— до завтра.

БЕССОННАЯ НОЧЬ

Все было готово к отлету с Земли. Но два последующих дня пришлось, почти без сна, провозиться над укладкой внутри аппарата — в полых подушках — множества мелочей. Проверяли приборы и инструменты. Сняли леса, окружавшие аппарат, разобрали часть крыши.

Лось показал Гусеву механизм движения и важнейшие приборы,— Гусев оказался ловким и сметливым человеком.

Назавтра, в шесть вечера, назначили отлет.

Поздно вечером Лось отпустил рабочих и Гусева, погасив электричество, кроме лампочки над столом, прилег, не раздеваясь, на железную койку — в углу сарая, за треногой телескопа.

Ночь была тихая и звездная. Лось не спал. Закинув за голову руки, глядел в сумрак. Много дней он не давал себе воли.

Сейчас, в последнюю ночь на земле, он отпустил сердце: му- чайся, плачь.

Он вспомнил... Комната в полутьме... Свеча заставлена кни- гой. Запах лекарств, душно. На полу, на ковре — таз. Куда встаешь и проходишь мимо таза, по стене, по тоскливым обоям колыхаются тени. Как томительно! В постели то, что дорожке света, — Катя, жена — часто-часто, тихо дышит. На по- душке — густые, спутанные волосы. Подняты колени под одея- лом. Катя уходит от него. Изменилось недавно такое хорошее кроткое лицо. Оно — розовое, беспокойное. Выпростала руку и щиплет пальцами край одеяла. Лось снова, снова берет ее руку, кладет под одеяло.

«Ну, раскрой глаза, ну, взгляни, простись со мной». Она го- ворит жалобным, чуть-чуть слышным голосом: «Ской окро, ской окро». Детский, едва слышный, жалобный ее голос хочет сказать: «Открой окно». Страшнее страха — жалость к ней, к этому голосу. «Катя, Катя, взгляни». Он целует ее в щеки, в лоб, в закрытые веки. Горло у нее дрожит, грудь подымается толч- ками, пальцы вцепились в край одеяла. «Катя, Катя, что с то- бой?» Не отвечает, уходит... Поднялась на локтях, подняла грудь, будто снизу ее толкали, мучили. Милая головка заки- нулась... Она опустилась, ушла в постель. Упал подбородок. Лось, сотрясаясь от отчаяния, обхватил ее, прижался.

...Нет, нет, нет, — со смертью нет примиренья...

Лось поднялся с койки, взял со стола коробку с папиросами, закурил и ходил некоторое время по темному сараю. Потом взошел на лесенку телескопа, нашел искателем Марс, поднима- щийся уже над Петроградом, и долго глядел на небольшой, ясный, теплый шарик. Он слегка дрожал в перекрещивающих- ся волосках окуляра.

...Он опять прилег... Память открыла видение. Катюша си- дит в траве на пригорке. Вдали, за волнистыми полями, — золо- тые точки Звенигорода. Коршуны плавают в летнем зное над хлебами, над гречихами. Катюше лениво и жарко. Лось, сидя рядом, кусая травинку, поглядывает на русую голову Катюши, на загорелое плечо со светлой полоской кожи между загаром и платьем. Катюшины серые глаза — равнодушные и прекрас- ные, — в них тоже плавают коршуны. Кате восемнадцать лет. Сидит и молчит. Лось думает: «Нет, милая моя, есть у меня де- ло поважнее, чем вот, на этом пригорке, влюбиться в вас. На этот крючок не попадусь, на дачу к вам больше ездить не стану».

Ах, боже мой! Как неразумно были упущены эти летние, горячие дни. Остановить бы время тогда! Не вернуть! Не вер- нуть!..

Лось опять встал с койки, чиркал спичками, курил, ходил. Но и хождение вдоль дощатой стены было тягостно: как зверь в яме.

Лось отворил ворота и глядел на высоко уже взошедший Марс.

«И там не уйти от себя, — за гранью Земли, за гранью смерти. Зачем нужно было хлебнуть этого яду, — любить! Жить бы неразбуженным. Летят же в эфире окоченевшие семена жизни, ледяные кристаллы, летят дремлющие. Нет, нужно упасть и расцвести — пробудиться к жажде — любить, слиться, забыться, перестать быть одиноким семенем. И весь этот короткий сон затем, чтобы снова — смерть, разлука, и снова — полет ледяных кристаллов».

Лось долго стоял в воротах. Кровяным, то синим, то алмазным светом переливался Марс — высоко над спящим Петроградом. «Новый, дивный мир, — думал Лось, — быть может, давно уже погасший или фантастический, цветущий и совершенный... Так же оттуда, когда-нибудь ночью, буду глядеть на мою родную звезду среди звезд... Вспомню — пригорок, и коршунов, и могилу, где лежит Катя... И печаль моя будет легка...»

Под утро Лось положил на голову подушку и забылся. Его разбудил грохот обоза, ехавшего по набережной. Лось провел ладонью по лицу. Еще бессмысленные от ночных видений глаза его разглядывали карты на стенах, очертания аппарата. Лось вздохнул, совсем пробуждаясь, подошел к крану и облил голову студеной водой. Накинул пальто и зашагал через пустырь к себе на квартиру, где полгода тому назад умерла Катя.

Здесь он вымылся, побрился, надел чистое белье и платье, осмотрел, заперты ли все окна. Квартира была нежилая — повсюду пыль. Он открыл дверь в спальню, где после смерти Кати он никогда не ночевал. В спальне было почти темно от спущенных штор, лишь отсвечивало зеркало шкафа с Катиными платьями, — зеркальная дверца была приоткрыта. Лось нахмурился, подошел на цыпочках и плотно прикрыл ее. Закрыл дверь спальни. Вышел из квартиры, запер парадное и плоский ключик положил себе в жилетный карман.

Теперь все было закончено перед отъездом.

ТО Ю ЖЕ НО ЧЬ Ю

Этой ночью Маша долго дожидалась мужа — несколько раз подогревала чайник на примусе. За высокой дубовой дверью было тихо и жутковато.

Гусев и Маша жили в одной комнате, в когда-то роскошном, огромном, теперь заброшенном доме. Во время революции обитатели покинули его. За четыре года дожди и зимние выюги сильно попортили его внутренность.

Комната была просторная. На потолке, среди золотой резьбы и облаков, летела пышная женщина с улыбкой во все лицо, кругом,— крылатые младенцы.

«Видишь, Маша,— постоянно говаривал Гусев, показывая на потолок,— женщина какая веселая, в теле, и детей шесть душ, вот это — баба».

Над золоченой, с львиными лапами, кроватью висел портрет старика, в пудреном парике, с поджатым ртом, со звездой на кафтане. Гусев прозвал его «Генерал Топтыгин». «Этот спуска не давал, чуть что не по нем — сейчас топтать». Маша боялась глядеть на портрет. Через комнату была протянута железная труба железной печечки, закоптившей стену. На полках, на столе, где Маша готовила скудную еду,— порядок и чистота.

Резная дубовая дверь отворялась в двусветную залу. Разбитые окна в ней были заколочены досками, потолок местами обваливался. В ветреные ночи здесь гулял, завывая, ветер, бежали крысы.

Маша сидела у стола. Шипел огонек примуса. Издалека ветер донес печальный перезвон часов,— пробило два. Гусев не шел. Маша думала:

«Что ищет, чего ему мало? Все чего-то хочет найти, душа непокойная, Алеша, Алеша... Хоть бы раз закрыл глаза, лег бы ко мне на плечо, сынок: не ищи, не найдешь дороже моей жалости».

На ресницах у Маши выступали слезы, она их не спеша вытирала и подпирала щеку. Над головой летела, не могла улететь веселая женщина с веселыми младенцами. О ней Маша думала: «Вот была бы такая — никуда бы от меня не ушел».

Гусев сказал ей, что уезжает далеко, но куда — она не знала, спросить боялась. Она и сама видела, что жить ему с ней в этой чудной комнате, в тишине, без прежней воли,— трудно, не вынести. Ночью приснится ему что-нибудь — заскрежещет, вскрикнет глухо, сядет на постели и дышит,— зубы стиснуты, в поту лицо и грудь. Повалится, заснет, а наутро — весь темный, места себе не находит.

Маша до того была тихой с ним, так прилаживалась,— умнее матери. За это он ее любил и жалел, но как утро,— глядел, куда бы уйти.

Маша служила, приносила домой пайки. Денег у них часто совсем не было. Гусев хватался за разные дела, но скоро бро-

сал. «Старики сказывали — в Китае есть золотой клин, — говорил он, — клина, чай, такого там нет, но земля действительно нам еще неизвестная, — уйду я, Маша, в Китай, поглядеть, как и что».

С тоской, как смерти, ждала Маша того часа, когда Гусев уйдет. Никого на свете, кроме него, у нее не было. С пятнадцати лет служила продавщицей по магазинам, кассиршей на невольских пароходиках. Жила одиноко, невесело.

Год назад, в праздник, познакомилась с Гусевым в парке на скамейке. Он спросил: «Вижу, одиноко сидите, разрешите с вами провести время, — одному скучно». Она взглянула, — лицо славное, глаза веселые, добрые и — трезвый. «Ничего не имею против», — ответила коротко. Так они и гуляли в парке до вечера. Гусев рассказывал о войнах, набегах, переворотах, — такое, что ни в одной книге не прочитаешь. Проводил Машу до квартиры и с того дня стал к ней ходить. Маша просто и спокойно отдалась ему. И тогда полюбила, — вдруг, кровью всей почувствовала, что он — ей родной. С этого началась ее мука...

Чайник закипел, Маша сняла его и опять затихла. Уже давно ей чудился какой-то шорох за дверью, в пустой зале. Было так грустно, — не вслушивалась. Но сейчас — явственно слышно — шаркали чьи-то шаги.

Маша быстро открыла дверь и высунулась. В одно из окон в залу пробивался свет уличного фонаря и слабо освещал пучки пятнами несколько низких колонн. Между ними Маша увидела седого, нагнувшего лоб старичка, без шапки, в длинном пальто, — он стоял, вытянув шею, и глядел на Машу. У нее ослабели колени.

— Вам что здесь нужно? — спросила она шепотом.

Старичок вытянул шею и так смотрел на нее. Поднял, грозно, указательный палец. Маша с силой захлопнула дверь, — сердце отчаянно билось. Она вслушивалась, — шаги теперь отдалялись: старичок, видимо, уходил по парадной лестнице вниз.

Вскоре с другой стороны залы раздались быстрые, сильные шаги мужа. Гусев вошел веселый, перепачканный копотью.

— Слей-ка помыться, — сказал он, расстегивая ворот, — завтра едем, прощайте. Чайник у тебя горячий? Это славно. — Он вымыл лицо, крепкую шею, руки по локоть, вытираясь — покосился на жену. — Будет тебе, не пропаду, вернусь. Семь лет меня ни пуля, ни штык не могли истребить. Мой час еще далек — отметка не сделана. А умирать — все равно не отвертись: муха на лету заденет лапой, — брык и помер.

Он сел к столу, начал лупить вареную картошку, разломил, окунул в соль.

— Назавтра приготовь чистое, две смены, — рубашки, под-

штанники, подвертки. Мыльца не забудь, шильца да мыльца. Ты что — опять плакала?

— Испугалась,— ответила Маша, отворачиваясь,— старик какой-то все ходит, пальцем погрозил. Алеша, не уезжай.

— Это не ехать — что старик-то пальцем погрозил?

— На несчастье он погрозил.

— Жалко, я уезжаю, я бы с этим старикашкой серьезно поговорил. Это непременно кто-нибудь из бывших, здешних, бродит по ночам, нашептывает, выживает.

— Алеша, ты вернешься ко мне?

— Сказал — вернусь, значит вернусь. Фу-ты, беспокойная.

— Далеко едешь?

Гусев засвистал, кивнул на потолок и, посмеиваясь глазами, налил горячего чаю на блюдце.

— За облака, Маша, лечу, вроде этой бабы.

Маша только опустила голову. Гусев зевнул, начал раздеваться. Маша неслышно прибрала посуду, села штопать носки,— не поднимала глаз. А когда скинула платье и подошла к постели,— Гусев уже спал, положив руку на грудь, покойно закрыл ресницы. Маша прилегла рядом и глядела на мужа. По щекам ее текли слезы, так он был ей дорог, так тосковала она по его мятежному сердцу: «Куда легит, чего ищет?»

На рассвете Маша поднялась, вычистила платье мужа, собрала чистое белье. Гусев проснулся. Напился чаю,— шутил, гладил Машу по щеке. Оставил денег — большую пачку. Вскинул на спину мешок, задержался в дверях и поцеловал Машу.

Так она и не узнала, куда он уезжает.

О Т Л Е Т

На пустыре перед мастерской Лося стал собираться народ. Шли с набережной, бежали со стороны Петровского острова, сбивались в кучки, поглядывали на невысокое солнце, пустившее сквозь облака широкие лучи. Начинались разговоры:

— Что это народ собрался — убили кого?

— На Марс сейчас полетят.

— Вот тебе дожили, этого еще не хватало!

— Что вы рассказываете? Кто полетит?

— Двоих бандитов из тюрьмы взяли, запечатают их в стальной шар и — на Марс, для опыта.

— Бросьте вы врать, в самом деле.

— Ах, сволочи, людей им не жалко!..

— То есть — кому это — «им»?

— А вы, гражданин, не цепляйтесь.

- Конечно, издевательство.
- Ну и народ дурак, боже мой!
- Почему народ дурак? Откуда вы решили?
- Вас бы самого отправить за эти слова.
- Бросьте, товарищи. Тут в самом деле историческое событие, а вы, леший знает, что несете.
- А для каких целей на Марс отправляют?
- Извините, сейчас один тут говорил: двадцать пять пудов погрузили они одной агитационной литературы.
- Это экспедиция.
- За чем?
- За золотом.
- Совершенно верно,— для пополнения золотого фонда.
- Много думают привезти?
- Неограниченное количество.
- Гражданин, долго нам еще ждать?
- Как солнце сядет, так они и взвоятся...

До сумерек переливался говор, шли разные разговоры в толпе, ожидающей необыкновенного события. Спорили, ссорились, но не уходили.

Тусклый закат багровым светом разлился на полнеба. И вот, медленно раздвигая толпу, появился большой автомобиль Губисполкома. В сарае изнутри осветились окна. Толпа затихла, придвинулась.

Открытый со всех сторон, поблескивающий рядами заклепок, яйцевидный аппарат стоял на цементной, слегка наклоненной площадке, посреди сарая. Его ярко освещенная внутренность из стеганной ромбами желтой кожи была видна сквозь круглое отверстие люка.

Лось и Гусев были уже одеты в валеные сапоги, в бараньи полушубки, в кожаные пилотские шлемы. Члены исполкома, академики, инженеры, журналисты окружали аппарат. Напутственные речи были уже сказаны, фотографические снимки сделаны. Лось благодарил провожающих за внимание. Его лицо было бледно, глаза как стеклянные. Он обнял Хохлова и Кузьмина. Взглянул на часы.

— Пора!

Провожающие затихли. Гусев нахмурился и полез в люк. Внутри аппарата он сел на кожаную подушку, поправил шлем, одернул полушубок.

— К жене зайди, не забудь,— крикнул он Хохлову и сильно нахмурился.

Лось все еще медлил, глядел себе под ноги. Вдруг он поднял голову и сказал глуховатым, взволнованным голосом:

— Я думаю, что удачно опущусь на Марсе. Я уверен — пройдет немного лет, и сотни воздушных кораблей будут бороздить звездное пространство. Вечно, вечно нас толкает дух искания. Но не мне первому нужно было лететь. Не я первый должен проникнуть в небесную тайну. Что я найду там? — Забвение самого себя... Вот это меня смущает больше всего при расставании с вами... Нет, товарищи, я — не гениальный строитель, не смельчак, не мечтатель, я — трус, я — беглец...

Лось вдруг оборвал, странным взором оглянул провожающих, — все слушали его с недоумением. Он надвинул на глаза шлем.

— А впрочем, это не нужно никому — ни вам и ни мне, — личные пережитки... Оставляю их на этой одинокой койке, в сарае... До свидания, товарищи, прошу как можно дальше отойти от аппарата...

Сейчас же Гусев крикнул из люка:

— Товарищи, я передам энтим на Марсе пламенный привет от Советской республики. Уполномачиваете?

Толпа загудела. Раздались аплодисменты.

Лось повернулся, полез в люк и сейчас же с силой захлопнул его за собой. Провожающие, теснясь, взволнованно перекидываясь словами, побежали из сарая к толпе на пустырь. Чей-то голос протяжно начал кричать:

— Осторожнее, отходите, ложитесь!

В молчании теперь тысячи людей глядели на квадратные освещенные окна сарая. Там было тихо. Тишина и на пустыре. Так прошло несколько минут. Много людей легло на землю. Вдруг звонко вдалеке заржала лошадь. Кто-то крикнул страшным голосом:

— Тише!

В сарае оглушающе грохнуло, затрещало. Сейчас же раздались более сильные, частые удары. Здрожала земля. Над крышей сарая поднялся тупой металлический нос и заволокся облаком дыма и пыли. Треск усилился. Черный аппарат появился весь над крышей и повис в воздухе, будто примериваясь. Взрывы слились в сплошной вой, и четырехсаженное яйцо, наискось, как ракета, взвилось над толпой, устремилось к падению, ширкнуло огненной полосой и исчезло в багровом, тусклом зареве туч.

Только тогда в толпе начался крик, полетели шапки, побежали люди, обступили сарай.

В ЧЕРНОМ НЕБЕ

Завинтив входной люк, Лось сел напротив Гусева и стал глядеть ему в глаза, — в колючие, как у пойманной птицы, точные зрачков.

— Летим, Алексей Иванович?

— Пускайте.

Тогда Лось взялся за рычажок реостата и слегка повернул его. Раздался глухой удар, — тот первый треск, от которого вздрогнула на пустыре тысячная толпа. Повернул второй реостат. Глухой треск под ногами, и сотрясения аппарата стали так сильны, что Гусев схватился за сидение, выкатил глаза. Лось включил оба реостата. Аппарат рванулся. Удары стали мягче, сотрясение уменьшилось. Лось прокричал:

— Поднялись.

Гусев отер пот с лица. Становилось жарко. Счетчик скорости показывал пятьдесят метров в секунду, стрелка продолжала подвигаться вперед.

Аппарат мчался по касательной, против вращения Земли. Центробежная сила относилась к востоку. По расчетам, на высоте ста километров он должен был выпрямиться и лететь по диагонали, вертикальной к поверхности Земли.

Двигатель работал ровно, без сбоев. Лось и Гусев расстегнули полушубки, сдвинули на затылок шлемы. Электричество было потушено, и бледный свет проникал сквозь стекла глазков.

Преодолевая слабость и начавшееся головокружение, Лось опустил*на колени и сквозь глазок глядел на уходящую Землю. Она расстилалась огромной, без краев, вогнутой чашей, — голубовато-серая. Кое-где, точно острова, лежали на ней гряды облаков, это был Атлантический океан.

Понемногу чаша суживалась, уходила вниз. Правый край ее начал светиться, как серебро, на другой находила тень. И вот чаша уже казалась шаром, улетающим в бездну.

Гусев, прильнувший к другому глазку, сказал:

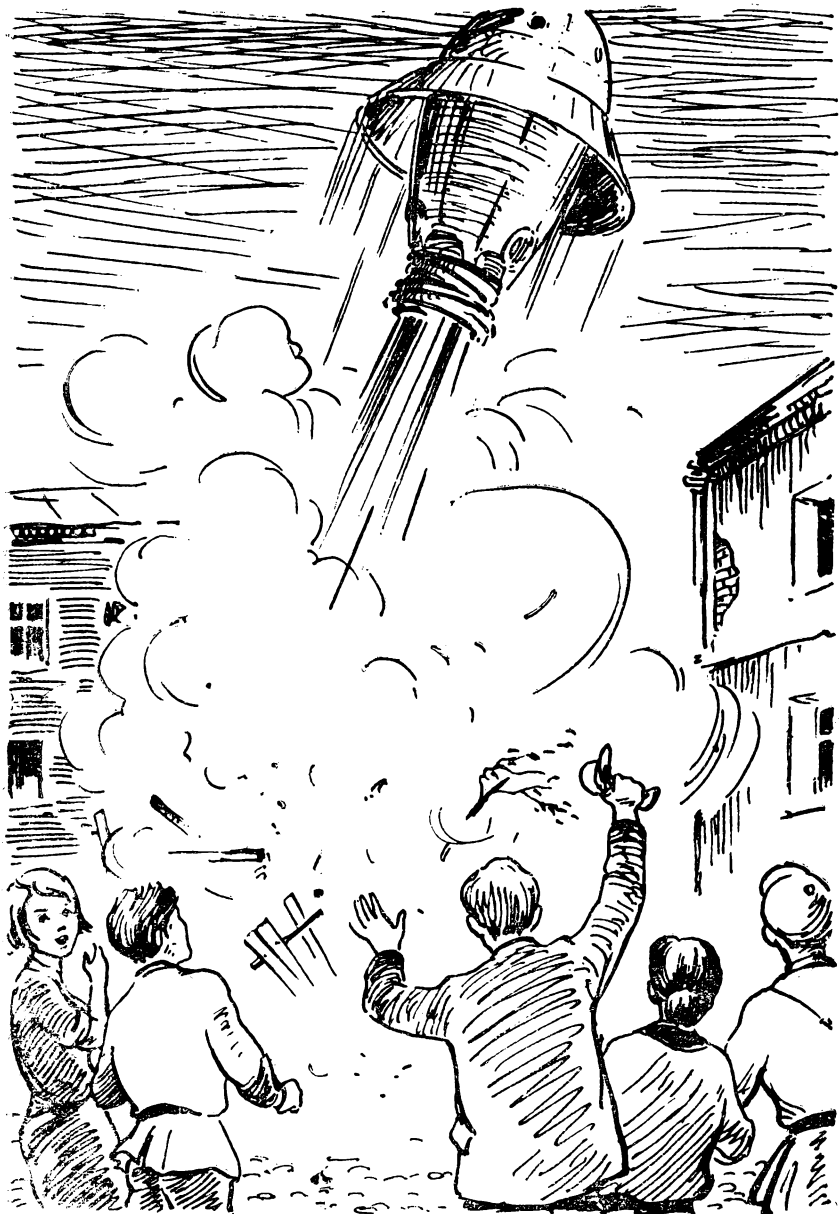
— Прощай, матушка, пожито на тебе, пролито кровушки. Он поднялся с колен, но вдруг зашатался, повалился на подушку. Рванул ворот:

— Помираю, Мстислав Сергеевич, мочи нет.

Лось чувствовал: сердце бьется чаще, чаще, уже не бьется, — трепещет мучительно. Бьет кровь в виски. Темнеет свет.

Он пополз к счетчику. Стрелка стремительно поднималась, отмечая невероятную быстроту. Кончался слой воздуха. Уменьшалось притяжение. Компас показывал, что Земля была вертикально внизу. Аппарат, с каждой секундой набирая ско-

рость, с сумасшедшей быстротой уносился в мировое ледяное пространство.

Лось, ломая ногти, едва расстегнул ворот полушубка — сердце стало.

Предвидя, что скорость аппарата и находящихся в нем тел достигнет такого предела, когда наступит заметное изменение скорости биения сердца, обмена крови и соков, всего жизненного ритма тела, — предвидя это, Лось соединил счетчик скорости одного из жироскопов (их было два в аппарате) электрическими проводами с кранами баков, которые в нужную минуту должны выпустить большое количество кислорода и аммиачных солей.

Лось очнулся первым. Грудь резало, голова кружилась, сердце шумело, как волчок. Мысли появились и исчезли — необычайные, быстрые, ясные. Движения были легки и точны.

Лось закрыл лишние краны в баках, взглянул на счетчик. Аппарат покрывал около пятисот верст в секунду. Было светло. В один из глазков входил прямой, ослепительный луч солнца. Под лучом, навзничь, лежал Гусев, — зубы оскалены, стеклянные глаза вышли из орбит.

Лось поднес ему к носу едкую соль. Гусев глубоко вздохнул, затрепетали веки. Лось обхватил его под мышками и сделал усилие приподнять, но тело Гусева повисло, как пузырь с воздухом. Он разжал руки, — Гусев медленно опустился на пол, вытянул ноги по воздуху, поднял локти, — сидел, как в воде, озирался:

— Мстислав Сергеевич, а я не пьяный?

Лось приказал ему лезть наблюдать в верхние глазки. Гусев встал, качнулся, примерился и полез по отвесной стене аппарата, как муха, — хватался за стеганую обивку. Прильнул к глазку.

— Темень, Мстислав Сергеевич, как есть ничего не видно.

Лось надел дымчатое стекло на окуляр, обращенный к солнцу. Четким очертанием, огромным, косматым клубком солнце висело в пустой темноте. С боков его, как крылья, были раскинуты две световые туманности. От плотного ядра отделился фонтан и расплылся грибом, — это было время, когда проходили большие солнечные пятна. В отдалении от светлого ядра располагались еще более бледные, чем зодиакальные крылья, световые океаны огня, отброшенные от солнца и вращающиеся вокруг него.

Лось с трудом оторвался от этого зрелища, — живоносного огня вселенной. Прикрыл окуляр колпачком. Стало темно. Он придвинулся к глазку, противоположному световой стороне.

Здесь была тьма. Он повернул окуляр, и глаз укололся в зеленоватый луч звезды. Но вот в глазок вошел голубой, ясный, сильный луч,— это был Сириус, небесный алмаз, первая звезда северного неба.

Лось подполз к третьему глазку. Повернул окуляр, взглянул, протер его носовым платком. Всмотрелся. Сжалось сердце, стали чувствительны волосы на голове.

Невдалеке, во тьме, плыли, совсем близко, неясные, туманные пятна. Гусев проговорил с тревогой:

— Какая-то штука летит рядом с нами.

Туманные пятна медленно уходили вниз, становились отчетливее, светлее. Побежали изломанные, серебристые линии, нити. И вот стало проступать яркое очертание рваного края скалистого гребня. Аппарат, видимо, сближался с каким-то небесным телом, вошел в его притяжение и, как спутник, начал поворачиваться вокруг него.

Дрожащей рукой Лось пошарил рычажки реостата и повернул их до отказа, рискуя взорвать аппарат. Внутри, под ногами, все заревело, затрепетало. Пятна и сияющие рваные края быстрее стали уходить вниз. Освещенная поверхность увеличивалась, приближалась. Теперь уже ясно можно было видеть резкие, длинные тени от скал,— они тянулись через оголенную, мертвую равнину.

Аппарат летел к скалам,— они были совсем близко, залитые сбоку солнцем. Лось подумал (сознание было спокойное и ясное): через секунду,— аппарат не успеет повернуть к притягивающей его массе горлом,— через секунду — смерть.

В эту долю секунды Лось заметил на мертвой равнине, меж скал, развалины уступчатых башен... Затем аппарат скользнул над голыми острями гор... Но там, по ту их сторону, был обрыв, бездна, тьма. Сверкнули на рваном отвесном обрыве жилы металлов. И осколок разбитой, неведомой планеты остался далеко позади,— продолжал свой мертвый путь к вечности. Аппарат снова мчался среди пустыни черного неба.

Вдруг Гусев крикнул:

— Вроде как Луна перед нами!

Он обернулся, отделился от стены и повис в воздухе, раскорячился лягушкой и, ругаясь шепотом, силился приплыть к стене. Лось отделился от пола и тоже повиснул, держась за трубку глазка,— глядел на серебристый, ослепительный диск Марса.

СПУСК

Серебристый, кое-где словно подернутый облачками диск Марса заметно увеличивался. Ослепительно сверкало пятно льдов Южного полюса. Ниже его расстилалась изогнутая туманность. На востоке она доходила до экватора, близ среднего меридиана поднималась, огибая полого более светлую поверхность, и раздваивалась, образуя у западного края диска второй мыс.

По экватору были расположены — ясно видны — пять темных точек, круглых пятен. Они соединялись прямыми линиями, которые начерчивали два равносторонних треугольника и третий — удлинённый. Подножие восточного треугольника было охвачено правильной дугой. От середины ее до крайней, западной точки шло второе полукружие. Несколько линий, точек и полукружий разбросано к западу и востоку от этой экваториальной группы. Северный полюс тонул во мгле.

Лось жадно вглядывался в эту сеть линий: вот они, сводящие с ума астрономов, постоянно меняющиеся, геометрически правильные, непостижимые каналы Марса. Лось различал теперь под этим четким рисунком вторую, едва проступающую, словно стертую, сеть линий.

Он начал набрасывать примерный рисунок ее в записной книжке. Вдруг диск Марса дрогнул и поплыл в окуляре глазка. Лось кинулся к реостатам:

— Попали, Алексей Иванович, притягиваемся, падаем!

Аппарат поворачивал горлом к планете. Лось уменьшил и совсем выключил двигатель. Перемена скорости была теперь менее болезненна. Но наступила тишина настолько мучительная, что Гусев уткнулся лицом в руки, зажал уши.

Лось лежал на полу, наблюдая, как увеличивается, растет, становится все более выпуклым серебряный диск. Казалось, из черной бездны он сам теперь летел на них.

Лось снова включил реостаты. Аппарат затрепетал, преодолевая притяжение Марса. Скорость падения замедлилась. Марс закрывал теперь все небо, тускнел, края его выгибались чашей.

Последние секунды были страшными: головокружительное падение. Марс закрыл все небо. Внезапно стекла глазков запотели. Аппарат прорезывал облака над тусклой равниной и, ревя и сотрясаясь, медленно теперь опускался.

— Садимся! — успел только крикнуть Лось и выключил двигатель. Сильным толчком его кинуло на стену, перевернуло. Аппарат грузно сел и повалился набок.

Колени тряслись, руки дрожали, сердце замирало. Молча, торопливо Лось и Гусев приводили в порядок внутренность аппарата. Сквозь отверстие одного из глазков высунули наружу полуживую мышь, привезенную с Земли. Мышь понемногу ожила, подняла нос, стала шевелить усами, умылась. Воздух был годен для жизни.

Тогда отвинтили входной люк. Лось облизнул губы, сказал еще глуховатым голосом:

— Ну, Алексей Иванович, с благополучным прибытием. Вылезаем.

Скинули валенки и полушубки. Гусев прицепил маузер к поясу (на всякий случай), усмехнулся и распахнул люк.

МАРС

Темно-синее, как море в грозу, ослепительное, бездонное небо увидели Гусев и Лось, вылезая из аппарата.

Пылающее, косматое солнце стояло высоко над Марсом. Потoki хрустального синего света были прохладны, прозрачны — от резкой черты горизонта до зенита...

— Веселое у них солнце, — сказал Гусев и чихнул, до того ослепителен был свет в густо-синей высоте. Покалывало грудь, стучала кровь в виски, но дышалось легко, — воздух был тонок и сух.

Аппарат лежал на оранжево-апельсиновой плоской равнине. Горизонт совсем близок, подать рукой. Почва вся в больших трещинах. Повсюду на равнине стояли высокие кактусы, точно семисвечники, — бросали резкие лиловые тени. Подувал сухой ветерок.

Лось и Гусев долго озирались, потом пошли по равнине. Идти было необычайно легко, хотя ноги и вязли по щиколотку в рассыпающейся почве. Огибая жирный высокий кактус, Лось протянул к нему руку. Растение, едва его коснулись, затрепетало, как под ветром, и бурые его, мясистые отростки потянулись к руке. Гусев пхнул сапогом ему под корень, — ах, погань! — кактус повалился, вонзая в песок колючки.

Шли около получаса. Перед глазами расстилалась все та же оранжевая равнина, — кактусы, лиловые тени, трещины в грунте. Когда повернули к югу и солнце осталось сбоку, Лось стал присматриваться, словно что-то соображал, вдруг остановился, присел, хлопнул себя по колену.

— Алексей Иванович, почва-то ведь вспаханная.

— Что вы?

Действительно, теперь ясно были видны широкие, полу-

обсыпавшиеся борозды пашни и правильные ряды кактусов. Через несколько шагов Гусев споткнулся о каменную плиту, в нее было ввернуто большое бронзовое кольцо с обрывком каната. Лось поскреб подбородок, глаза его блестели.

— Алексей Иванович, вы ничего не понимаете?

— Да вижу, что мы — в поле.

— А кольцо зачем?

— Черт их душу знает, зачем они кольцо ввинтили.

— А затем, чтобы привязывать бакен. Видите ракушки?

Мы — на дне высохшего канала.

Гусев сказал:

— Да, действительно... Насчет воды тут плоховато.

Они повернули к западу и шли поперек борозд. Вдалеке над полем поднялась и летела, судорожно взмахивая крыльями, большая птица с висячим, как у осы, телом. Гусев приостановился, положив руку на револьвер. Но птица взмыла, сверкнув в густой синеве, и скрылась за близким горизонтом.

Кактусы становились выше, гуще, добротнее. Приходилось осторожно пробираться в их живой, колючей чаще. Из-под ног выбегали животные, похожие на каменных ящериц, многоногие, ярко-оранжевые, с зубчатым хребтом. Несколько раз в гуще лапчатой заросли скользили, кидались в сторону какие-то щетинистые клубки. Здесь шли осторожно.

Кактусы кончились у белого, как мел, покатога берега. Он был обложен, видимо, древними тесаными плитами. В трещинах и между щелями кладки висели высохшие волокна мха. В одну из таких плит ввернуто такое же, как на поле, кольцо. Хребтатые ящеры мирно дремали на припеке.

Лось и Гусев взобрались по откосу наверх. Отсюда была видна холмистая равнина того же апельсинового, но более тусклого цвета. Кое-где разбросаны на ней кущи низкорослых, подобных горным соснам, деревьев. Кое-где белели груды камней, очертания развалин. Вдали, на северо-западе, поднималась гряда гор, острых и неровных, как застывшие языки пламени. На вершинах сверкал снег.

— Вернуться нам надо, поесть, передохнуть, — сказал Гусев, — умаемся, тут ни одной живой души нет.

Они стояли еще некоторое время. Равнина была пустынна и печальна, — сжималось сердце.

— Да, заехали, — сказал Гусев.

Они спустились с откоса, пошли к аппарату и долго блуждали, разыскивая его среди кактусов.

Вдруг Гусев — шепотом:

— Вот он!

Привычной хваткой вырвал револьвер из кобуры.

— Эй,— закричал он,— кто там у аппарата, так вашу эдак. Стрелять буду!

— Кому кричите?

— Видите, аппарат поблескивает?

— Вижу теперь, да.

— А вон, правее его,— сидит.

Лось наконец увидел, и они, спотыкаясь, побежали к аппарату. Существо, сидевшее около аппарата, двинулось в сторону, запрыгало между кактусами, подскочило, раскинуло длинные перепончатые крылья, с треском поднялось и, описав полукруг, взмыло над людьми. Это было то самое, что давеча они приняли за птицу. Гусев повел револьвером, ловчась срезать на лету крылатого зверя. Но Лось вышиб у него оружие, крикнул:

— С ума сошел! Это марсианин!..

Закинув голову, раскрыв рот, Гусев глядел на удивительное существо, описывающее круги в кубово-синем небе. Лось вынул носовой платок и начал махать странной птице.

— Мстислав Сергеевич, поосторожнее, как бы он в нас чем-нибудь не шарахнул оттуда.

— Спрячьте, говорю, револьвер.

Большая птица снижалась. Теперь ясно было видно чело-векообразное существо, сидящее в седле летательного аппарата. По пояс тело сидящего висело в воздухе. На уровне его плеч взмахивали два изогнутых подвижных крыла. Под ними, впереди, крутился теневой диск, видимо — воздушный винт. Позади седла — хвост с раскинутыми вилкой рулями. Весь аппарат подвижен и гибок, как живое существо.

Вот он нырнул и пошел у самой пашни,— одно крыло вниз, другое вверх. Показалась голова марсианина в шапке — яйцом, с длинным козырьком. На глазах — очки. Лицо кирпичного цвета, узкое, сморщенное, с острым носом. Он разевал большой рот и пищал что-то. Часто-часто замахал крыльями, снизился, пробежал по пашне и соскочил с седла шагах в тридцати от людей.

Марсианин был как человек среднего роста, одет в желтую широкую куртку. Сухие ноги его, выше колен туго обмотаны. Он сердито указывал на поваленные кактусы. Но когда Лось и Гусев двинулись к нему, живо вскочил в седло, погрозил оттуда длинным пальцем, взлетел, почти без разбега, и сейчас же опять сел и продолжал кричать пискливым, тонким голосом, указывая на поломанные растения.

— Чудак, обижается,— сказал Гусев и крикнул марсианину: — Да будет тебе орать, сукин кот. Катись к нам, не обидим!..

— Алексей Иванович, перестаньте ругаться, он не понимает по-русски. Сядьте, иначе он не подойдет.

Лось и Гусев сели на горячий грунт. Лось стал показывать, что хочет пить и есть. Гусев закурил папироску, сплюнул. Марсианин некоторое время глядел на них и кричать перестал, но все еще сердито грозил длинным, как карандаш, пальцем. Затем отвязал от седла мешок, кинул его в сторону людей, поднялся кругами на большую высоту и быстро ушел на север, скрылся за горизонтом.

В мешке оказались две металлические коробки и плоский сосуд с жидкостью. Гусев вскрыл коробки — в одной было сильно пахучее желе, в другой — студенистые кусочки, похожие на рахат-лукум. Гусев понохал.

— Тьфу, скажите, что едят!

Он вытащил из аппарата корзинку с провизией, набрал сухих обломков кактуса, запалил их. Поднялся легкий дымок, кактусы тлели, но жара было много. Разогрели жестянку с солониной, разложили еду на чистом платочке. Ели жадно, только сейчас почувствовали нестерпимый голод.

Солнце стояло над головой, ветер утих, было жарко. По оранжевым кочкам подполз многоногий зверек... Гусев кинул ему кусочек сухаря. Он поднял треугольную рогатую голову и будто окаменел.

Лось попросил папироску и прилег, подперев щеку, — курил, усмехался.

— Алексей Иванович, знаете, сколько времени мы не ели?

— Со вчерашнего вечера, Мстислав Сергеевич, перед отлетом я картошки наелся.

— Не ели мы с вами, друг милый, двадцать три или двадцать четыре дня.

— Сколько?

— Вчера в Петрограде было восемнадцатое августа, а сегодня в Петрограде одиннадцатое сентября, — вот чудеса какие.

— Этого, вы мне голову оторвите, не пойму, Мстислав Сергеевич.

— Да этого и я хорошенько-то не понимаю, как это так. Вылетели мы в семь. Сейчас, видите, два часа дня. Девятнадцать часов тому назад мы покинули Землю, по этим часам. А по часам, которые остались у меня в мастерской, прошло около месяца. Вы замечали, — едете вы в поезде, спите, поезд останавливается, вы либо проснетесь от неприятного ощущения, либо во сне вас начинает томить. Это потому, что, когда вагон останавливается, во всем вашем теле происходит замед-

ление скорости. Вы лежите в бегущем вагоне, и ваше сердце бьется, и ваши часы идут скорее, чем если бы вы лежали в недвижном вагоне. Разница неуловимая, потому что скорости очень малы. Иное дело — наш перелет. Половину пути мы пролетели почти со скоростью света. Тут уже разница ощутима. Биение сердца, скорость хода часов, колебание частиц в клеточках тела не изменились по отношению друг друга, откуда мы летели в безвоздушном пространстве, — составляли одно целое с аппаратом, все двигалось в одном с ним ритме. Но если скорость аппарата превышала в пятьсот тысяч раз нормальную скорость движения тела на Земле, по скорости биения моего сердца, — один удар в секунду, если считать по часам, бывшим в аппарате, — увеличилась в пятьсот тысяч раз, то есть мое сердце отбивало во время полета пятьсот тысяч ударов в секунду, считая по часам, оставшимся в Петербурге. По биению моего сердца, по движению стрелки хронометра в моем кармане, по ощущению всего моего тела мы прожили в пути девятнадцать часов. И это на самом деле были девятнадцать часов. Но по биению сердца питерского жителя, по движению стрелки на часах Петропавловского собора прошло со дня нашего отлета три с лишком недели. Впоследствии можно будет построить большой аппарат, снабдить его на полгода запасом пищи, кислорода и ультралиддита и предлагать каким-нибудь чудачкам: вам не нравится жить в наше время, — хотите жить через сто лет? Для этого нужно только запастись терпением на полгода, посидеть в этой коробке, но зато — какая жизнь! Вы перескочите через столетие. И отправлять их со скоростью света на полгода в межзвездное пространство. Поскучают, обрастут бородой, вернутся, а на Земле — золотой век. А ведь все это так и будет когда-нибудь.

Гусев охал, щелкая языком, много удивлялся:

— Мстислав Сергеевич, а как вы думаете насчет этого питья, — мы не отравимся?

Он зубами вытащил из марсианской фляжки затычку, попробовал жидкость на язык, сплюнул: пить можно! Хлебнул, крикнул.

— Вроде нашей мадеры.

Лось попробовал; жидкость была густая, сладковатая, с сильным запахом цветов. Пробуя, они выпили половину фляжки. По жилам пошла тепло и особенная легкая сила, голова же оставалась ясной.

Лось поднялся, потянулся, расправился, — хорошо, легко, странно было ему под этим иным небом, несбыточно, дивно.

Будто он выкинут прибором звездного океана, заново рожден в неизведанную, новую жизнь.

Гусев отнес корзинку с едой в аппарат, плотно завинтил люк, сдвинул картуз на самый затылок.

— Хорошо, Мстислав Сергеевич, не жалко, что поехали.

Решено было опять пойти к берегу и побродить до вечера по холмистой равнине.

Весело переговариваясь, они пошли между кактусами, иногда перепрыгивали через них длинными, легкими прыжками. Камни набережного откоса скоро забелели сквозь заросль.

Вдруг Лось стал. Холодок омерзения прошел по спине. В трех шагах, у самой земли, из-за жирных листьев глядели на него большие, как лошадиные, полуприкрытые рыжими веками глаза. Глядели пристально, с лютой злобой.

— Вы что? — спросил Гусев и тоже увидел глаза. И, не размышляя, сейчас же выстрелил в них, — взлетела пыль. Глаза исчезли. — Вон еще — гадина! — Гусев повернулся и выстрелил еще раз в стремительно бегущее на больших паучьих ногах бурое, редкопалосое, жирное тело. Это был огромный паук, какие на Земле водятся лишь на дне глубоких морей. Он ушел в заросль.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

От берега до ближайшей кучи деревьев Лось и Гусев шли по горелому, бурому праху, перепрыгивали через обсыпавшиеся неширокие каналы, огибали высохшие прудки. Кое-где, в полузасыпанных руслах, из песка торчали ржавые остовы бира. Кос-где на мертвой, унылой равнине поблескивали выпуклые диски — около метра в диаметре. Отсвечивающие пятна этих дисков тянулись от зубчатых гор — по холмам — к древесным кущам, к развалинам.

Среди двух холмов стояла куча низкорослых, с раскидистыми, плоскими вершинами, бурых деревьев. Их ветви были корявы и крепки, листва напоминала мелкий мох, стволы — жилистые и шишковатые. На опушке, между деревьями, висели обрывки колючей сети.

Вошли в лесок, Гусев нагнулся и пихнул ногой, — из-под праха покатылся проломанный человеческий череп, в зубах блеснул металл. Здесь было душно. Мшистые ветви бросали в безветренном зное скудную тень. Через несколько шагов опять наткнулись на выпуклый диск, — он был привинчен к основанию круглого металлического колодца. В конце леска виднелись развалины, — толстые кирпичные стены, словно

развороченные взрывом, горы щебня, торчащие концы согнутых металлических балок.

— Дома взорваны, Мстислав Сергеевич,— сказал Гусев.— Тут у них, видимо, были дела. Эти штуки мы знаем.

На куче мусора появился большой паук и побежал вниз по рваному краю стены. Гусев выстрелил. Паук высоко подскочил и упал, перевернувшись. Сейчас же второй паук побежал из-за дома к деревьям, поднимая коричневую пыльцу, и ткнулся в колючую сеть, стал биться в ней, вытягивая ноги.

Из рошницы Гусев и Лось вышли на холм и стали спускаться ко второму леску, туда, где издалека виднелись кирпичные постройки и одно, выше других, каменное здание — с плоскими крышами. Между холмом и поселком лежало несколько дисков. Указывая на них, Лось сказал:

— По всей вероятности, это колодцы водопровода, пневматических труб, электрических проводов. Все это, видимо, брошено.

Они перелезли через колючую сеть, пересекли лесок и подошли к широкому, мощенному плитами двору. В глубине его стоял дом необыкновенной и мрачной архитектуры. Гладкие стены его суживались кверху и заканчивались массивным карнизом из черно-красного камня. В стенах — длинные и узкие, как щели, глубокие отверстия окон. Две чешуйчатые, суживающиеся кверху колонны поддерживали над входом бронзовый барельеф — покоящуюся фигуру с закрытыми глазами. Плоские, во всю ширину здания, ступени вели к низким массивным дверям. Высохшие волокна ползучих растений висели между темными плитами стен. Дом напоминал огромную гробницу.

Гусев стал пробовать плечом металлическую дверь. Налег, — она со скрипом подалась. Они миновали темный вестибюль и вошли в высокую залу. Свет проникал в нее сквозь стекла купола. Зала была почти пуста. Несколько опрокинутых табуретов, низкий стол с пыльной черной скатертью, на каменном полу — разбитые сосуды, какая-то странной формы машина, не то орудие — из дисков, шаров и металлической сети, стоящая близ дверей, — все было покрыто слоем пыли.

Пыльный свет падал на желтоватые, с золотистыми искрами стены. Вверху они были опоясаны широкой полосой мозаики. Видимо, она изображала события истории — борьбу желтокожих существ с краснокожими: морские волны с погруженной в них по пояс человеческой фигурой, та же фигура, летящая между звезд, — картины битв, нападение хищных

перей, стада странных животных, гонимые пастухами, сцены быта, охоты, пляски, рождения и погребения. Мрачный пояс этой мозаики смыкался над дверьми изображением постройки гигантского цирка.

— Странно, странно,— повторял Лось, влезая на диваны, чтобы лучше разобрать мозаику,— повсюду повторяется любопытный рисунок человеческой головы, понимаете, очень странно...

Гусев тем временем отыскал в стене едва приметную дверь,— она открывалась на внутреннюю лестницу, ведущую в широкий сводчатый коридор, залитый пыльным светом.

Вдоль стен и в нишах коридора стояли каменные и бронзовые фигуры, торсы, головы, маски, черепки ваз. Украшенные мрамором и бронзой порталы дверей вели отсюда во внутренние покои.

Гусев пошел заглядывать в боковые — низкие, затхлые, слабо освещенные комнаты. В одной был высохший бассейн, в нем валялся дохлый паук. В другой — вдребезги разбитое зеркало, составляющее одну из стен, на полу — куча истлевшего тряпья, опрокинутая мебель, в шкафах — лохмотья одежды.

В третьей комнате, на возвышении, под высоким колодцем, откуда падал свет, стояло широкое ложе. С него до половины свешивался скелет марсианина. Повсюду — следы жестокой борьбы. В углу, тычком, лежал второй скелет.

Здесь среди мусора Гусев отыскал несколько вещей чуждого, тяжелого металла,— видимо, украшения, предметы женского обихода,— маленькие сосуды из цветного камня. Он снял с истлевшей одежды скелета два, соединенных цепочкой больших темно-золотистых камня, словно светящихся внутри.

— Пригодится,— сказал Гусев,— Машке подарю...

Лось осматривал скульптуру в коридоре. Среди востроносых марсианских голов, изображений морских чудовищ, раскрашенных масок, склеенных ваз, странно напоминающих очертанием и рисунком этрусские амфоры,— внимание его остановила большая поясная статуя. Она изображала обнаженную женщину с всклокоченными волосами и свирепым асимметричным лицом. Острые груди ее торчали в стороны. Голову обхватывал золотой обруч из звезд, над лбом он переходил в тонкую параболу, внутри ее заключались два шарика: рубиновый и красновато-кирпичный. В чертах чувственного и властного лица было что-то волнующе-знакомое, выплывающее из непостижимой памяти.

Сбоку статуи, в стене, темнела небольшая ниша, забран-

ная решеткой. Лось запустил пальцы сквозь прутья, но решетка не подалась. Он зажег спичку и увидел в нише на истлевшей подушечке золотую маску. Это было изображение широкоскулого человеческого лица со спокойно закрытыми глазами. Лунообразный рот улыбался. Нос — острый, клювом. На лбу между бровей — припухлость в виде увеличенного стрекозинога глаза. Это была голова, изображенная на мозаике в первой зале.

Лось сжег половину коробки спичек, с волнением рассматривая удивительную маску. Незадолго до отлета с Земли он видел снимки подобных масок, открытых недавно среди развалин гигантских городов по берегам Нигера, в той части Африки, где теперь предполагают следы культуры исчезнувшей таинственной расы.

Одна из боковых дверей в коридоре была приоткрыта, Лось вошел в длинную, очень высокую комнату с хорами и решетчатой балюстрадой. Внизу и наверху — на хорах стояли плоские шкафы и тянулись полки, уставленные маленькими толстыми книжечками. Украшенные тиснением и золотой чеканкой, корешки их тянулись однообразными линиями вдоль серых стен. В шкафах стояли металлические цилиндрики, в иных — огромные, переплетенные в кожу или в дерево книги. Со шкафов, с полок, из темных углов библиотеки глядели каменными глазами морщинистые, лысые головы ученых марсиан. По комнате расставлено несколько глубоких сидений, несколько ящичков на тонких ножках с приставленным сбоку круглым экраном.

Затаив дыхание, Лось оглядывал эту, с запахом тления и плесени, сокровищницу, где молчала, закованная в книги, мудрость тысячелетий, пролетевших над Марсом.

Осторожно он подошел к полке и стал раскрывать книги. Бумага их была зеленоватая, шрифт геометрического очертания, мягкой коричневой окраски. Одну из книг, с чертежами машин, Лось сунул в карман, чтобы просмотреть на досуге. В металлических цилиндрах оказались вложенными желтоватые, звучащие под ногтем, как кость, валики, подобные валикам фонографа, но поверхность их была гладкая, как стекло. Один из таких валиков лежал на ящичке с экраном, видимо приготовленный для зарядки и брошенный во время гибели дома.

Затем Лось открыл черный шкаф, взял наугад одну из переплетенных в кожу, изъеденную червями, легкую пухлую книгу и рукавом осторожно отер с нее пыль. Желтоватые ветхие листы ее шли сверху вниз непрерывной, сложенной зигзагами, полосой. Эти, переходящие одна в другую, стра-

ницы были покрыты цветными треугольниками величиною с ноготь. Они бежали слева направо и в обратном порядке неправильными линиями, то падая, по сплетаясь. Они менялись в очертании и цвете. Спустя несколько страниц между треугольниками появились цветные круги, меняющие форму и окраску. Треугольники стали складываться в фигуры. Сплетения и переливы цветов и форм этих треугольников, кругов, квадратов, сложных фигур бежали со страницы на страницу. Понемногу в ушах Лося начала наигрывать едва уловимая, тончайшая, изумительная музыка.

Он закрыл книгу и долго стоял, прислонившись к книжным полкам, взволнованный и одурманенный никогда еще не испытанным очарованием: это была покоящая книга.

— Мстислав Сергеевич,— раскатисто по дому пронесся голос Гусева,— идите-ка сюда, скорее.

Лось вышел в коридор. В конце его, в дверях, стоял Гусев, испуганно улыбаясь.

— Посмотрите-ка, что у них творится.

Он ввел Лося в узкую полутемную комнату; в дальней стене было вделано большое квадратное матовое зеркало, перед ним стояло несколько табуретов и кресел.

— Видите, шарик висит на шнурке; думаю,— золотой, дай сорву,— смотрите, что получилось.

Гусев дернул за шарик. Зеркало озарилось, появились уступчатые очертания огромных домов, окна, сверкающие закатным солнцем, развевающиеся полотнища. Глухой гул толпы наполнил темную комнату. По зеркалу, сверху вниз, закрывая очертания города, скользнула крылатая тень. Вдруг огненная вспышка озарила экран, резкий треск раздался под полом комнаты, туманное зеркало погасло.

— Короткое замыкание, провода перегорели,— сказал Гусев.— Нам надо идти, Мстислав Сергеевич, ночь скоро.

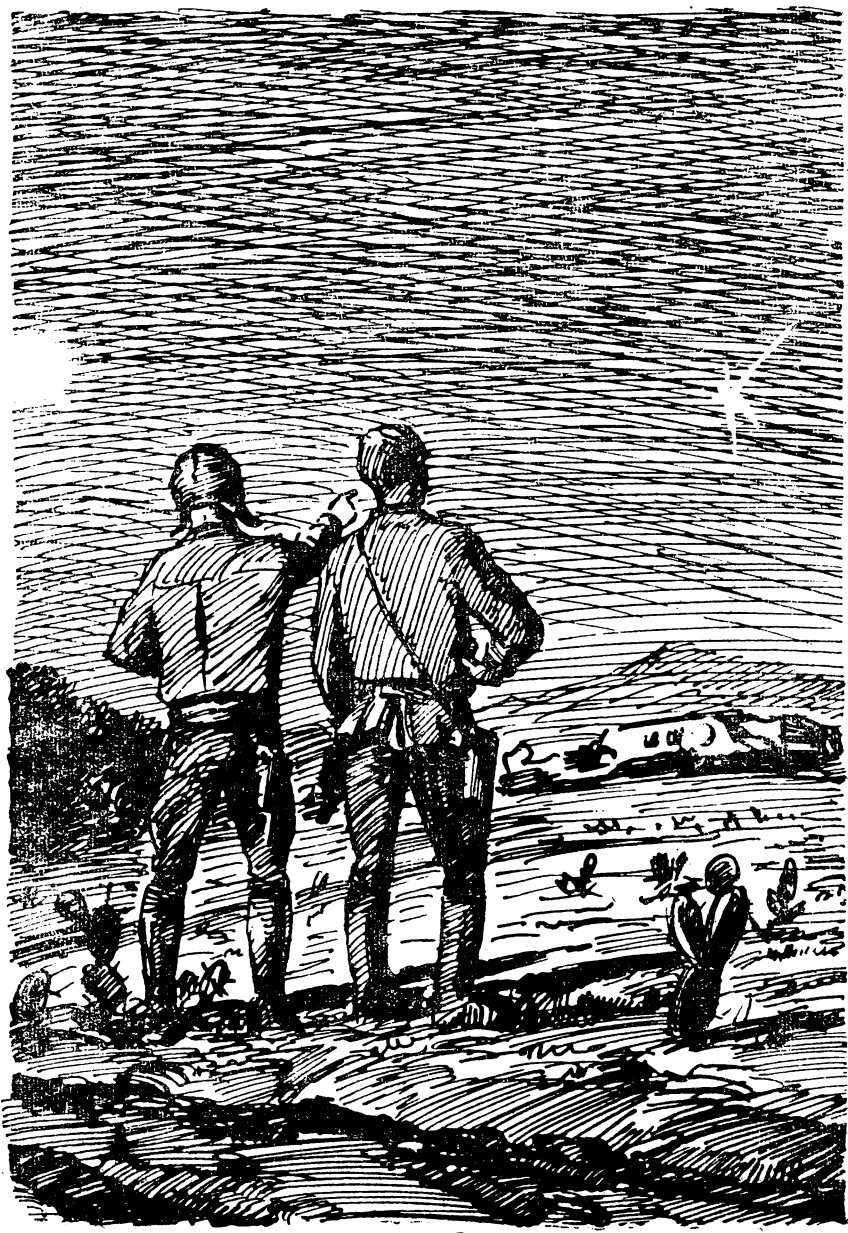
ЗАКАТ

Раскинув узкие туманные крылья, пылающее солнце клонилось к закату.

Лось и Гусев торопливо шли по тускнеющей, теперь еще более пустынной и дикой равнине к берегу канала. Солнце быстро уходило за близкий край поля — и кануло. Ослепительное алое сияние разлилось на месте заката. Резкие лучи его озарили полнеба и быстро-быстро покрывались серым пеплом,— гасли. Небо казалось непроглядным.

В пепельном закате, низко над Марсом, встала большая

красная звезда. Она всходила, как гневный глаз. Несколько мгновений темнота была насыщена лишь ее мрачными лучами.

Но уже по всему непомерно высокому небесному куполу начали высыпать звезды, сияющие, зеленоватые созвездия,— ледяные лучи их кололи глаза. Мрачная звезда, восходя, разгоралась.

Дойдя до берега, Лось остановился и, указывая рукой на звезду, сказал:

— Земля.

Гусев снял картуз, вытер пот со лба. Закинув голову, глядел на плывущую между созвездиями далекую родину. Его лицо казалось осунувшимся, печальным.

— Земля,— повторил он.

Так они долго стояли на берегу древнего канала, над равниной с неясными в свете звезд очертаниями кактусов.

Но вот из-за резкой черты горизонта появился светлый серп, меньше лунного, и стал подниматься над кактусовым полем. Длинные тени легли от лапчатых растений.

Гусев локтем толкнул Лося.

— Позади-то нас, поглядите.

Позади них над холмистой равниной, над роцями и развалинами, сиял второй спутник Марса. Круглый желтоватый диск его, также меньше Луны, клонился за зубчатые горы. Отблескивали на холмах металлические диски.

— Ну и ночь,— прошептал Гусев,— как во сне.

Они осторожно спустились с берега в заросли кактусов. Из-под ног шарахнулась чья-то тень. Мохнатый клубок побегал по отсветам двух лун. Заскрежетало. Пискнуло — пронзительно, нестерпимо, тонко. Шевелились поблескивающие листья кактусов. Липла к лицу паутина, упругая, как сеть.

Вдруг вкрадчивым, раздирающим воем огласилась ночь. Оборвало. Все стихло. Гусев и Лось большими прыжками, содрогаясь от отвращения и ужаса, бежали по полю, высоко перескакивая через ожившие растения.

Наконец в свету восходящего серпа блеснула стальная обшивка аппарата. Добежали. Присели, отпыхиваясь.

— Ну нет, по ночам в эти паучьи места я не ходок,— сказал Гусев. Отвинтил люк и полез в аппарат.

Лось еще медлил. Прислушивался, поглядывал. И вот он увидел — между звезд фантастическим силуэтом плыла крылатая тень корабля.

ЛОСЬ ГЛЯДИТ НА ЗЕМЛЮ

Тень воздушного корабля исчезла. Лось влез на мокрую обшивку аппарата, закурил трубочку и поглядывал на звезды. Тонкий холодок знобил тело. Внутри аппарата возился, бормотал Гусев, рассматривал, прятал найденные вещицы. Потом голова его высунулась из люка лодки.

— Что вы ни говорите, Мстислав Сергеевич, а это все золото, а камешкам — цены им нет. Вот дуреха-то моя обрадуется.

Голова его скрылась, вскоре он совсем затих. Счастливый был человек Гусев.

Но Лось спать не мог, — сидел, помаргивал на звезды, посасывал трубочку. Черт знает что такое! Откуда на Марс могли попасть золотые маски с этим отличительным третьим стрекозиным глазом? А мозаика? Погибающие в море, летящие между звезд великаны. А знак параболы: рубиновый шарик — Земля и кирпичный — Марс? Знак власти над двумя мирами? Непостижимо. А поющая книга? А странный город, появившийся в туманном зеркале? И почему, почему весь этот край покинут, заброшен?

Лось выколотил трубку о каблук. Скорее бы настал день! Очевидно, что марсианин-летчик даст знать куда-нибудь в населенный центр. Быть может, их уже и сейчас разыскивают, и проплывший перед звездами корабль именно послан за ними.

Лось оглянул небо. Свет красноватой звезды — Земли — бледнел, она приближалась к зениту, лучик от нее шел в самое сердце.

Бессонной ночью, стоя в воротах сарая, Лось точно так же, с холодной печалью, глядел на восходивший Марс. Это было позапрошлой ночью. Лишь одни сутки отделяли его от того часа, от Земли.

Земля, Земля, зеленая, то в облаках, то в прорывах света, пышная, многоводная, так расточительно-жестокая к своим детям, все же любимая, — родина...

Ледяным холодом сжало мозг. Этот красноватый шарик Земли — точно горячее сердце... Человек, эфемериды, пробуждающийся на мгновение к жизни, он — Лось, один, своей безумной волей оторвался от родины, и вот, как унылый бес, один сидит на пустыре. Вот оно, вот оно одиночество. Этого ты хотел? Ушел ты от самого себя?..

Лось передернул плечами от холодка. Сунул трубку в карман. Влез в аппарат и лег рядом с похрапывающим Гусевым. Этот простой человек не предал родины, прилетел за триде-

вать земель, на девятое небо, и здесь, как и там,— у себя дома... Спит спокойно, совесть чиста.

От тепла, от усталости Лось задремал. Во сне сошло на него утешение. Он увидел берег земной реки, березы, шумящие от ветра, облака, искры солнца на воде, и на той стороне кто-то в светлом, сияющем — машет ему, зовет, манит. Лося и Гусева разбудил сильный шум воздушных винтов.

МАРСИАНЕ

Ослепительно-розовые гряды облаков, как жгуты пряжи, покрывали утреннее небо. То появляясь в густо-синих просветах, то исчезая за розовыми грядами, опускался, залитый солнцем, летучий корабль. Очертание его трехмачтового остова напоминало гигантского жука. Три пары острых крыльев простирались с боков его.

Корабль прорезал облака и, весь влажный, серебристый, сверкающий, повис над кактусами. На крайних его коротких мачтах мощно ревели вертикальные винты, не давая ему опуститься. С бортов откинулись лесенки, и корабль сел на них. Винты остановились.

По лесенкам вниз побежали щуплые фигуры марсиан. Они были в одинаковых яйцевидных шлемах, в серебристых широких куртках с толстыми воротниками, закрывающими шею и низ лица. В руках у каждого было оружие в виде короткого, с диском посредине, автоматического ружья.

Гусев, насупившись, стоял около аппарата. Держа руку на маузере, поглядывал, как марсиане выстроились в два ряда. Их ружья лежали дулом на согнутой руке.

— Оружие, сволочи, как бабы держат,— проворчал он.

Лось стоял, сложив на груди руки, улыбаясь. Последним с корабля спустился марсианин, одетый в черный, падающий большими складками халат. Открытая голова его была лысая, в шишках. Безбородое узкое лицо голубоватого цвета.

Увязая в рыхлой почве, он прошел мимо двойного ряда солдат. Выпуклые светлые, ледяные глаза его остановились на Гусеве. Затем он глядел только на Лося. Приблизился к людям, поднял маленькую руку в широком рукаве и сказал тонким, стеклянным, медленным голосом птичье слово:

— Талцетл.

Еще более расширились его глаза, осветились холодным возбуждением. Он повторил птичье слово и повелительно указал на небо. Лось сказал:

— Земля.

— Земля,— с трудом повторил марсианин, поднял кожу на лбу. Шишки его потемнели. Гусев выставил ногу, кашлянул и сказал сердито:

— Из Советской России, мы — русские. Мы, значит, к вам, здрасте,— он дотронулся до козырька,— мы вас не обижаем, вы нас не обижайте... Он, Мстислав Сергеевич, ни черта по-нашему не понимает.

Голубоватое, умное лицо марсианина было неподвижно, лишь на покато лбу его, между бровей, стало вздуться от напряжения красноватое пятно. Легким движением руки он указал на солнце и проговорил знакомый звук, прозвучавший странно:

— Соацр.

Он указал на почву, развел руками, как бы обхватывая шар:

— Тума.

Указав на одного из солдат, стоявших полукругом позади него, указал на Гусева, на себя, на Лося:

— Шохо.

Так он назвал словами несколько предметов и выслушал их значение на языке Земли. Приблизился к Лосю и важно коснулся безымянным пальцем его лба, впадины между бровей. Лось нагнул голову в знак приветствия. Гусев, после того как его коснулись, дернул на лоб козырек:

— Как с дикарями обращаются.

Марсианин подошел к аппарату и долго, со сдержанным удивлением, затем,— поняв, видимо, его принцип,— с восхищением рассматривал огромное стальное яйцо, покрытое коркой нагара. Вдруг всплеснул руками, обернулся к солдатам и быстро-быстро стал говорить им, подняв к небу стиснутые руки.

— Аиу,— ответили солдаты завывающими голосами.

Он же положил ладонь на лоб, вздохнул глубоко,— овладел волнением и, повернувшись к Лосю, уже без холода, потемневшими, увлажненными глазами взглянул ему в глаза.

— Аиу,— сказал он,— аиу утара шохо, дация Тума ра гео Талцетл.

Вслед за этим он рукою закрыл глаза и поклонился низко. Выпрямился, подозвал солдата, взял у него узкий нож и стал царапать по обшивке аппарата: начертил яйцо, над ним крышку, сбоку — фигуру солдата. Гусев, смотревший ему через плечо, сказал:

— Предлагает кругом аппарата палатку поставить и охрану, только, Мстислав Сергеевич, как бы у нас вещи не растаскали, люки-то без замков.

— Бросьте, в самом деле, дурака валять, Алексей Иванович.

— Так ведь там инструменты, оде́жа... А я с одним, вот с этим солдатейком, переглянулся,— рожа у него самая надежная.

Марсианин слушал этот разговор со вниманием и почтением. Лось знаком показал ему, что согласен оставить аппарат под охраной. Марсианин поднес к большому тонкому рту свисток. С корабля ответили таким же пронзительным свистом. Тогда марсианин стал высвистывать какие-то сигналы. На верхушке средней, более высокой мачты поднялись, как волосы, отрезки тонких проволок, раздалось потрескивание искр.

Марсианин указал Лосю и Гусеву на корабль. Солдаты придвинулись, стали кругом. Гусев оглянулся на них, усмехнулся криво, пошел к аппарату, вынул из него два мешка с бельишком и мелочами, крепко задвинул люк и, указывая на него солдатам, хлопнул по маузеру, погрозил пальцем, скосоротился угрожающе. Марсиане с изумлением наблюдали за этими движениями.

— Ну, Алексей Иванович, пленники мы или гости — податься нам некуда,— сказал Лось, засмеялся, скинул мешок на плечо, и они пошли к кораблю.

На мачтах его с сильным шумом закрутились вертикальные винты. Крылья опустились. Завыли пропеллеры. Гости, быть может пленники, вошли по хрупкой лесенке на борт.

ПО ТУ СТОРОНУ ЗУБЧАТЫХ ГОР

Корабль летел невысоко над Марсом в северо-западном направлении. Лось и лысый марсианин остались на палубе. Гусев сошел внутрь корабля к солдатам.

В светлой, соломенного цвета рубке он сел в плетеное кресло и некоторое время глядел на востроносых, шуплых солдатиков, помаргивающих, как птицы, рыжими глазами. Затем вынул жестяной заветный портсигар,— с ним он семь лет не расставался на фронтах,— хлопнул по крышке,— «покурим, товарищи»,— и предложил папирос.

Марсиане с испугом затрясли головами. Один все-таки взял папироску, рассмотрел, понюхал и спрятал в карман белых штанов. Когда же Гусев закурил, солдаты в величайшем страхе попятиться от него, зашептали птичьими голосами:

— Шóхо тào тáвра шóхо-ом.

Красноватые, востренькие лица их с ужасом следили, как

«шохо» глотает дым. Но понемногу они принюхались и успокоились и снова подсели к человеку.

Гусев, не особенно затрудняясь незнанием марсианского языка, стал рассказывать новым приятелям про Россию, про войну, революцию, про свои подвиги:

— Гусев — это моя фамилия. Гусев — от гусей: здоровенные такие птицы на Земле, вы таких сроду и не видали. Зовут меня — Алексей Иванович. Я не только полком, конной дивизией командовал. Страшный герой, ужасный. У меня тактика: пулеметы не пулеметы, — шашки наголо — «даешь, сукин сын, позицию!» — и рубать. И я весь сам изрубленный, мне наплевать. У нас в военной академии даже особый курс читают: «Рубка Алексея Гусева», — не верите? Корпус мне предлагали. — Гусев ногтем сдвинул картуз, почесал за ухом. — Надоело, нет, извините. Семь лет воевал, хоть кому очертееет. А тут Мстислав Сергеевич меня зовет, умоляет: «Алексей Иванович, без вас хоть на Марс не лети». Вот, значит, здрасте.

Марсиане слушали, дивились. Один принес фляжку с кориценой, мускатного запаха жидкостью. Гусев вынул из мешка полбутылки спирту, захваченной с Земли. Марсиане выпили и залопотали. Гусев хлопал их по спинам, шумел. Потом начал вытаскивать из карманов разную дребедень, — предлагал меняться. Марсиане с радостью отдавали ему золотые вещицы за перочинный ножик, за огрызок карандаша, за удивительную, сделанную из ружейного патрона зажигалку.

Тем временем Лось, облокотившись о решетчатый борт корабля, глядел на уплывающую внизу унылую, холмистую равнину. Он узнал дом, где побывал вчера. Повсюду лежали такие же развалины, остревки деревьев, тянулись высохшие каналы.

Указывая на эту пустыню, Лось изобразил недоумение: почему целый край покинут и мертв. Выпуклые глаза лысого марсианина вдруг стали злыми. Он подал знак, и корабль поднялся, описал дугу и летел теперь к вершинам зубчатых гор.

Солнце взошло высоко, облака исчезли. Ревели пропеллеры, при поворотах и подъемах поскрипывали, двигались гибкие крылья, гудели вертикальные винты. Лось заметил, что, кроме гула винтов и посвистыванья ветра в крыльях и прорезных мачтах, не было слышно иных звуков: машины работали бесшумно. Не было видно и самих машин. Лишь на оси каждого винта крутилась круглая коробка, подобная кожуху динамо, да на верхушках передней и задней мачт потрескивали две эллиптические корзины из серебристой проволоки.

Лось спрашивал у марсианина названия предметов и за-

писывал их. Затем вынул из кармана давешнюю книжку с чертежами, прося произнести звуки геометрических букв. Марсианин с изумлением смотрел на эту книгу. Снова глаза его похолодели, тонкие губы скривились брезгливо. Он осторожно взял книгу из рук Лося и швырнул за борт.

От высоты, разрезанного воздуха у Лося начало ломить грудь, слезами застилало глаза. Заметив это, марсианин дал знак снизиться. Корабль летел теперь над кроваво-красными пустынными скалами. Извилистый и широкий горный хребет тянулся с юго-востока на северо-запад. Тень от корабля летела внизу по рваным обрывам, искрящимся жилами руд и металлов, по крутым склонам, поросшим лишаями, срывалась в туманные пропасти, покрывала тучкой сверкающие ледяные пики, зеркальные глетчеры. Край был дик и безлюден.

— Лизиазира,— кивнув на горы, сказал марсианин и оскалил мелкие, блеснувшие металлом зубы.

Глядя вниз на эти скалы, так печально напоминавшие ему мертвый пейзаж разбитой планеты, Лось увидел в пропасти на камнях опрокинутый корабельный остов,— обломки серебристого металла были раскиданы кругом него. Далее, из-за гребня скалы, поднималось сломанное крыло второго корабля. Направо, пронзенный гранитным пиком, висел третий, весь изуродованный корабль. Повсюду в этих местах виднелись остатки огромных крыльев, разбитых остовов, торчащих ребер. Это было место битвы; казалось, демоны были повержены на эти бесплодные скалы.

Лось покосился на соседа. Марсианин сидел, придерживая халат у шеи, и спокойно глядел на небо. Навстречу кораблю летели длинокрылые птицы, вытянувшись в линию. Вот они взмыли, сверкнули желтыми крыльями в темной синеве и повернули. Следя за их снижающимся полетом, Лось увидел черную воду круглого озера, глубоко лежащего между скал. Кудрявые кусты лепились по его берегам. Желтые птицы сели у воды.

Озеро начало ходить зыбью, закипело, из середины его поднялась сильная струя воды, раскинулась и опала.

— Соам,— проговорил марсианин торжественно.

Горный хребет кончался. На северо-западе сквозь прозрачные, зыбкие волны зноя виднелась канареечно-желтая равнина, блестели большие воды. Марсианин протянул руку в направлении туманной, чудесной дали и с длинной улыбкой сказал:

— Азбра.

Корабль слегка поднялся. Влажный, сладкий воздух шел в лицо, шумел в ушах. Азора расстилалась широкой, сияющей

равниной. Прорезанная полноводными каналами, покрытая оранжевыми кущами растительности, веселыми канареечными лугами, Азора, что означало — радость, походила на те цыплячьи, весенние луга, которые вспоминаются во сне, в далеком детстве.

По каналам плыли широкие металлические барки. По берегам разбросаны белые домики, узорные дорожки садов. Повсюду ползали фигурки марсиан. Иные снимались с плоской крыши и летучей мышью летели через воду или за рощу. Повсюду в лугах блестели лужи, сверкали ручьи. Чудесный был край Азора.

В конце равнины играла солнечная зыбь огромного водного пространства, куда уходили извилистые линии всех каналов. Корабль летел в ту сторону, и Лось увидел, наконец, большой прямой канал. Дальний берег его тонул во влажной мгле. Желтоватые мутные воды его медленно текли вдоль каменного откоса.

Летели долго. И вот в конце канала начал подниматься из воды ровный край стены, уходящий концами за горизонт. Стена вырастала. Теперь были видны огромные глыбы кладки, поросшей кустами и деревьями между щелями. Они подлетали к гигантскому цирку. Он был полон воды. Над поверхностью во многих местах поднимались пенными шапками фонтаны...

— Ро,— сказал марсианин, важно подняв палец.

Лось вытащил из кармана записную книжку, отыскал в ней наспех вчера набросанный чертеж линий и точек на диске Марса. Рисунок он протянул соседу и указал вниз, на цирк. Марсианин всмотрелся, сморщившись,— понял, радостно закивал и ногтем мизинца отчеркнул одну из точек на чертеже.

Перегнувшись через борт, Лось увидел расходящиеся от цирка две прямые и одну изогнутую линию наполненных водоемов каналов. Так вот она — тайна: круглые пятна на диске Марса были цирками — водными хранилищами, линии треугольников и полукружий — каналами. Но какие существа могли построить эти циклопические стены? Лось оглянулся на своего спутника. Марсианин выпятил нижнюю губу, поднял разведенные руки к небу:

— Тао хацха ро хамагацитл.

Корабль пересекал теперь выжженную равнину. На ней лежало розово-красной, весьма широкой, цветущей полосой безводное русло четвертого канала, покрытое, словно посевом, правильными рядами растительности. Видимо, это была одна из линий второй сети каналов — бледного рисунка на диске Марса.

Равнина переходила в невысокие мягкие холмы. За ними

стали проступать голубоватые очертания решетчатых башен. На средней мачте корабля поднялись и защелкали искрами отрезки проволоки. За холмами вставали все новые и новые очертания решетчатых башен, уступчатых зданий. Огромный город выступал серебристыми тенями из солнечной мглы.

Марсианин сказал:

— Соацэра.

СОАЦЕРА

Голубоватые очертания Соацеры, уступы плоских крыш, решетчатые стены, покрытые зеленью, овальные зеркала прудов, прозрачные башни, поднимаясь из-за холмов, занимали все большее пространство, тонули за мглистым горизонтом. Множество черных точек летело над городом навстречу кораблю.

Цветущий канал отошел к северу. На восток от города расстиралось пустынное, покрытое кучами щебня, изрытое поле. У края этой пустыни, бросая резкую, длинную тень, возвышалась гигантская статуя, потрескавшаяся, покрытая лишаями.

Каменный, обнаженный человек стоял во весь рост, ноги его были сдвинуты, руки прижаты к узким бедрам, рубчатый пояс подпирал выпуклую грудь, на солнце тускло мерцал его ушастый шлем, увенчанный острым гребнем, точно рыбий хребет. Скуластое лицо с закрытыми глазами улыбалось лунообразным ртом.

— Магацитл,— сказал марсианин и указал на небо.

Вдали за статуей виднелись огромные развалины цирка, очертания рухнувших арок акведука. Всматриваясь, Лось понял, что кучи щебня на равнине — ямы, холмы — были остатками древнейшего города. Новый город, Соацэра, начинался за сверкающим озером, на запад от этих развалин.

Черные точки в небе приближались, увеличивались. Это были сотни марсиан, летевших навстречу в крылатых лодках и седлах, на парусиновых птицах, в корзинах с парашютами.

Первой домчалась, описала крутой заворот и повисла над кораблем сияющая, золотая, четырехкрылая, как стрекоза, узкая сигара. С нее посыпались цветы, разноцветные бумажки на палубу корабля, свешивались взволнованные лица.

Лось встал, держась за трос, снял шлем,— ветер поднял его белые волосы. Из рубки вылез Гусев и стал рядом. Охапки цветов полетели на них из лодок. На голубоватых, то смуглых, то кирпичных лицах подлетающих марсиан было возбуждение, восторг, ужас.

Теперь над головой, спереди, с боков, вдогонку за медленно плывущим кораблем, летели сотни воздушных экипажей. Вот скользнул сверху вниз в корзине под парашютом размахивающий руками толстяк в полосатом колпаке. Вот мелькнуло шишковатое лицо, глядящее в трубку. Вот озабоченный с развевающимися волосами, остроносый марсианин, вертясь перед кораблем на крылатом седле, наводил какой-то крутящийся ящичек на Лосю. Вот пронеслась, вся в цветах, плетеная лодка, — три женских, большеглазых, бледных лица, голубые чепцы, голубые летящие рукава, златотканые шарфы.

Пение винтов, шум ветра в крыльях, тонкие свистки, сверканье золота, пестрота одежд в воздушной синеве, внизу — пурпуровая, то серебристая, то канареечная листва парков, сверкающие отблесками солнца окна уступчатых домов, — все было как сон. Кружилась голова. Гусев озирался, повторял шепотом:

— Гляди, гляди, эх ты, мать честная!..

Корабль проплыл над висячими садами и плавно опустился на большую круглую площадь. Тотчас посыпались горохом с неба сотни лодок, корзинок, крылатых седел, — сажались, шлепались на белые плиты площади. В улицах, расходившихся от нее звездою, шумели толпы народа, — бежали, кидали цветы, бумажки, махали платочками.

Корабль сел у высокого и тяжелого, как пирамида, мрачного здания из черно-красного камня. На широкой лестнице его, между квадратных, суженных кверху колонн, доходивших только до трети высоты дома, стояла кучка марсиан. Они были все в черных халатах, в круглых шапочках. Это был, как Лось узнал впоследствии, Высший совет инженеров — высший орган управления всеми странами Марса.

Марсианин-спутник указал Лосю — ждаль. Солдаты сбегали по лесенкам на площадь и окружили корабль, сдерживая напивавшие толпы. Гусев с восхищением глядел на пеструю от одежд, волнующуюся площадь, на вздымающееся над головами множество крыльев, на громады сероватых или черно-красных зданий, на прозрачные, за крышами, очертания башен.

— Ну, город, вот это — город! — повторял он, притопывая.

На лестнице марсиане в черных халатах раздвинулись. Появился высокий, сутулый марсианин, также одетый в черное, с длинным мрачным лицом, с длинной узкой черной бородой. На круглой шапочке его дрожал золотой гребень, как рыбий хребет.

Сойдя до середины лестницы, опираясь на трость, он долго смотрел запавшими, темными глазами на пришельцев с Земли. Глядел на него и Лось — внимательно, настороженно.

— Дьявол, усталился! — шепнул Гусев. Обернулся к толпе и уже беспечно крикнул: — Здравствуйте, товарищи марсиане, мы к вам с приветом от Советских республик... Для установления добрососедских отношений...

Толпа изумленно вздохнула, зароптала, зашумела, нагнулась. Мрачный марсианин захватил горстью бороду и перевел глаза на толпу, окинул тусклым взором площадь. И под его взглядом стало утихать взволнованное море голов. Он обернулся к стоявшим на лестнице, сказал несколько слов и, подняв трость, указал ею на корабль.

Тотчас к кораблю сбежал один из марсиан и тихо и быстро проговорил что-то нагнувшемуся к нему через борт лысыму марсианину. Раздались сигнальные свистки, двое солдат взбежали на борт, завывали винты, и корабль, грузно отделившись от площади, поплыл над городом в северном направлении.

В ЛАЗОРОВОЙ РОЩЕ

Соацера утонула далеко за холмами. Корабль летел над равниной. Кое-где виднелись однообразные линии построек, столбы и проволоки подвесных дорог, отверстия шахт, груженные шаланды,двигающиеся по узким каналам.

Но вот из лесных кущ все чаще стали подниматься скалистые пики. Корабль снизился, пролетел над ущельем и сел на луг, покато спускавшийся к темным и пышным зарослям.

Лось и Гусев взяли мешки и вместе с лысым их спутником пошли по лугу, вниз к роще.

Водяная пыль, бьющая из-под дерева, играла радугами над сверкающей влагою кудрявой травой. Стадо низкорослых длинношерстных животных, черных и белых, паслось по склону. Было мирно. Тихо шумела вода. Подувал ветерок.

Длинношерстные животные лениво поднимались, давая дорогу людям, и отходили, переваливаясь медвежьими лапами, оборачивали плоские, кроткие морды. Опустились на луг желтые птицы и распушились, отряхиваясь под радужным фонтаном воды.

Подошли к роще. Пышные, плакучие деревья были лазурно-голубые. Смолистая листва шелестела сухо повисшими ветвями. Сквозь пятнистые стволы играла вдали сияющая вода озера. Пряный, сладкий зной в этой голубой чаще кружил голову.

Рощу пересекало много тропинок, посыпанных оранжевым песком. На скрещении их, на круглых полянах, стояли старые, иные поломанные, в лишаях, большие статуи из песчаника. Над зарослями поднимались обломки колонн, остатки циклопической стены.

Дорожка загибалась к озеру. Открылось его темно-синее зеркало с опрокинутой вершиной далекой скалистой горы. Чуть шевелились в воде отражения плакучих деревьев. Сияло пыльное солнце. В излучине берега, с боков мшистой лестницы, спускавшейся в озеро, возвышались две огромные сидящие статуи, потрескавшиеся, поросшие ползучей растительностью.

На ступенях лестницы появилась молодая женщина. Голову ее покрывал желтый острый колпачок. Она казалась юношески-тонкой, бело-голубоватая, рядом с грузным очертанием покрытого мхом, вечно улыбающегося сквозь сон, сидящего Магацитла. Она поскользнулась, схватилась за каменный выступ, подняла голову.

— Аэлита,— прошептал марсианин, прикрыл глаза рукавом и потащил Лося и Гусева с дорожки в чашу.

Скоро они вышли на большую поляну. В глубине ее, в густой траве, стоял угрюмый, с покатыми стенами, серый дом. От звездообразной песчаной площадки перед его фасадом прямые дорожки бежали через луг вниз к роще, где между деревьями виднелись низкие каменные постройки.

Лысый марсианин свистнул. Из-за угла дома появился низенький, толстенький марсианин в полосатом халате. Багровое лицо его было точно натерто свеклой. Морщась от солнца, он подошел, но услышав — кто такие приезжие, сейчас же приноровился удирать за угол. Лысый марсианин заговорил с ним повелительно, и толстяк, приседая от страха, оборачиваясь, показывая желтый зуб из беззубого рта, повел гостей в дом.

О Т Д Ы Х

Гостей отвели в светлые, маленькие, почти пустые комнаты, выходившие узкими окнами в парк. Стены столовой и спальни были обтянуты белыми циновками. В углах стояли кадки с цветущими деревцами. Гусев нашел помещение подходящим: «Вроде багажной корзины, очень славно».

Толстяк в полосатом халате, управляющий домом, суетился, лопотал, катался из двери в дверь, вытирал коричневым платком череп и время от времени каменел, выкатывая на гостей склерозные глаза,— шептал торопливо, беззвучно какие-то, должно быть, заклинания.

Он напустил воду в бассейн и провел Лось и Гусева каждого в свою ванну,— со дна ее поднимались густые клубы пара. Прикосновение к безмерно уставшему телу горячей, пузырящейся, легкой воды было так сладко, что Лось едва не заснул в бассейне. Управляющий вытащил его за руку.

Лось едва доплелся до столовой, где был накрыт стол множеством тарелочек с овощами, паштетами, крошечными яйцами, фруктами. Хрустящие, величиной с орех, шарики хлеба таяли во рту. Не было ни ножей, ни вилок, только — в каждое блюдо — воткнута крошечная лопаточка. Управляющий каменел, глядя, как люди с Земли пожирают блюда деликатнейшей пищи. Гусев вошел во вкус. Особенно хорошо было вино с запахом сырости цветов. Оно испарялось во рту и горячей бодростью текло по жилам.

Приведя гостей в спальню, управляющий долго еще хлопотал, подтыкая одеяла, подсовывая подушечки. Но уже крепкий и долгий сон овладел «белыми гигантами». Они дышали и сопели так громко, что дрожали стекла, трепетали растения в углах и кровати трещали под их не по-марсиански могучими телами.

Лось открыл глаза. Синеватый искусственный свет лился из потолочного колодца. Было тепло и приятно лежать. «Что случилось? Где я лежу?» Но так и не сообразил,— с наслаждением снова закрыл глаза.

Проплыли какие-то лучезарные пятна,— словно вода играла сквозь лазурную листву. Предчувствие изумительной радости, ожидание, что вот-вот из этих сияющих пятен что-то должно войти в его сон, наполняло его чудесной тревогой.

Сквозь дремоту, улыбаясь, он хмурил брови,— силился проникнуть за эту тонкую пелену скользящих солнечных пятен. Но еще более глубокий сон прикрыл его облаком.

Лось сел на постель. Так сидел некоторое время, опустив голову. Поднялся, дернул вбок штору. За узким окном горели ледяным светом огромные звезды, незнакомый их чертеж был странен и дик.

— Да, да, да,— проговорил Лось,— я не на Земле. Ледяная пустыня, бесконечное пространство. Я — в новом мире. Ну, да: я же мертв. Жизнь осталась там...

Он вонзил ногти в грудь там, где сердце.

— Это не жизнь, не смерть. Живой мозг, живое тело. Но жизнь осталась там...

Он сам не мог понять, почему вторую ночь его так невыносимо мучает тоска по Земле, по самому себе, жившему там,

за звездами. Словно оторвалась живая нить, и душа его задышится в ледяной, черной пустоте. Он опять повалился на подушки.

— Кто здесь?

Лось вскочил. В окно бил луч утреннего света. Соломенная маленькая комната была ослепительно чиста. Шумели листья, свистели птицы за окном. Лось провел рукой по глазам, глубоко вздохнул.

В дверь опять легонько постучали. Лось распахнул дверь,— за нею стоял полосатый толстяк, придерживая обеими руками на животе охапку лазоревых, осыпанных росой цветов.

— Аиу утара Аэлита,— прошептал он, протягивая цветы.

ТУМАННЫЙ ШАРИК

За утренней едой Гусев сказал:

— Мстислав Сергеевич, ведь это выходит не дело. Летели черт знает в какую даль, и пожалуйста,— сиди в захоlustье. В ваннах прохладиться,— за этим ведь лететь не стоило. В город они небось нас не пустили,— бородатый-то, помните, как насупился. Ох, Мстислав Сергеевич, опасайтесь его. Пока нас поят, кормят, а потом?

— А вы не торопитесь, Алексей Иванович,— сказал Лось, поглядывая на лазоревые цветы, пахнущие горьковато и сладко,— поживем, осмотримся, увидят, что мы не опасны, пустят и в город.

— Не знаю, как вы, Мстислав Сергеевич, а я сюда не прохладиться приехал.

— Что же, по-вашему, мы должны предпринять?

— Странно от вас это слышать, Мстислав Сергеевич, уж не нанюхались ли вы чего-нибудь сладкого?

— Ссориться хотите?

— Нет, не ссориться. А сидеть — цветы нюхать,— этого и у нас на Земле сколько в душу влезет. А я думаю,— если мы первые люди сюда заявили, то Марс теперь наш, советский. Это дело надо закрепить.

— Чудак вы, Алексей Иванович.

— А вот посмотрим, кто из нас чудак.— Гусев одернул ременный пояс, повел плечами, глаза его хитро прищурились.— Это дело трудное, я сам понимаю: нас только двое. А вот надо, чтобы они бумагу нам выдали о желании вступить в состав Российской Федеративной Республики. Спокойно эту бумагу нам не дадут, конечно, но вы сами видели:

на Марсе у них не все в порядке. Глаз у меня на это наметанный.

— Революцию, что ли, хотите устроить?

— Как сказать, Мстислав Сергеевич, там посмотрим. С чем мы в Петроград-то вернемся? Паука, что ли, сушеного привезем? Нет, вернутоя и предьявить: пожалуйста — присоединение к Ресефесер планеты Марса. Вот в Европе тогда взовьются. Одного золота здесь, сами видите, кораблями вози. Так-то, Мстислав Сергеевич.

Лось задумчиво поглядывал на него: нельзя было понять — шутит Гусев или говорит серьезно,— хитрые, простоватые глазки его посмеивались, но где-то пряталась в них сумасшедшинка.

Лось покачивал головой и, трогая прозрачные восковые лозевые лепестки больших цветов, сказал задумчиво:

— Мне не приходило в голову, для чего я лечу на Марс. Лечу, чтобы прилететь. Были времена, когда конквистадоры снаряжали корабль и плыли искать новые земли. Из-за моря показывался неведомый берег, корабль входил в устье реки, капитан снимал широкополую шляпу и называл землю своим именем. Затем он грабил берега. Да, вы, пожалуй, правы: приплыть к берегу еще мало,— нужно нагрузить корабль сокровищами. Нам предстоит заглянуть в новый мир,— какие сокровища! Мудрость, мудрость — вот что, Алексей Иванович, нужно вывезти на нашем корабле.

— Трудно нам будет с вами сговориться, Мстислав Сергеевич. Не легкий вы человек.

Лось засмеялся:

— Нет, я тяжелый только для самого себя, сговоримся, милый друг.

В дверь поскреблись. Слегка садясь на ноги от страха и почтения, появился управляющий и знаками попросил за собою следовать. Лось поспешно поднялся, провел ладонью по белым волосам. Гусев решительно закрутил усы — торчком. Гости прошли по коридорам и лесенкам в дальнюю часть дома.

Управляющий постучал в низенькую дверь. За ней раздался торопливый, точно детский голос. Лось и Гусев вошли в длинную белую комнату. Лучи света с танцующими в них пылинками падали сквозь потолочные окна на мозаичный пол, в котором отражались ровные ряды книг, бронзовые статуи, стоящие между плоскими шкафами, столики на острых ножках, облачные зеркала экранов.

Недалеко от двери стояла пепельноволосая молодая женщина в черном платье, закрытом до шеи, до кистей рук. Над

высоко поднятыми ее волосами танцевали пылинки в луче, падающем на золоченые переплеты книг. Это была та, кого вчера на озере марсианин назвал — Аэлита.

Лось низко поклонился ей. Аэлита, не шевелясь, глядела на него огромными зрачками пепельных глаз. Ее бело-голубоватое удлинненное лицо чуть-чуть дрожало. Немного приподнятый нос, слегка удлинненный рот были по-детски нежны. Точно от подъема на крутизну дышала ее грудь под черными и мягкими складками.

— Эллио утара гео,— легким, как музыка, нежным голосом, почти шепотом, проговорила она и наклонила голову так низко, что стал виден ее затылок.

В ответ Лось только хрустнул пальцами. Сделав усилие, сказал, непонятно почему, напыщенно:

— Пришельцы с Земли приветствуют тебя, Аэлита.

Сказал и покраснел. Гусев проговорил с достоинством:

— Рады познакомиться — командир полка Гусев, инженер — Мстислав Сергеевич Лось. Пришли поблагодарить вас за хлеб-соль.

Выслушав человеческую речь, Аэлита подняла голову, ее лицо стало спокойнее, зрачки — меньше. Она молча вытянула руку, обернула узенькой ладонью кверху и так держала ее некоторое время. Лосю и Гусеву стало казаться, что на ладони ее появился бледно-зеленый шар. Затем Аэлита быстро перевернула ладонь и пошла вдоль книжных полок в глубину библиотеки. Гости последовали за ней.

Теперь Лось рассмотрел, что Аэлита была ему по плечо, нежная и легкая, как те с горьковатым запахом цветы, что прислала она утром. Подол ее широкого платья летел по зеркальной мозаике. Оборачиваясь, она улыбалась, но глаза оставались взволнованными, встревоженными.

Она указала на широкую скамью, стоящую в полукруглом расширении комнаты. Лось и Гусев сели. Сейчас же Аэлита присела напротив них у читального столика, положила на него локти и стала мягко и пристально глядеть на гостей.

Так они молчали небольшое время. Понемногу Лось начал чувствовать покой и сладость, — сидеть вот так и созерцать эту чудесную, странную девушку. Гусев вздохнул, сказал вполголоса:

— Хорошая девушка, очень приятная девушка.

Тогда Аэлита заговорила, точно дотронулась до музыкального инструмента, — так чудесен был ее голос. Строка за строкою повторяла она какие-то слова, чуть шевеля губами. Ее

тепелльные ресницы то смыкались, то раскрывались медленно.

Она снова протянула перед собою руку, ладонью вверх.

Почти тотчас же Лось и Гусев увидели в углублении ее ладони бледно-зеленый туманный шарик, с небольшое яблоко величиной. Внутри своей сферы он весь двигался и переливался.

Теперь оба гостя и Аэлита внимательно глядели на это облачное, опаловое яблоко. Вдруг струи в нем остановились, пропустили темные пятна. Вглядевшись, Лось вскрикнул: на ладони Аэлиты лежал земной шар.

— Талцетл,— сказала она, указывая на него пальцем.

Шар медленно начал крутиться. Проплыли очертания Америки, тихоокеанский берег Азии. Гусев заволновался.

— Это — мы, мы — русские,— сказал он, тыча ногтем в Сибирь.

Извилистой тенью проплыла гряда Урала, ниточка нижнего течения Волги. Очертились берега Белого моря.

— Здесь,— сказал Лось и указал на Финский залив.

Аэлита удивленно подняла на него глаза. Вращение шара остановилось. Лось сосредоточился, в памяти возник кусок географической карты,— и сейчас же, словно отпечаток его воображения, появились на поверхности туманного шара черная клякса, расходящаяся от нее ниточка железных дорог и — надпись на зеленоватом поле: «Петроград».

Аэлита всмотрелась и заслонила шар,— он теперь просвечивал сквозь ее пальцы. Взглянув на Лося, она покачала головой.

— Оцео, хо суа,— сказала она, и он понял: «Сосредоточьтесь и вспоминайте».

Тогда он стал вспоминать очертания Петербурга — гранитную набережную, студеные синие волны Невы, ныряющую в них лодочку, повиснувшие в тумане длинные арки Николаевского моста, густые дымы заводов, дымы и тучи тусклого заката, мокрую улицу, вывеску мелочной лавочки, старенького извозчика на углу.

Аэлита, подперев подбородок, тихо глядела на шар. В нем проплывали воспоминания Лося, то отчетливые, то словно стертые. Выдвинулся тусклый купол Исаакиевского собора, и уже на месте его проступала гранитная лестница у воды, полукруг скамьи, печально сидящая русая девушка,— лицо ее задрожало, исчезло, а над нею — два сфинкса в тиарах. Поплыли колонки цифр, рисунок чертежа, появился пылающий горн, угрюмый Хохлов, раздувающий угли.

Долго глядела Аэлита на странную жизнь, проходящую перед ней в туманных струях шара. Но вот изображения начали путаться: в них настойчиво вторгались какие-то совсем иного очертания картины — полосы дыма, зарево, скачущие лошади, какие-то бегущие, падающие люди. Вот, заслоня все, выплыло бородатое, залитое кровью лицо. Гусев шумно вздохнул. Аэлита с тревогой обернулась к нему и сейчас же перевернула ладонь. Шар исчез.

Аэлита сидела несколько минут, облокотившись, закрыв рукою глаза. Встала, взяла с полки один из цилиндров, вынула костяной валик и вложила в читальный — с экраном — столик. Затем она потянула за шнур, — верхние окна в библиотеке задернулись синими шторами. Она придвинула столик к скамье и повернула выключатель.

Зеркало экрана осветилось, сверху вниз поплыли по нему фигурки марсиан, животных, дома, деревья, утварь.

Аэлита называла каждую фигурку именем. Когда фигурки двигались и совмещались, она называла глагол. Иногда изображения перемежались цветными, как в поющей книге, знаками, и раздавалась едва уловимая музыкальная фраза, — Аэлита называла понятие.

Она говорила тихим голосом. Не спешаплыли изображения предметов этой странной азбуки. В тишине, в голубоватом сумраке библиотеки глядели на Лося пепельные глаза, голос Аэлиты сильными и мягкими чарами проникал в сознание. Кружилась голова.

Лось чувствовал, — мозг его яснее, будто поднимается туманная пелена, и новые слова и понятия отпечатлеваются в памяти. Так продолжалось долго. Аэлита провела рукой по лбу, вздохнула и погасила экран. Лось и Гусев сидели как в тумане.

— Идите и лягте спать, — сказала Аэлита гостям на том языке, звуки которого были еще странными, но смысл уже сквозил во мгле сознания.

НА ЛЕСТНИЦЕ

Прошло семь дней.

Когда впоследствии Лось вспоминал это время, — оно представлялось ему синим сумраком, удивительным покоем, где наяву проходили вереницы дивных сновидений.

Лось и Гусев просыпались рано поутру. После ванны и легкой еды шли в библиотеку. Внимательные, ласковые глаза

Аэлиты встречали их на пороге. Она говорила почти уже понятные слова. Было чувство невыразимого покоя в тишине и полумраке этой комнаты, в тихих словах Аэлиты, — влага ее глаз переливалась, глаза раздвигались в сферу, и там шли сновидения. Бежали тени по экрану. Слова вне воли проникали в сознание.

Слова — сначала только звуки, затем сквозящие, как из тумана, понятия — понемногу наливались соком жизни. Теперь, когда Лось произносил имя — Аэлита, оно волновало его двойным чувством: печалью первого слова АЭ, что означало — «видимый в последний раз», и ощущением серебристого света — ЛИТА, что означало «свет звезды». Так язык нового мира тончайшей материей вливался в сознание.

Семь дней продолжалось это обогащение. Уроки были — утром и после заката — до полуночи. Наконец Аэлита, видимо, утомилась. На восьмой день гостей не пришли будить, и они спали до вечера.

Когда Лось поднялся с постели, в окно были видны длинные тени от деревьев. Хрустальным, однообразным голосом посвистывала какая-то птичка. Лось быстро оделся и, не будя Гусева, пошел в библиотеку, но на стук никто не ответил. Тогда Лось вышел во двор, первый раз за эти семь дней.

Поляна полого спускалась к роще, к низким постройкам. Туда, с унылым порыванием, шло стадо неуклюжих, длинношерстных животных — хаши, — полумедведей, полукоров. Косое солнце золотило кудрявую траву, — весь луг пылал влажным золотом. Пролетели на озеро изумрудные журавли. Вдали выступил, залитый закатом, снежный конус горной вершины. Здесь тоже был покой, печаль уходящего в мире и золоте дня.

Лось пошел к озеру по знакомой дорожке. Те же стояли с обеих сторон плакучие лазурные деревья, те же увидел он развалины за пятнистыми стволами, тот же был воздух — тонкий, холодеющий. Но Лосю казалось, что только сейчас он увидел эту чудесную природу, — раскрылись глаза и уши, — он узнал имена вещей.

Пылающими пятнами сквозило озеро сквозь ветви. Но когда Лось подошел к воде, солнце уже закатилось, огненные перья заката, языки легкого пламени побежали, охватили полнеба золотым пламенем. Быстро-быстро огонь покрывался пеплом, небо очищалось, темнело, и вот уже зажглись звезды. Станный рисунок созвездий отразился в воде. В излуине озера, у лестницы, возвышались черными очертаниями два

каменных гиганта,— сторожа тысячелетий сидели, обращенные лицами к созвездиям.

Лось подошел к лестнице. Глаза еще не привыкли к быстро наступившей темноте. Он облокотился • подножие статуи и вдыхал сыроватую влагу озера,— горьковатый запах болотных цветов. Отражения звезд расплывались,— над водою закурвился тончайший туман. А созвездия горели все ярче, и теперь ясно были видны заснувшие ветки, поблескивающие камешки и улыбающееся лицо сидящего Магацитла.

Лось глядел и стоял так долго, покуда не затекла рука, лежащая на камне. Тогда он отошел от статуи и сейчас же увидел внизу на лестнице Аэлигу. Она сидела неподвижно, глядя на отражение звезд в черной воде.

— Аиу ту ира хасхе, Аэлига,— проговорил Лось, с изумлением прислушиваясь к странному звукам своих слов. Он выговорил их, как на морозе, с трудом, с желанием,— могу ли я быть с вами, Аэлига? — само претворилось в эти чужие звуки.

Аэлига медленно обернула голову, сказала:

— Да.

Лось сел рядом на ступень. Волосы Аэлиги были покрыты черным колпачком — капюшоном плаща. Лицо различимо в свете звезд, но глаз не видно,— лишь большие тени в глазных впадинах.

Холодным голосом, спокойно, она спросила:

— Вы были счастливы там, на Земле?

Лось ответил не сразу,— всматривался: ее лицо было неподвижно, рот печально сложен.

— Да,— ответил он,— да, я был счастлив.

— В чем счастье у вас на Земле?

Лось опять всмотрелся.

— Должно быть, в том счастье у нас на Земле, чтобы забыть самого себя. Тот счастлив, в ком полнота, согласие и жажда жить для тех, кто дает эту полноту, согласие, радость.

Теперь Аэлига обернулась к нему. Стали видны ее огромные глаза, с изумлением глядящие на этого беловолосого великана, человека.

— Такое счастье приходит в любви к женщине,— сказал Лось.

Аэлига отвернулась. Задрожал острый колпачок на ее голове. Не то она смеялась? — нет. Не то заплакала? — нет. Лось тревожно заворочался на мшистой ступени. Аэлига сказала чуть дрогнувшим голосом:

— Зачем вы покинули Землю?

— Та, кого я любил, умерла,— сказал Лось.— Не было си-

лы побороть отчаяние, жизнь для меня стала ужасна. Я — беглец и трус.

Аэлита выпростала руку из-под плаща и положила ее на большую руку Лося,— коснулась и снова убрала руку под плащ.

— Я знала, что в моей жизни произойдет это,— проговорила она, словно в раздумье.— Еще девочкой я видела странные сны. Снились высокие зеленые горы. Светлые, не наши, реки. Облака, облака, огромные, белые, и дожди,— потоки воды. И люди-великаны. Я думала, что схожу с ума. Впоследствии мой учитель говорил, что это — ашхе, второе зрение. В нас, потомках Магацитлов, живет память об иной жизни, дремлет ашхе, как непроросшее зерно. Ашхе — страшная сила, великая мудрость. Но я не знаю, что — счастье?

Аэлита выпростала из-под плаща обе руки, всплеснула ими, как ребенок. Колпачок ее опять задрожал.

— Уж много лет, по ночам, я прихожу на эту лестницу, гляжу на звезды. Я много знаю. Уверю вас, я знаю такое, что вам никогда нельзя и не нужно знать. Но счастлива я была, когда в детстве снились облака, облака, потоки дождя, зеленые горы, великаны. Учитель предостерегал меня: он сказал, что я погибну.— Она обернула к Лосю лицо и вдруг усмехнулась.

Лосю стало жутко: так чудесно красива была Аэлита, такой опасный, горьковато-сладкий запах шел от ее плаща с капюшоном, от рук, от лица, от дыхания.

— Учитель сказал: «Хао погубит тебя». Это слово означает нисхождение.

Аэлита отвернулась и надвинула колпачок плаща ниже, на глаза.

После молчания Лось сказал:

— Аэлита, расскажите мне о вашем знании.

— Это тайна,— ответила она важно,— но вы человек, я должна буду вам рассказать многое.

Она подняла лицо. Большие созвездия, по обе стороны Млечного Пути, сияли и мерцали так, как будто ветерок вечности проходил по их огням. Аэлита вздохнула.

— Слушайте,— сказала она,— слушайте меня внимательно и спокойно.

ПЕРВЫЙ РАССКАЗ АЭЛИТЫ

— Тума, то есть Марс, двадцать тысячелетий тому назад был насежен Аолами — оранжевой расой. Дикие племена Аэлов — охотники и пожиратели гигантских пауков — жили в

экваториальных лесах и болотах. Только несколько слов в нашем языке осталось от этих племен. Другая часть Аолов населяла южные заливы большого материка. Там есть вулканические пещеры с солеными и пресными озерами. Население ловило рыбу и уносило ее под землю, сваливало в соленые озера. В глубине пещер они спасались от зимних стуж. До сих пор там еще видны холмы из рыбьих костей.

Третья часть Аолов селилась близ экватора у подножья гор, всюду, где из-под земли били гейзеры питьевой воды. Эти племена умели строить жилища, разводили длинношерстных хаши, воевали с пожирателями пауков и поклонялись кровавой звезде Талцетл.

Среди одного из племен, населявшего блаженную страну Азора, появился необыкновенный шохо. Он был сыном пастуха, вырос в горах Лизиазиры и, когда ему минуло семнадцать лет, спустился в селения Азоры, ходил из города в город и говорил так:

«Я видел сон, раскрылось небо, и упала звезда. Я погнал моих хаши к тому месту, куда упала звезда. Там я увидел лежащего в траве Сына Неба. Он был велик ростом, его лицо было бело, как снег на вершинах. Он поднял голову, и я увидел, что из глаз его выходят свет и безумие. Я испугался и упал ниц и лежал долго, как мертвый. Я слышал, как Сын Неба взял мой посох и погнал моих хаши, и земля дрожала под его ногами. И еще я услышал его громкий голос, он говорил: «Ты умрешь, ибо я хочу этого». Но я пошел за ним, потому что мне было жалко моих хаши. Я боялся приблизиться к нему: из его глаз исходил злой огонь, и каждый раз я падал ниц, чтобы остаться живым. Так мы шли несколько дней, удаляясь от гор в пустыню.

Сын Неба ударял посохом в камень, и выступала вода. Хаши и я пили эту воду. И Сын Неба сказал мне: «Будь моим рабом». Тогда я стал пасти его хаши, и он кидал мне остатки пищи».

Так говорил пастух жителям городов. И он говорил еще:

«Кроткие птицы и мирные звери живут, не ведая — когда придет гибель. Но уже хищный ихти распростер острые крылья над журавлем, и паук сплел сеть, и глаза страшного ча горят сквозь голубую заросль. Бойтесь. У вас нет столь острых мечей, чтобы поразить злого, у вас нет столь крепких стен, чтобы от него отгородиться, у вас нет столь длинных ног, чтобы убежать от злого. Я вижу в небе огненную черту, и злой Сын Неба падает в ваши селенья. Глаз его как красный огонь Талцетл».

Жители мирной Азоры в ужасе поднимали руки, слушая эти слова. Пастух говорил еще:

«Когда кровожадный ча ищет тебя глазами сквозь заросль — стань тенью, и нос ча не услышит запаха твоей крови. Когда ихи падает из розового облака — стань тенью, и глаза ихи напрасно будут искать тебя в траве. Когда при свете двух лун — олло и литха — ночью злой паук, цитли, оплетает паутиной твою хижину, — стань тенью, и цитли не поймает тебя. Стань тенью, бедный сын Тумы. Только зло притягивает зло. Удали от себя все сродное злу. Закопай свое несовершенство под порогом хижины. Иди к великому гейзеру Соам и омойся. И ты станешь невидимым злему Сыну Неба, — напрасно его кровавый глаз будет пронзать твою тень».

Жители Азоры слушали пастуха. Многие пошли за ним, на круглое озеро, к великому гейзеру Соам.

Там иные спрашивали: «Как можно закопать зло под порогом хижины?» Иные сердились и кричали пастуху: «Ты обманываешь, — обиженные нищие подговорили тебя усыпить нашу бдительность и завладеть нашими жилищами». Иные сговаривались: «Отведем безумного пастуха на скалу и бросим его в горячее озеро, пусть сам станет тенью».

Слыша это, пастух брал уллу, деревянную дудку, внизу которой на треугольнике были натянуты струны, сидел среди сердитых, раздраженных и недоумевающих и начинал играть и петь. Играл он и пел так прекрасно, что замоlkали птицы, затихал ветер, ложились стада и солнце останавливалось в небе. Каждому из слушающих казалось в тот час, что он уже зарыл свое несовершенство под порогом хижины.

Три года учил пастух. На четвертое лето из болот вышли пожиратели пауков и напали на жителей Азоры. Пастух ходил по селеньям и говорил: «Не перешагивайте через порог, бойтесь зла в себе, бойтесь потерять чистоту». Его слушали, и были такие, которые не хотели противиться пожирателям пауков, и дикари побили их на порогах хижин. Тогда старшины городов, сговорившись, взяли пастуха, повели на скалу и бросили его в озеро.

Учение пастуха шло далеко за пределы Азоры. Даже обитатели поморских пещер высекали в скалах изображение его, играющего на улле. Но было также, что вожди иных племен казнили смертью поклоняющихся пастуху, потому что учение его считали безумным и опасным. И вот настал час исполнения пророчества. В летописях того времени сказано:

«Сорок дней и сорок ночей падали на Туму Сыны Неба. Звезда Талцетл всходила после вечерней зари и горела не-

обыкновенным светом, как злой глаз. Многие из Сынов Неба падали мертвыми, многие убивались о скалы, тонули в южном океане, но многие достигли поверхности Тумы и были живы».

Так рассказывает летопись о великом переселении Магацитлов, то есть одного из племен земной расы, погибшей от потопа двадцать тысячелетий тому назад.

Магацитлы летели в бронзовых, имеющих форму яйца аппаратах, пользуясь для движения силой распада материи. В продолжение сорока дней они покидали Землю.

Множество гигантских яиц затерялось в звездном пространстве, множество разбилось о поверхность Марса. Небольшое число без вреда опустилось на равнины экваториального материка.

Летопись говорит:

«Они вышли из яиц, велики ростом и черноволосы. У Сынов Неба были желтые и плоские лица. Туловища их и колени покрывал бронзовый панцирь. На шлеме был острый гребень, и шлем выдавался впереди лица. В левой руке Сын Неба держал короткий меч, в правой — свиток с формулами, которые погубили бедные и невежественные народы Тумы».

Таковы были Магацитлы, свирепое и могущественное племя. На Земле, на материке, опустившемся на дно океана, они владели городом Ста Золотых Ворот.

Здесь, выйдя из бронзовых яиц, они пошли в селения Аолов и брали то, что хотели, и сопротивляющихся им убивали. Они угнали стада хаши на равнины и стали рыть колодцы. Они вспахали поля и засеяли их ячменем. Но воды в колодцах было мало, погибли зерна ячменя в сухой и бесплодной почве. Тогда они сказали Аолам — идти на равнину, рыть оросительные каналы и строить большие водохранилища.

Иные из племен послушались и пошли рыть. Иные сказали: «Не послушаемся и убьем пришельцев». Войска Аолов вышли на равнину и покрыли ее как туча.

Пришельцев было мало. Но они были крепкие, как скалы, могучи, как волны океана, свирепы, как буря. Они разметали и уничтожили войска Аолов. Пылали селения. Разбегались стада. Из болот вышли свирепые ча и разрывали детей и женщин. Пауки оплетали опустевшие хижины. Пожиратели трупов — ихи — разжирели и не могли летать. Наступал конец мира.

Тогда вспомнили пророчество: «Стань тенью для зла, бедный сын Тумы, и кровавый глаз Сына Неба напрасно пронзит твою тень». Много Аолов пошло к великому гейзеру Соам. Многие уходили в горы и надеялись услышать в туманных

ущельях очищающую от зла песню уллы. Многие делились друг с другом имуществом. Искали в себе и друг в друге доброе и с песнями, со слезами радости приветствовали доброе. В горах Лизиазиры верующие в пастуха построили Священный Порог, под которым лежало зло. Три кольца неугасимых костров охраняли Порог.

Войска Аолов погибли. В лесах были уничтожены пожиратели пауков. Стали рабами остатки рыбаей-поморов. Но Магацитлы не трогали верующих в пастуха, не касались Священного Порога, не приближались к гейзеру Соам, не входили в глубину горных ущелий, где в полдневный час пролетающий ветер издавал таинственные звуки — песню уллы.

Так минуло много кровавых и печальных лет.

У прищельцев не было женщин, — завоеватели должны были умереть, не оставив потомства. И вот, в горах, где скрывались Аолы, появился вестник — прекрасный лицом Магацитл. Он был без шлема и меча. В руке он держал трость с привязанной к ней пряжей. Он приблизился к огням Священного Порога и стал говорить Аолам, собравшимся ото всех ущелий:

«Моя голова открыта, моя грудь обнажена, — поразите меня мечом, если я скажу ложь. Мы — могущественны. Мы владели звездой Талцетл. Мы перелетели звездную дорогу, называемую Млечным Путем. Мы покорили Туму и уничтожили враждебные нам племена. Мы начали строить водные хранилища и большие каналы, дабы собирать воды и орошать донныне бесплодные равнины Тумы. Мы построим большой город Соацеру, что значит Солнечное Селенье, мы дадим жизнь всем, кто хочет жизни. Но у нас нет женщин, и мы должны умереть, не исполнив предназначения. Дайте нам ваших девственниц, и мы родим от них могучее племя, и оно населит материки Тумы. Идите к нам и помогите нам строить».

Вестник положил трость с пряжей у огня и сел лицом к Порогу. Глаза его были закрыты. И все видели на лбу его третий глаз, прикрытый плевой, как бы воспаленный.

Аолы совещались и говорили между собой: «В горах не хватает корма для скота и мало воды. Зимой мы замерзаем в пещерах. Сильные ветры сносят наши хижины в бездонные ущелья. Послушаемся вестника и вернемся к старым пещерам».

Аолы вышли из горных ущелий на равнину Азоры, гоня перед собой стада хаши. Магацитлы взяли девственниц Аолов и родили от них голубое племя Гор. Тогда же начаты были постройкою шестнадцать гигантских цирков Ро, куда

собиралась вода во время таянья снегов на полюсах. Бесплодные равнины были прорезаны каналами и орошены.

Из пепла возникли новые селения Аолов. Поля давали пышный урожай.

Были возведены стены Соацеры. Во время постройки цирков и стен Магацитлы употребляли гигантские подъемные машины, приводившиеся в движение удивительными механизмами. Силою знания Магацитлы могли передвигать большие камни и вызывали рост растений. Они записали свое знание в книги — цветными пятнами и звездными знаками.

Когда умер последний пришелец с Земли — с ним ушло и Знание. Лишь через двадцать тысячелетий мы, потомки племени Гор, снова прочли тайные книги Атлантов.

СЛУЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

В сумерки Гусев от нечего делать пошел бродить по комнатам. Дом был велик, построен прочно — для зимнего жилья. Множество в нем было переходов, лестниц, пустынных зал, галерей с нежилой тишиной. Гусев бродил, приглядывался, позевывал: «Богато живут, черти, но скучно».

В дальней части дома были слышны голоса, стук кухонных ножей, звон посуды. Писклявый голос управляющего сыпал птичьими словами, бранил кого-то. Гусев дошел до кухни, низкой сводчатой комнаты. В глубине ее вспыхивало масляное пламя над сковородами. Гусев остановился в дверях, повел носом. Управляющий и кухарка, бранившиеся между собою, замолчали и подались с некоторым страхом в глубину сводов.

— Чад у вас, чад, чад, — сказал им Гусев по-русски, — колпак над плитой устройте. Эх, варвары, а еще марсиане!

Махнув рукой на их перепуганные лица, он вышел на черное крыльцо. Сел на каменные ступеньки, вынул заветный портсигар, закурил.

Внизу поляны, на опушке, мальчик-пастух, бегая и вскрикивая, загонял в кирпичный сарай глухо поревывающих хаши. Оттуда в высокой траве по тропинке шла к нему женщина с двумя ведерышками молока. Ветер отдувал ее желтую рубашку, мотал кисточку на смешном колпачке на ярко-рыжих волосах. Вот она остановилась, поставила ведерышки и стала отмахиваться от какого-то насекомого, локтем прикрывая лицо. Ветер подхватил ее подол. Она присела, смеясь, взяла ведерышки и опять побежала. Завидев Гусева, оскалила белые веселые зубы.

Гусев звал ее Ихошка, хотя имя ей было — Иха, — племянница управляющего, смешливая, смугло-синеватая, полненькая девушка.

Она живо пробежала мимо Гусева, — только сморщила нос в его сторону. Гусев приноровился было дать ей сзади «леща», но воздержался. Сидел, курил, поджидал.

Действительно, Ихошка скоро опять явилась с корзиночкой и ножиком. Села невдалеке от Сына Неба и принялась чистить овощи. Густые ресницы ее помаргивали. По всему было видно, что — веселая девушка.

— Почему у вас на Марсии бабы какие-то синие? — сказал ей Гусев по-русски. — Дура ты, Ихошка, жизни настоящей не понимаешь.

Иха ответила ему, и Гусев, будто сквозь сон, понял ее слова:

— В школе я учила священную историю; там говорилось, что Сыны Неба — злы. В книжках одно говорится, а на деле получается другое. Совсем Сыны Неба не злые.

— Да, добрые, — сказал Гусев, прищулив один глаз.

Иха подавилась смехом, кожаура шибко летела у нее из-под ножика.

— Мой дядя говорит, будто вы, Сыны Неба, можете убивать взглядом. Что-то я этого не замечаю.

— Неужели? А чего же вы замечаете?

— Слушайте, вы мне отвечайте по-нашему, — сказала Ихошка, — а по-вашему я не понимаю.

— А по-вашему у меня говорить нескладно выходит.

— Чего вы сказали? — Иха положила ножик, до того ее распирало от смеха. — По-моему, у вас на Красной Звезде все то же самое.

Тогда Гусев кашлянул, придвинулся ближе. Иха взяла корзинку и отодвинулась. Гусев кашлянул и еще придвинулся. Она сказала:

— Одежду протрете — по ступенькам елозить.

Может быть, Иха сказала это как-нибудь по-другому, но Гусев именно так и понял.

Он сидел совсем близко. Ихошка коротко вздохнула. Нагнула голову и сильнее вздохнула. Тогда Гусев быстро оглянулся и взял Ихошку за плечи. Она сразу откинулась, вытаращилась. Но он очень крепко поцеловал ее в рот. Иха изо всей мочи прижала к себе корзинку и ножик.

— Так-то, Ихошка! — Она вскочила и убежала.

Гусев остался сидеть, пощипывая усики. Усмехался.

Солнце закатилось. Высыпали звезды. К самым ступенькам подкрался какой-то длинный мохнатый зверек и глядел на Гусева фосфорическими глазами. Гусев пошевелился,—зверек зашипел, исчез, как тень.

— Да, пустяки эти надо все-таки оставить,—сказал Гусев. Одернул пояс и пошел в дом. В коридоре сейчас же мотнулась перед ним Ихощка. Он пальцем поманил ее, и они пошли по коридору. Гусев, морщась от напряжения, заговорил по-марсиански:

— Ты, Ихощка, так и знай: если что — я на тебе женюсь. Ты меня слушайся. (Иха повернулась к стене лицом,—уткнулась. Он оттащил ее от стены, крепко взял под руку.) Погоди носом в стену соваться,—я еще не женился. Слушай, я, Сын Неба, приехал сюда не для пустяков. У меня предполагаются большие дела с вашей планетой. Но человек я здесь новый, порядков не знаю. Ты мне должна помогать. Только, смотри, не ври. Вот что ты мне скажи,—кто такой наш хозяин?

— Наш хозяин,—ответила Иха, с усилием вслушиваясь в странную речь Гусева,—наш хозяин — властелин надо всеми странами Тумы.

— Вот тебе — здравствуй! — Гусев остановился. — Врешь? (Поскреб за ухом). Как же он официально называется? Король, что ли? Должность его какая?

— Зовут его Тускуб. Он — отец Аэлиты. Он — глава Высшего совета.

— Так. Понятно.

Гусев шел некоторое время молча.

— Вот что, Ихощка, в той комнате, я видел, у вас стоит матовое зеркало. Интересно в него посмотреть. Покажи мне, как оно соединяется.

Они вошли в узкую полутемную комнату, уставленную низкими креслами. В стене белелось туманное зеркало. Гусев повалился в кресло, поближе к экрану. Иха спросила:

— Что хотел бы видеть Сын Неба?

— Покажи мне город.

— Сейчас ночь, работа повсюду окончена, фабрики и магазины закрыты, площади пусты. Быть может — зрелища?

— Показывай зрелища.

Иха воткнула включатели в цифровую доску и, держа конец длинного шнура, отошла к креслу, где Сын Неба сидел, выткнув ноги.

— Народное гулянье,—сказала Иха и дернула за шнур. Раздался сильный шум — угрюмый тысячеголосый говор

толпы. Зеркало озарилось. Раскрылась непомерная перспектива сводчатых стеклянных крыш. Широкие снопы света упирались в огромные плакаты, в надписи, в клубы курящегося, многоцветного дыма. Внизу кишели головы, головы, головы. Кое-где, как летучие мыши, вверх, вниз, пролетали крылатые фигуры. Стеклянные своды, перекрещивающиеся лучи света, водовороты толпы уходили в глубину, терялись в пыльной, дымной мгле.

— Что они делают? — закричал Гусев, надрывая голос, — так велик был шум.

— Они дышат драгоценным дымом. Вы видите клубы дыма? — это курятся листья хавры. Это драгоценный дым. Он называется дымом бессмертия. Кто вдыхает его, видит необыкновенные вещи: кажется, будто никогда не умрешь, — такие чудеса можно видеть и понимать. Многие слышат звук уллы. Никто не имеет права курить хавру у себя на дому, — за это наказывают смертью. Только Высший совет разрешает курение, только двенадцать раз в году в этом доме зажигают листья хавры.

— А те вон что делают?

— Они вертят цифровые колеса. Они угадывают цифры. Сегодня каждый может загадать число, — тот, кто отгадает, навсегда освобождается от работы. Высший совет дарит ему прекрасный дом, поле, десять хашей и крылатую лодку. Это огромное счастье — угадать.

Объясняя, Иха присела на подлокотник кресла, Гусев сейчас же обхватил ее поперек спины. Она попыталась выпростаться, но затихла, сидела смирно. Гусев много дивился на чудеса в туманном зеркале: «Ах, черти, ах, безобразники!» — Затем попросил показать еще что-нибудь.

Иха слезла с кресла и, погасив зеркало, долго возилась у цифровой доски, — не попадала включателями в дырки. Когда же вернулась к креслу и опять села на подлокотник, вертя в руке шарик от шнура, личико у нее было слегка одурелое. Гусев снизу вверх поглядел на нее и усмехнулся. Тогда в глазах ее появился ужас.

— Тебе, девка, совсем замуж пора.

Ихошка отвела глаза и передохнула. Гусев стал гладить ее по спине, чувствительной, как у кошки.

— Ах ты, моя славная, красивая, синяя.

— Глядите, вот еще интересное, — проговорила она совсем слабо и дернула за шнур.

Половину озарившегося зеркала заслоняла чья-то спина. Был слышен ледяной голос, медленно произносивший слова. Спина качнулась, отодвинулась с поля зеркала. Гусев увидел

часть большого свода, в глубине упирающегося на квадратный столб, часть стены, покрытой золотыми надписями и геометрическими фигурами. Внизу, вокруг стола, сидели, опустив головы, те самые марсиане, которые на лестнице мрачного здания встречали корабль с людьми.

Перед столом, покрытым парчой, стоял отец Аэлиты, Тускуб. Тонкие губы его двигались, шевелилась черная борода по золотому шитью халата. Весь он был как каменный. Тусклые, мрачные глаза глядели неподвижно перед собой,— прямо в зеркало. Тускуб говорил, и колючие слова его были непонятны, но страшны. Вот он повторил несколько раз — Талцетл — и опустил, как бы поражая, руку со стиснутым в кулаке свитком. Сидевший напротив него марсианин, с широким бледным лицом, поднялся и бешено, белесыми глазами глядя на Тускуба, крикнул:

— Не они, а ты!

Ихошка вздрогнула. Она сидела лицом к зеркалу, но ничего не видела и не слышала,— большая рука Сына Неба поглаживала ее спину. Когда в зеркале раздался крик и Гусев несколько раз переспросил: «О чем, о чем они говорят?» — Ихошка точно проснулась — разинула рот, уставилась на зеркало. Вдруг вскрикнула жалобно и дернула за шнур.

Зеркало погасло.

— Я ошиблась... Я нечаянно соединила... Ни один шох не смеет слушать тайны Высшего совета.— У Ихошки стучали зубы. Она запустила пальцы в рыжие волосы и шептала в отчаянии: — Я ошиблась. Я не виновата. Меня сошлют в пещеры, в вечные снега.

— Ничего, ничего, Ихошка, я никому не скажу.— Гусев привалил ее к себе и гладил ее мягкие, как у ангорской кошки, теплые волосы. Ихошка затихла, закрыла глаза.

— Ах, дура, ах, девчонка! Не то ты зверь, не то человек. Синяя, глупая.

Он почесывал у ней пальцами за ухом, уверенный, что это ей приятно. Ихошка подобрала ноги, свертывалась клубочком. Глаза у нее светились, как у давешнего зверька. Гусеву стало жутковато.

В это время послышались шаги и голоса Лося и Аэлиты. Ихошка слезла с кресла и нетвердо пошла к двери.

Этой же ночью, зайдя к Лося в спальню, Гусев сказал:

— Дела наши не совсем хорошо обстоят, Мстислав Сергеевич. Девчонку я тут одну приспособил — зеркало соединять, и наткнулись мы как раз на заседание Высшего совета. Кое-что я понял. Надо меры принимать,— убьют они нас, Мстислав Сергеевич, поверьте мне,— этим кончится.

Лось слушал и не слышал,— мечтательным взглядом глядел на Гусева. Закинул руки за голову:

— Колдовство, Алексей Иванович, колдовство. Потушите-ка свет.

Гусев постоял, проговорил мрачно:

— Так.

И ушел спать.

УТРО АЭЛИТЫ

Аэлита проснулась рано и лежала, облокотившись. Ее широкая, открытая со всех сторон постель стояла, по обычаю, посреди спальни на возвышении. Шатер потолка переходил в высокий мраморный колодезь,— оттуда падал рассеянный утренний свет. Стены спальни, покрытые бледной мозаикой, оставались в полумраке,— столб света спускался лишь на снежные простыни, на подушечки, на склонившуюся на руку пельную голову Аэлиты.

Ночь она провела дурно. Обрывки странных и тревожных сновидений в беспорядке проходили перед ее закрытыми глазами. Сон был тонок, как водяная пленка. Всю ночь она чувствовала себя спящей и рассматривающей утомительные картины и в полузабытии думала: какие напрасные сновидения!

Когда утренним солнцем озарился колодезь и свет лег на ее постель, Аэлита вздохнула, пробудилась совсем и сейчас лежала неподвижно. Мысли ее были ясны, но в крови все еще текла смутная тревога. Это было очень, очень нехорошо.

«Тревога крови, помрачение разума, ненужный возврат в давно-давно пережитое. Тревога крови — возврат в ущелья, к стадам, к кострам. Весенний ветер, тревога и зарождение. Рожать, растить существа для смерти, хоронить, и снова — тревога, муки матери. Ненужное, слепое продление жизни».

Так раздумывала Аэлита, и мысли были мудрыми, но тревога не проходила. Тогда она вылезла из постели, надела плетеные туфли, накинула на голые плечи халатик и пошла в ванную, разделась, закрутила волосы узлом и стала спускаться по мраморной лесенке в бассейн.

На нижней ступени она остановилась,— было приятно стоять в луче солнечного света, бьющего сквозь окно. Зыбкие отражения играли на стене. Аэлита посмотрела в синеватую воду и там увидела свое отражение, луч света падал ей на живот. У нее дрогнула брезгливо верхняя губа. Аэлита бросилась в прохладу бассейна.

Купанье освежило ее, мысли вернулись к заботам дня.

Каждое утро она говорила с отцом,— так было заведено. Маленький экран стоял в ее уборной комнате.

Аэлита присела у туалетного зеркала, привела в порядок волосы, вытерла ароматным жиром, затем цветочной эссенцией лицо, шею и руки, исподлобья поглядела на себя, нахмурилась, придвинула столик с экраном и включила цифровую доску.

В туманном зеркале появился знакомый отцовский кабинет: книжные шкафы, картограммы и чертежи на вращающихся призмах. Вошел Тускуб, сел к столу, отодвинул локтем рукописи и глазами нашел глаза Аэлиты. Улыбнулся углом длинных, тонких губ:

— Как спала, Аэлита?

— Хорошо. В доме все хорошо.

— Что делают Сыны Неба?

— Они покойны и довольны. Они еще спят.

— Продолжаешь с ними уроки языка?

— Нет. Инженер говорит свободно. Его спутнику достаточно знания.

— У них нет еще желания покинуть мой дом?

— Нет, нет, о нет.

Аэлита ответила слишком поспешно. Тусклые глаза Тускуба изумленно расширились. Под взглядом его Аэлита стала отодвигаться, покуда ее спина не коснулась спинки кресла. Отец сказал:

— Я не понимаю тебя.

— Чего ты не понимаешь? Отец, почему ты мне не говоришь всего? Что ты задумал сделать с ними? Я прошу тебя...

Аэлита не договорила,— лицо Тускуба исказилось, словно огонь бешенства прошел по нему. Зеркало погасло. Но Аэлита все еще всматривалась в туманную его поверхность, все еще видела страшное ей, страшное всем живущим лицо отца.

— Это ужасно,— проговорила она,— это будет ужасно.— Она поднялась стремительно, но уронила руки и снова села.

Смутная тревога сильнее овладела ею. Аэлита огромными зрачками глядела на себя в зеркало. Тревога шумела в крови, бежала ознобом. «Как это плохо, напрасно».

Помимо воли встало перед ней, как сон этой ночи, лицо Сына Неба,— крупное, со снежными волосами,— взволнованное, с рядом непостижимых изменений, с глазами то печальными, то нежными, насыщенными солнцем Земли, влагой Земли,— жуткие, как туманные пропасти, грозные, сокрушающие разом.

Аэлита медленно встряхнула головой. Сердце страшно, глухо билось. Нагнувшись над цифровой дощечкой, она во-

ткнула стерженьки. В туманном зеркале появилась дремлющая в кресле, среди множества подушек, сморщенная фигурка старичка. Свет из окошечка падал на его иссохшие руки, лежавшие поверх мохнатого одеяла. Старичок вздрогнул, поправил сползшие очки, взглянул поверх стекол на экран и улыбнулся беззубо.

— Что скажешь, дитя мое?

— Учитель, у меня тревога,— сказала Аэлита,— ясность покидает меня. Я не хочу этого, я боюсь, но я не могу.

— Тебя смущает Сын Неба?

— Да. Меня смущает в нем то, что я не могу понять. Учитель, я только что говорила с отцом. Он был спокоен. Я чувствую — у них борьба в Высшем совете. Я боюсь, как бы Совет не принял ужасного решения. Помогите.

— Ты только что сказала, что Сын Неба смущает тебя. Будет лучше, если он исчезнет совсем.

— Нет! — Аэлита сказала это быстро, резко, взволнованно.

Старичок под взглядом ее насупился. Пожевал сморщенным ртом.

— Я плохо понимаю ход твоих мыслей, Аэлита, в твоих мыслях двойственность и противоречие.

— Да, я чувствую это.

— Вот лучшее доказательство неправоты. Высшая мысль — ясна, бесстрашна и непротиворечива. Я сделаю, как ты хочешь, и поговорю с твоим отцом. Он тоже страстный человек, и это может привести его к поступкам, не соответствующим мудрости и справедливости.

— Я буду надеяться.

— Успокойся, Аэлита, и будь внимательна... Взгляни в глубину себя. В чем твоя тревога? Со дна твоей крови поднимается древний осадок — красная тьма,— это жажда продления жизни. Твоя кровь в смятении...

— Учитель, он меня смущает иным...

— Каким бы возвышенным чувством он ни смутил,— в тебе пробудится женщина, и ты погибнешь. Только холод мудрости, Аэлита, только спокойное созерцание неизбежной гибели всего живущего,— этого пропитанного салом и похотью тела, только ожидание, когда твой дух, уже совершенный, не нуждающийся более в жалком опыте жизни, уйдет за пределы сознания, перестанет быть,— вот счастье. А ты хочешь возврата. Бойся этого искушения, дитя мое. Легко упасть, быстро — катиться с горы, но подъем медленен и труден. Будь мудра.

Аэлита слушала, голова ее склонялась...

— Учитель,— вдруг сказала она, и губы ее задрожали, глаза налились тоской,— Сын Неба говорил, что на Земле они знают что-то, что выше разума, выше знания, выше мудрости. Но что это — я не поняла. От этого моя тревога. Вчера мы были на озере, взойшла Красная Звезда, он указал на нее рукой и сказал: «Она окружена туманом любви. Люди, познающие любовь, не умирают». Тоска разорвала мою грудь, учитель.

Старичок нахмурился, долго молчал,— только не переставая шевелились пальцы его высохшей руки.

— Хорошо,— сказал он,— пусть Сын Неба даст тебе это знание. Покуда ты не узнаешь всего, не тревожь меня. Будь осторожна.

Зеркало погасло. Стало тихо в комнате. Аэлита взяла с колен платочек и отерла им лицо. Потом взглянула на себя — внимательно, строго. Брови ее поднялись. Она раскрыла небольшой ларчик и низко нагнулась к нему, перебирая вещицы. Нашла и надела на шею крошечную, оправленную в драгоценный металл сухую лапку чудесного зверька индрии, весьма помогающую, по древним поверьям, женщинам в трудные минуты.

Аэлита вздохнула и пошла в библиотеку. Лось поднялся ей навстречу от окна, где сидел с книгой. Аэлита взглянула на него,— большой, добрый, встревоженный. Ей стало горячо сердцу. Она положила руку на грудь, на лапку чудесного зверька, и сказала:

— Вчера я обещала вам рассказать о гибели Атлантиды. Садитесь и слушайте.

ВТОРОЙ РАССКАЗ АЭЛИТЫ

— Вот что мы прочли в цветных книгах,— сказала Аэлита.

В те далекие времена на Земле центром мира был город Ста Золотых Ворот, ныне лежащий на дне океана. Из города шло знание и соблазны роскоши. Он привлекал к себе населявшие Землю племена и разжигал в них первобытную жадность. Наступал срок, и молодой народ обрушивался на властителей и овладевал городом. Свет цивилизации на время замирал. Но проходило время, и он вспыхивал с новой яркостью, обогащенный свежей кровью победителей. Проходили столетия, и снова орды кочевников нависали тучей над вечным городом.

Первыми основателями города Ста Золотых Ворот были африканские негры племени Земзе. Они считали себя младшей ветвью черной расы, которая в величайшей древности населя-

ла погибший в волнах Тихого океана гигантский материк Гвандана. Уцелевшие части черной расы раздробились на множество племен. Многие из них одичали и выродились. Но все же в крови негров текло воспоминание великого прошлого.

Люди Земзе были огромной силы и большого роста. Они отличались одним необыкновенным свойством: на расстоянии они могли чувствовать природу и форму вещей, подобно тому как магнит ощущает присутствие другого магнита. Это свойство они развили во время жизни в темных пещерах тропических лесов.

Спасаясь от ядовитой мухи гох, племя Земзе вышло из лесов и двигалось на запад, пока не встретило местность, удобную для жизни. Это было холмистое плоскогорье, омываемое двумя огромными реками.

Здесь было много плодов и дичи, в горах — золото, олово и медь. Леса, холмы и тихие реки — красивы и лишены губительных лихорадок.

Люди Земзе построили стену в защиту от диких зверей и навалили из камней высокую пирамиду в знак того, что это место — прочно.

На верху пирамиды они поставили столб с пучком перьев птицы клитли, покровительницы племени, спасавшей их во время пути от мухи гох. Вожди Земзе украшали головы перьями и давали себе имена птиц.

На запад от плоскогорья бродили краснокожие племена. Люди Земзе нападали на них, брали пленных и заставляли пахать землю, строить жилища, добывать руду и золото. Слава о городе шла далеко на запад, и он внушал страх краснокожим, потому что люди Земзе были сильны, умели угадывать мысли врага и убивали на далеком расстоянии, бросая согнутый кусок дерева. В лодках из древесной коры они плавали по широким рекам и собирали с краснокожих дань.

Потомки Земзе украсили город круглыми каменными зданиями, крытыми тростником. Они ткали превосходные одежды из шерсти и умели записывать мысли посредством изображения предметов, — это знание они вынесли в глубинах памяти, как древнее воспоминание исчезнувшей цивилизации.

Прошли столетия. И вот на западе появился великий вождь красных. Его звали Уру. Он родился в городе, но в юности ушел в степи, к охотникам и кочевникам. Он собрал бесчисленные толпы воинов и пошел воевать город.

Потомки Земзе употребили для защиты все знания: поражали врагов огнем, насылали на них стада взбесившихся буйволов, рассекали их летящими, как молния, бумерангами. Но краснокожие были сильны жадностью и численностью. Они овладели городом и разграбили его. Уру объявил себя вождем

мира. Он велел красным воинам взять себе девушек Земзе. Скрывавшиеся в лесах остатки побежденных вернулись в город и стали служить победителям.

Красные усвоили знания, обычаи и искусства Земзе. Смешанная кровь дала длинный ряд администраторов и завоевателей. Таинственная способность чувствовать природу вещей передавалась поколениям.

Военачальники династии Уру расширили владения, на западе они истребили кочевников и на рубежах Тихого океана навалили пирамиды из земли и камней. На востоке они теснили негров. По берегам Нигера и Конго, по скалистому побережью Средиземного моря, плескавшегося там, где ныне пустыня Сахара, они заложили сильные крепости. Это было время войн и строительства. Земля Земзе называлась тогда — Хамаган.

Город был обнесен новой стеной, и в ней сделаны сто ворот, обложенных золотыми листами. Народы всего мира стекались туда, привлекаемые жадностью и любопытством. Среди множества племен, бродивших по его базарам, разбивавших палатки под его стенами, появились еще не виданные люди. Они были оливково-смуглые, с длинными горящими глазами и носами, как клюв. Они были умны и хитры. Никто не помнил, как они вошли в город. Но вот прошло не более поколения, и наука и торговля города Ста Золотых Ворот оказались в руках этого немногочисленного племени. Они называли себя «сыны Аама».

Мудрейшие из сынов Аама прочли древние надписи Земзе и стали развивать в себе способность видеть сущность вещей. Они построили подземный храм Спящей Головы Негра и стали привлекать к себе людей, — исцеляли больных, гадали о судьбе и верующим показывали тени умерших.

Богатством и силою знания сыны Аама проникли к управлению страной. Они привлекли на свою сторону многие племена и подняли одновременно на окраинах Земли и в самом городе восстание за новую веру. В кровавой борьбе погибла династия Уру. Сыны Аама овладели властью.

С этим древним временем совпал первый толчок Земли. Во многих местах, среди гор, вырвалось пламя, и пеплом заволокло небо. Большие пространства на юге атлантического материка опустели в океан. На севере поднялись с морского дна скалистые острова и соединились с сушей: так образовались очертания европейской равнины.

Всю силу власти сыны Аама направляли на создание культуры среди множества племен, когда-то покоренных династией Уру и отпавших. Но сыны Аама не любили войны. Они снаря-

жали корабли, украшенные Головой Спящего Негра, нагружали их пряностями, тканями, золотом и слоновой костью. Посвященные в культ, под видом купцов и знахарей, проникали на кораблях в дальние страны. Они торговали и лечили заговорами и заклинаниями больных и увечных. Для охраны товаров они строили в каждой стране большой, по форме пирамиды, дом, куда переносили Голову Спящего. Так утвердился культ. Если народ возмущался против пришельцев, с корабля сходил отряд краснокожих, закованных в бронзу, со щитами, украшенными перьями, в высоких шлемах, наводящих ужас.

Так снова расширялись и укреплялись владения древней земли Земзе. Теперь она называлась Атлантида. На крайнем западе, в стране красных, был заложен второй великий город — Птитлигуа. Торговые корабли Атлантов плавали на восток, до Индии, где еще властвовала черная раса. На восточном побережье Азии они впервые увидели гигантов с желтыми и плоскими лицами. Эти люди бросали камни в их корабли.

Культ Спящей Головы был открыт для всех, — это было главным орудием силы и власти, но смысл, внутреннее содержание культа хранились в величайшей тайне. Атланты выращивали зерно мудрости Земзе и были еще в самом начале того пути, который привел к гибели всю расу.

Они говорили так:

«Истинный мир — невидим, неосязаем, неслышим, не имеет вкуса и запаха. Истинный мир есть движение разума. Начальная и конечная цель этого движения непостижима. Разум есть материя, более твердая, чем камень, и более быстрая, чем свет. Ища покоя, как всякая материя, разум впадает в некоторый сон, то есть становится более замедленным, что называется — воплощением разума в вещество. На степени глубины сна разум воплощается в огонь, в воздух, в воду, в землю. Из этих четырех стихий образуется видимый мир. Вещь есть временное сгущение разума. Вещь есть ядро сферы сгущающегося разума, подобно круглой молнии, в которую уплотняется грозовой воздух.

В кристалле разум находится в совершенном покое. В межзвездном пространстве разум — в совершенном движении. Человек есть мост между этими двумя состояниями. разума. Через человека течет поток разума в видимый мир. Ноги человека вырастают из кристалла, живот его — солнце, его глаза — звезды, его голова — чаша с краями, простирающимися во вселенную.

Человек есть владыка мира. Ему подчинены стихии и дви-

жение. Он управляет ими силой, исходящей из его разума, подобно тому как луч света исходит из отверстия глиняного сосуда».

Так говорили Атланты. Простой народ не понимал их учения. Иные поклонялись животным, иные — теням умерших, иные — идолам, иные — ночным шорохам, грому и молнии или яме в земле. Было невозможно и опасно бороться со множеством этих суеверий.

Тогда жрецы — высшая каста Атлантов — поняли, что нужно внести ясный и понятный, единый для всех культ. Они стали строить огромные, украшенные золотом храмы и посвящать их солнцу — отцу и владыке жизни, гневному и животворному, умирающему и вновь рождающемуся.

Культ солнца вскоре охватил всю Землю. Верующими было пролито много человеческой крови. На крайнем западе, среди красных, солнце приняло образ змея, покрытого перьями. На крайнем востоке солнце — владыка теней умерших — приняло образ человека с птичьей головой.

В центре мира, в городе Ста Золотых Ворот, была построена уступчатая пирамида столь высокая, что облака дымились на вершине ее, — туда перенесли Голову Спящего. У подножья пирамиды, на площади, был поставлен золотой крылатый бык с человеческим лицом, со львиными лапами. Под ним неугаσιμο горел огонь.

В дни равноденствий, в присутствии народа, под удары в яйцеобразные барабаны, под пляски обнаженных женщин, верховный жрец, Сын Солнца, великий правитель, умерщвлял красивейшего из юношей города и сжигал его во чреве быка.

Сын Солнца был неограниченный владыка города и страны. Он строил плотины и проводил орошения. Раздавал из магазинов одежду и питание, назначал, кому сколько нужно земли и скота. Многочисленные чиновники были исполнителями его повелений. Никто не мог говорить: «Это мое», потому что все принадлежало Солнцу. Труд был священен. Леность наказывалась смертью. Весною Сын Солнца первый выходил в поле и на быках пропахивал борозду, сеял зерна маиса.

Храмы были полны зерна, тканей, пряностей. Корабли Атлантов, с пурпуровыми парусами, украшенными изображениями змеи, держащей во рту солнце, бороздили все моря и реки. Наступал долгий мир. Люди забывали, как держать в руке меч.

И вот над Атлантидой нависла туча с востока.

На восточных плоскогорьях Азии жило желтолицее, с раскосыми глазами, сильное племя Учкурров. Они подчинялись женщине, которая обладала способностью бесноваться. Она называлась Су Хутам Лу, что значило «говорящая с луной».

Су Хутам Лу сказала Учкурам:

«Я поведу вас в страну, где в ущелье между гор опускается солнце. Там пасется столько баранов, сколько звезд на небе, там текут реки из кумыса, там есть такие высокие юрты, что в каждую можно загнать стадо верблюдов. Там еще не ступали ваши кони, и вы еще не зачерпывали шлемом воды из тех рек».

Учтуры спустились с плоскогорья и напали на многочисленные кочевые племена желтолицых, покорили их и стали среди них военачальниками. Они говорили побежденным: «Идите за нами в страну солнца, которую указала Су Хутам Лу».

Поклонявшиеся звездам кочевники были мечтательны и бесстрашны. Они сняли юрты и погнали стада на запад. Шли медленно, год за годом. Впереди двигалась конница Учкуров, нападая, сражаясь и разрушая города. За конницей брели стада и повозки с женщинами и детьми. Кочевники прошли мимо Индии и разлились по восточной европейской равнине.

Там многие остались на берегах озер. Сильнейшие продолжали двигаться на запад. На побережье Средиземного моря они разрушили первую колонию Атлантов и от побежденных узнали, где лежит страна Солнца. Здесь Су Хутам Лу умерла. С головы ее сняли волосы вместе с кожей и прибили к высокому шесту. С этим знаменем двинулись далее, вдоль моря. Так они дошли до края Европы и вот, с высоты гор, увидели очертания обетованной земли. Со дня, когда Учтуры впервые спустились с плоскогорья, минуло сто лет.

Кочевники стали рубить леса и вязать плоты. На плотах они переправлялись через соленую теплую реку. Ступив на заповедную землю Атлантиды, кочевники напали на священный город Туле. Когда они полезли на высокие стены, в городе начали звонить в колокола: звон был так приятен, что желтолицые не стали разрушать города, не истребили жителей, не разграбили храмов. Они взяли запасы пищи и одежды и пошли далее на юго-запад. Пыль от повозок и стад застилала солнце.

Наконец кочевникам преградило путь войско краснокожих. Атланты были все в золоте, в разноцветных перьях, изнеженные и прекрасные видом. Конница Учкуров истребила их. С этого дня желтолицые услышали запах крови Атлантов и не были более милостивы.

Из города Ста Золотых Ворот послали гонцов на запад к красным, на юг к неграм, на восток к племенам Аама, на север к циклопам. Приносились человеческие жертвоприношения.

Неугасимо пылали костры на вершинах храмов. Жители города стекались на кровавые жертвы, предавались исступленным пляскам, чувственным забавам, опьянялись вином, расточали сокровища.

Жрецы и философы готовились к великому испытанию, уносили в глубь гор, в пещеры, зарывали в землю книги Великого Знания.

Началась война. Участь ее была предрешена: Атланты могли только защищать пресытившее их богатство, у кочевников была первобытная жадность и вера в обетование. Все же борьба была длительной и кровопролитной. Страна опустошалась. Наступил голод и мор. Войска разбежались и грабили все, что могли. Город Ста Золотых Ворот был взят приступом и стены его разрушены. Сын Солнца бросился с вершины уступчатой пирамиды. Погасли огни на вершинах храмов. Немногие из мудрых и посвященных бежали в горы, в пещеры. Цивилизация погибла.

Среди разрушенных дворцов великого города на площадях, поросших травой, бродили овцы, и желтолицый пастух пел печальную песню о блаженной, как степной мираж, заповедной стране, где земля голубая и небо — золотое.

Кочевники спрашивали своих вождей: «Куда нам еще идти?» Вожди говорили им: «Мы привели вас в обетованную страну, селитесь и живите мирно». Но многие из кочевых племен не послушались и пошли дальше на запад, в страну Перистого Змея, но там их истребил повелитель Птитлигуа. Иные из кочевников проникли к экватору, и там их уничтожили негры, стада слонов и болотные лихорадки.

Учкуры, вожди желтолицых, избрали мудрейшего из военачальников и поставили его правителем покоренной страны. Имя его было Тубал. Он велел чинить стены, очищать сады, вспахивать поля и отстраивать жилища. Он издал много мудрых и простых законов. Он призвал к себе бежавших в пещеры мудрецов и посвященных и сказал им: «Мои глаза и уши открыты для мудрости». Он сделал их советниками, разрешил открыть храмы и повсюду послал гонцов с вестью, что желает мира.

Таково было начало третьей, самой высокой волны цивилизации Атлантов. В кровь многочисленных племен — черных, красных, оливковых и белых — влилась мечтательная, бродящая, как хмель, кровь азиатских номадов, звездопоклонников, потомков бесноватой Су Хутам Лу.

Кочевники быстро растворились среди иных племен. От юрт, стад, дикой воли оставались лишь песни и предания. По-

явилось новое племя сильных сложением, черноволосых, желто-смуглых людей. Учктуры, потомки всадников и военачальников, были аристократией города. Они любили науки, искусства и роскошь. Они украсили город новыми стенами и семиугольными башнями, выложили золотом двадцать один уступ гигантской пирамиды, провели акведуки, впервые в архитектуре стали употреблять колонну.

В долгих войнах снова были покорены отпавшие страны и города. На севере воевали с циклопами — уцелевшими от смещения, одичавшими потомками племени Земзе. Великий завоеватель Рама дошел до Индии. Он соединил младенческие племена арийцев в царство Ра. Так еще раз раздвинулись до небывалых размеров и окрепли пределы Атлантиды — от страны Перистого Змея до азиатских берегов Тихого океана, откуда некогда желтолицые великаны бросали камни в корабли.

Мечтательная душа завоевателей стремилась к знанию. Снова были прочитаны древние книги Земзе и мудрые книги сынов Аама. Замкнулся круг и начался новый. В пещерах были найдены полуистлевшие «семь папирусов Спящего». С этого открытия начинает быстро развиваться знание. То, чего не было у сынов Аама, — бессознательной творческой силы, — то, чего не было у сынов племени Земзе, — ясного и острого разума, — в изобилии текло в тревожной и страстной крови Учкуров.

Основа нового знания была такова:

«В человеке дремлет самая могучая из мировых сил — материя чистого разума. Подобно тому как стрела, натянутая тетивой, направленная верной рукой, поражает цель, — так и материя дремлющего разума может быть напряжена тетивой воли, направлена рукой знаний. Сила устремленного знания безгранична».

Наука знания разделялась на две части: подготовительную — развитие тела, воли и ума, и основную — познание природы, мира и формул, через которые материя устремленного знания овладевает природой.

Полное овладение знанием, расцвет небывалой еще на Земле и до сих пор не повторенной культуры продолжались столетие, между четырьест пятидесятым и триста пятидесятым годами до Потопа, то есть до гибели Атлантиды.

На Земле был всеобщий мир. Силы Земли, вызванные к жизни знанием, обильно и роскошно служили людям. Сады и поля давали огромные урожаи, плодились стада, труд был легок. Народ вспоминал старые обычаи и праздники, и никто не мешал ему жить, любить, рожать, веселиться. В преданиях этот век назван *ЗОЛОТЫМ*.

В то время на восточном рубеже Земли был поставлен сфинкс, изображавший в одном теле четыре стихии, — символ тайны спящего разума. Были построены семь чудес света: лабиринт, колосс в Средиземном море, столбы на запад от Гибралтара, башня звездочетов на Посейдонесе, сидящая статуя Тубала и город Лемуток на острове Тихого океана.

В черные племена, до этого времени теснимые в тропические болота, проник свет знания. Негры быстро усваивали цивилизацию и начали постройку гигантских городов в Центральной Африке.

Зерно мудрости Земзе дало полное и пышное цветение. Но вот мудрейшие из посвященных в знание стали понимать, что во всем росте цивилизации лежит первоначальный грех. Дальнейшее развитие знания должно привести к гибели: человечество поразит само себя, как змея, жалящая себя в хвост.

Первородное зло было в том, что бытие — жизнь Земли и существ — постигалось как нечто, выходящее из разума человека. Познавая мир, человек познавал только самого себя. Разум был единственной реальностью, мир — его представлением, его сновидением. Такое понимание бытия должно было привести к тому, что каждый человек стал бы утверждать, что он один есть единственное, сущее, все остальное — весь мир — лишь плод его воображения. Дальнейшее было неизбежно: борьба за единственную личность, борьба всех против всех, истребление человечества, как восставшего на человека его же сна, — презрение и отвращение к бытию, как к злomu сновидению.

Таково было начальное зло мудрости Земзе.

Знание раскололось. Одни не видели возможности вынуть семя зла и говорили, что зло есть единственная сила, создающая бытие. Они называли себя черными, так как знание шло от черных.

Другие, признававшие, что зло лежит не в самой природе, но в отклонении разума от природности, стали искать противодействия злу.

Они говорили: «Солнечный луч падает на землю, погибает и воскресает в плод земли: вот основной закон жизни». Таково же движение мирового разума: нисхождение, жертвенная гибель и воскресение в плоть. Первоосновной грех — одиночество разума — может быть уничтожен грехопадением. Разум должен пасть в плоть и пройти через живые врата смерти. Эти врата — пол. Падение разума совершается силою полового влечения, или Эроса.

Утверждавшие так называли себя белыми, потому что носили полотняную тиару — знак Эроса. Они создали весенний

праздник и мистерию грехопадения, которая разыгрывалась в роскошных садах древнего храма солнца. Девственный юноша представлял разум, женщина — врата смертной плоти, змей — Эроса. Из отдаленных стран приходили смотреть на эти зрелища.

Раскол между двумя путями знания был велик. Началась борьба. В то время было сделано изумительное открытие, — найдена возможность мгновенно освобождать жизненную силу, дремлющую в семенах растений. Эта сила, — гремучая, огненно-холодная материя, — освобождаясь, устремлялась в пространство. Черные воспользовались ею для борьбы, для орудий войны. Они построили огромные летающие корабли, наводящие ужас. Дикие племена стали поклоняться этим крылатым драконам.

Белые поняли, что гибель мира близка, и стали готовиться к ней. Они отбирали среди простых людей наиболее чистых, сильных и стали выводить их на север и на восток. Они отводили им высокие горные пастбища, где переселенцы могли жить, как первобытные существа.

Опасения белых подтверждались. Золотой век вырождался, в городах Атлантиды наступало пресыщение. Ничто не сдерживало более разнузданную фантазию, жажду извращений, безумие опустошенного разума. Сила, которую овладел человек, обратилась против него. Неизбежность смерти делала людей мрачными, свирепыми, беспощадными.

И вот настали последние дни. Начались они с большого бедствия: центральная область города Ста Золотых Ворот была потрясена подземным толчком, много земли опустилось на дно океана, морские волны Атлантики отделили навсегда страну Перистого Змея.

Черные обвиняли белых, что силою заклинаний они раскопали духов земли и огня. Народ возмутился, черные устроили ночное избиение в городе, — более половины жителей, носивших полотняную тиару, погибло смертью, остальные бежали за пределы Атлантиды.

Властью в городе Ста Золотых Ворот овладели богатейшие из граждан Черного ордена, называвшиеся Магацитлами, что значит «беспощадные». Они говорили: «Уничтожим человечество, потому что оно есть дурной сон разума».

Чтобы во всей полноте насладиться зрелищем смерти, они объявили по всей Земле праздники и игрища, раскрыли государственные сокровищницы и магазины, привезли с севера белых девушек и отдали их народу, распахнули двери храмов для всех жаждущих противоестественных наслаждений, наполнили фонтаны вином и на площадях жарили мясо. Безумие

овладело народом. Это было в осенние дни сбора винограда.

Ночью, на озаренных кострами площадях, среди народа, иступленного вином, плясками, едой, женщинами,— появились Магацитлы. Они были в высоких шлемах с колючим гребнем, в панцирных поясах, без щитов. Правой рукой они бросали бронзовые шары, разрывавшиеся холодным, разрушающим пламенем, левой рукой погружали меч в пьяных и безумных.

Кровавая оргия была прервана страшным подземным толчком. Рухнула статуя Тубала, треснули стены, повалились колонны акведука, из глубоких трещин вырвалось пламя, пеплом заволочло небо.

Наутро кровавый, тусклый диск солнца осветил развалины, горящие сады, толпы измученных излишествами, сумасшедших людей, кучи трупов. Магацитлы бросились к летательным аппаратам, имеющим форму яиц, и стали покидать Землю. Они улетели в звездное пространство, в родину абстрактного разума.

Улетело уже много тысяч аппаратов. Тогда раздался четвертый, еще более сильный толчок земли. С севера поднялась из пепельной мглы океанская волна и пошла по земле, уничтожая все живое.

Началась буря, молнии падали на землю, в жилища. Хлынул ливень, летели осколки вулканических камней.

За оплотом стен великого города с вершинами уступчатой, обложенной золотом пирамиды Магацитлы продолжали улетать сквозь океан падающей воды, из дыма и пепла в звездное пространство. Три подряд толчка раскололи землю Атлантиды. Город Золотых Ворот погрузился в кипящие волны.

ГУСЕВ НАБЛЮДАЕТ ГОРОД

Иха совсем одурела. О чем бы ни просил ее Гусев, тотчас исполняла, глядела на него матовыми глазами. И смешно и жалко. Гусев обращался с нею строго, но справедливо. Когда Ихошка совсем изнемогала от переполнения чувствами, он сажал ее на колени, гладил по голове, почесывал за ухом, рассказывал всякие смешные истории. Она одурело слушала.

У Гусева гвоздем засел план удрать в город. Здесь было как в мышеловке: ни оборониться в случае чего, ни убежать. Опасность грозила им серьезная,— в этом Гусев не сомневался. Разговоры с Лосем ни к чему не вели. Лось только морщился, весь свет ему заслонил подол Тускубовой дочки.

«Суетливый вы человек, Алексей Иванович. Ну, нас

убьют,— не нам с вами бояться смерти. А то сидели бы в Петрограде — чего безопаснее?»

Гусев велел Ихошке унести ключи от ангара, где стояли крылатые лодки. Он забрался туда с фонарем и всю ночь провозился над небольшой, видимо быстролетной, двукрылой лодкой. Механизм ее был прост. Крошечный моторчик питался крупинками белого металла, распадающегося с чудовищной силой в присутствии электрической искры. Электрическую энергию аппарат получал во время полета из воздуха, так как Марс был покрыт электричеством высокого напряжения,— его посылали станции на полюсах. (Об этом рассказывала Аэлита).

Гусев подтащил лодку к самым воротам ангара. Ключ вернул Ихе. В случае надобности замок не трудно было сорвать рукой.

Затем он решил взять под контроль город Соацеру. Иха научила его соединять туманное зеркало. Этот говорящий экран в доме Тускуба можно было соединять односторонне, то есть самому оставаться невидимым и неслышимым.

Гусев обследовал весь город: площади, торговые улицы, фабрики, рабочие поселки. Странная жизнь раскрывалась и проходила перед ним в туманном зеркале.

Кирпичные низкие залы фабрик, тусклый свет сквозь пыльные окна. Унылые, с пустыми, запавшими глазами, морщинистые лица рабочих. Вечно, вечно двигающиеся станки, машины, сутулые фигуры, точные движения работы,— унылая, беспросветная муравьиная жизнь.

Появлялись прямые, однообразные улицы рабочих кварталов, те же унылые фигуры брели по ним, опустив головы. Тысячелетней скукой веяло от этих кирпичных, чисто подметенных, один как один, коридоров. Здесь, видимо, уже ни на что не надеялись.

Появлялись центральные площади: уступчатые дома, ползучая пестрая зелень, отсвечивающие солнцем стекла, нарядные женщины; посреди улицы — столики, узкие вазы, полные цветов; двигающаяся водоворотами нарядная толпа, черные халаты мужчин, фасады домов — все это отражалось в паркетной зеленоватой мостовой. Низко проносились золотые лодки, скользили тени от их крыльев, смеялись запрокинутые лица, вились пестрые легкие шарфы...

В городе шла двойная жизнь. Гусев все это принял во внимание. Как человек с большим опытом — почувствовал носом, что, кроме этих двух сторон, здесь есть еще и третья — подпольная. Действительно, по богатым улицам города, в пар-

ках — повсюду шаталось большое количество неряшливо одетых, испитых молодых марсиан. Шатались без дела, заложив руки в карманы, — поглядывали. Гусев думал: «Эге, эти штуки мы тоже видали».

Ихошка все ему подробно объясняла. На одно только не соглашалась — соединить экран с Домом Высшего совета инженеров.

В ужасе трясла рыжими волосами, складывала руки:

— Не просите меня, Сын Неба, лучше убейте меня, дорогой Сын Неба.

Однажды, на четырнадцатый день, утром, Гусев, как обычно, сел в кресло, положил на колени цифровую доску, дернул за шнур.

В зеркальной стене появилась странная картина: на центральной площади — озабоченные, шепчущиеся кучки марсиан. Исчезли столики с мостовой, цветы, пестрые зонтики. Появился отряд солдат, — шли треугольником, как страшные куклы, с каменными лицами. Далее — на торговой улице — бегущая толпа, свалка и какой-то марсианин, вылетевший из драки винтом на машинах-крыльях. В парке — те же встревоженные кучки шептунов. На одной из фабрик — гудящие толпы рабочих, возбужденные, мрачные, свирепые лица.

В городе, видимо, произошло какое-то событие чрезвычайной важности. Гусев тряс Ихошку за плечи: «В чем дело?» Она молчала, глядела матовыми влюбленными глазами.

ТУСКУБ

Город был охвачен тревогой. Бормотали, мигали зеркальные телефоны. На улицах, на площадях, в парках шептались кучки марсиан. Ждали событий, поглядывали на небо. Говорили, что где-то горят склады сушеного кактуса. В полдень в городе открыли водопроводные краны, и вода иссякла в них, но ненадолго... Многие слышали на юго-западе отдаленный взрыв. В домах заклеивали стекла бумажками — крест-накрест.

Тревога шла из центра по городу, из Дома Высшего совета инженеров.

Говорили о пошатнувшейся власти Тускуба, о предстоящих переменах.

Тревожное возбуждение прорезывалось, как искрой, слухами:

«Ночью погаснет свет».

«Остановят полярные станции».

«Исчезнет магнитное поле».

«В подвалах Дома Высшего совета арестованы какие-то личности».

На окраинах города, на фабриках, в рабочих поселках, в общественных магазинах слухи эти воспринимались по-иному. О причине их возникновения здесь, видимо, знали больше. С тревожным злорадством говорили, что будто гигантский цирк, номер одиннадцатый, взорван подземными рабочими, что агенты правительства ищут повсюду склады оружия, что Тускуб стягивает войска в Соацеру.

К полудню почти повсюду прекратилась работа. Собирались большие толпы, ожидали событий, поглядывали на неизвестно откуда появившихся многозначительных молодых, неряшливо одетых марсиан с заложенными в карманы руками.

В середине дня над городом пролетели правительственные лодки, и дождь белых афишек посыпался с неба на улицы.

Правительство предостерегало население от злостных слухов,— их распускали враги народа. Говорилось, что власть никогда еще не была так сильна и преисполнена решимости.

Город затих ненадолго, и снова поползли слухи— один страшнее другого. Достоверно знали только одно: сегодня вечером в Доме Высшего совета инженеров предстоит решительная борьба Тускуба с вождем рабочего населения Соацеры — инженером Гором.

К вечеру толпы народа заполнили огромную площадь перед Домом Высшего совета. Солдаты охраняли лестницу, входы и крышу. Холодный ветер нагнал туман, в мокрых облаках раскачивались фонари красноватыми расплывающимися сияниями. Неясной пирамидой уходили во мглу мрачные стены дома. Все окна его были освещены.

Под тяжелыми сводами, в круглой зале, на скамьях амфитеатра сидели члены Высшего совета. Лица всех были внимательны и настроенны. В стене, высоко над полом, проходили быстро одна за другой в туманном зеркале картины города — внутренность фабрик, перекрестки с перебегающими в тумане фигурами, очертания водяных цирков, электромагнитных башен, однообразные пустынные здания складов, охраняемые солдатами. Экран непрерывно соединялся со всеми контрольными зеркалами в городе. Вот появилась площадь перед Домом Высшего совета инженеров,— океан голов, застилаемый клочьями тумана, широкие сияния фонарей. Своды залы наполнились зловещим ропотом толпы.

Тонкий свист отвлек внимание присутствующих. Экран

погас. Перед амфитеатром, на возвышение, покрытое черно-золотой парчой, взошел Тускуб. Он был бледен, спокоен и мрачен.

— В городе волнение,— сказал Тускуб,— город возбужден слухом о том, что сегодня *мне* здесь намерены противоречить. Одного этого слуха было достаточно, чтобы государственное равновесие пошатнулось. Такое положение вещей я считаю болезненным и зловещим. Необходимо раз навсегда уничтожить причину подобной возбуждаемости. Я знаю,— среди нас есть присутствующие, которые нынче же ночью разнесут по городу мои слова. Я говорю открыто: город охвачен анархией. По сведениям моих агентов, в городе и стране нет достаточных мускулов для сопротивления. Мы накануне гибели мира.

Ропот пролетел по амфитеатру. Тускуб брезгливо усмехнулся.

— Сила, разрушающая мировой порядок,— анархия,— идет из города. Спокойствие души, природная воля к жизни, силы чувств растрачиваются здесь на сомнительные развлечения и бесполезные удовольствия. Дым хавры — вот душа города: дым и бред. Уличная пестрота, шум, роскошь золотых лодок и зависть тех, кто снизу глядит на эти лодки. Женщины, обнажающие спину и живот и надушенные возбуждающими ароматами; пестрые огоньки, перебегающие по фасадам публичных домов; летающие над улицами лодки-рестораны — вот город! Покой души сгорает в пепел. Желание таких опустошенных душ одно — жажда... Жажда опьянения... Пресыщенные души опьяняет только кровь.

Тускуб сказал это, пронзив перед собою пальцем пространство... Зал сдержанно загудел. Он продолжал:

— Город готовит анархическую личность. Ее воля, ее пафос — разрушение. Думают, что анархия — свобода, нет, — анархия жаждет только анархия. Долг государства — бороться с этими разрушителями, — таков закон! Анархии мы должны противопоставить волю к порядку. Мы должны вызвать в стране здоровые силы и с наименьшими потерями бросить их на войну с анархией. Мы объявляем анархии беспощадную войну. Меры охраны — лишь временное средство: неизбежно должен настать час, когда полиция откроет свое уязвимое место. В то время как мы вдвое увеличиваем число агентов полиции, — анархисты увеличиваются в квадрате. Мы должны первые перейти в наступление, решиться на суровое и неизбежное действие, мы должны разрушить и уничтожить город.

Половина амфитеатра завывала и повскакала на скамьях.

Лица марсиан были бледны, глаза горели. Тускуб взглядом восстановил тишину.

— Город неизбежно, так или иначе, будет разрушен, мы сами должны организовать это разрушение. В дальнейшем я предложу план расселения здоровой части городских жителей по сельским поселкам. Мы должны использовать для этого богатейшую страну,— по ту сторону гор Лизиазеры,— покинутую населением после междоусобной войны. Предстоит огромная работа. Но цель ее велика. Разумеется, мерой разрушения города мы не спасем цивилизации, мы даже не отсрочим ее гибели, но мы дадим возможность марсианскому миру умереть спокойно и торжественно.

— Что он говорит?..— испуганными, высокими голосами закричали слушатели.

— Почему нам нужно умирать?

— Он сошел с ума!

— Долой Тускуба!

Движением бровей Тускуб заставил утихнуть амфитеатр.

— История Марса окончена. Жизнь вымирает на нашей планете. Вы знаете статистику рождаемости и смерти. Пройдет несколько столетий— и последний марсианин застывающим взглядом в последний раз проводит закат солнца. Мы бессильны остановить вымирание. Мы должны суровыми и мудрыми мерами обставить пышностью и счастьем последние дни мира. Первое и основное— мы должны уничтожить город. Цивилизация взяла от него все; теперь он разлагает цивилизацию, он должен погибнуть.

В середине амфитеатра поднялся Гор— тот широколицый молодой марсианин, которого Гусев видел в зеркале.

Голос его был глухой, лающий. Он выкинул руку по направлению Тускуба.

— Он лжет! Он хочет уничтожить город, чтобы сохранить власть. Он приговаривает нас к смерти, чтобы сохранить власть. Он понимает, что только уничтожением миллионов он еще может сохранить власть. Он знает, как ненавидят его те, кто не летает в золотых лодках, кто рождается и умирает в подземных фабричных городах, кто в праздник шатается по пыльным коридорам, зевая от безнадежности, кто с остервенением, ища забвения, дышит дымом проклятой хавры. Тускуб приготовил нам смертное ложе, пусть сам в него ляжет. Мы не хотим умирать. Мы родились, чтобы жить. Мы знаем опасность— вырождение Марса. Но у нас есть спасение. Нас спасет Земля, люди с Земли, здоровая, свежая раса, с горячей кровью. Вот кого он боится больше всего на свете.

Тускуб, ты спрятал у себя в доме двух людей, прилетевших с Земли. Ты боишься Сынов Неба. Ты силен только среди слабых и одурманенных хаврой. Когда придут сильные, с горячей кровью, ты сам станешь тенью, ночным кошмаром, ты исчезнешь, как призрак. Вот чего ты боишься больше всего на свете! Ты нарочно выдумал анархию, ты сейчас придумал это потрясающее умы разрушение города. Тебе самому нужна кровь — напиться. Тебе нужно отвлечь внимание всех, чтобы незаметно убрать этих двух смельчаков, наших спасителей. Я знаю, что ты уже отдал приказ...

Гор вдруг оборвал. Лицо его начало темнеть от напряжения. Тускуб тяжело, из-под бровей, глядел ему в глаза.

— ...Не заставишь... Не замолчу!..— Гор захрипел.— Я знаю — ты посвящен в древнюю чертовщину... Я не боюсь твоих глаз...

Гор с трудом широкой ладонью отер пот со лба. Вдохнул глубоко и зашатался. В молчании недышащего амфитеатра он опустился на скамью, уронил голову на руки. Было слышно, как скрипнули его зубы.

Тускуб поднял брови и продолжал спокойно:

— Надеяться на переселенцев с Земли? Поздно. Вливать свежую кровь в наши жилы? Поздно. Поздно и жестоко. Мы лишь продлим агонию нашей планеты. Мы лишь увеличим страдания, потому что неизбежно станем рабами завоевателей. Вместо покойного и величественного заката цивилизации мы снова вовлечем себя в томительные круги столетий. Зачем? Зачем нам, ветхой и мудрой расе, работать на завоевателей? Чтобы жадные до жизни дикари выгнали нас из дворцов и садов, заставили строить новые цирки, копать руду, чтобы снова равнина Марса огласилась криками войны? Чтобы снова наполнять наши города развратниками и сумасшедшими? Нет. Мы должны умереть спокойно на порогах своих жилищ. Пусть красные лучи Талцетла светят нам издалека. Мы не пустим к себе чужеземцев. Мы построим новые станции на полюсах и окружим планету непроницаемой броней. Мы разрушим Соацеру — гнездо анархии и безумных надежд, — здесь, здесь родился этот преступный план сношения с Землей. Мы пройдем плугом по площадям. Мы оставим лишь необходимые для жизни учреждения и предприятия. В них мы заставим работать преступников, алкоголиков, сумасшедших, всех мечтателей несбыточного. Мы закуем их в цепи. Даруем им жизнь, которой они так жаждут. Всем, кто согласен с нами, кто подчиняется нашей воле, мы отведем сельскую усадьбу и обеспечим жизнь и комфорт. Двадцать тысячелетий

каторжного труда дают нам право жить, наконец, праздно, тихо и созерцательно. Конец цивилизации будет покрыт венцом золотого века. Мы организуем общественные праздники и прекрасные развлечения. Быть может, даже срок жизни, указанный мною, продлится еще на несколько столетий, потому что мы будем жить в покое.

Амфитеатр слушал молча, замороженный. Лицо Тускуба покрылось пятнами. Он закрыл глаза, будто вглядываясь в грядущее. Замолк на полуслове...

...Глухой, многоголосый гул толпы проник снаружи под своды зала. Гор поднялся. Лицо его было перекошено. Он сорвал с себя шапочку и швырнул далеко. Протянул руки и ринулся вниз по скамьям к Тускубу. Он схватил Тускуба за горло и сбросил с парчового возвышения. Так же, протянув руки, растопырив пальцы, повернулся в амфитеатру. Будто отдирая присохший язык, закричал:

— Хорошо. Смерть! Пусть смерть! Для вас!.. Для нас — борьба...

На скамьях вскочили, зашумели, несколько фигур побегало вниз, к лежащему ничком Тускубу.

Гор прыгнул к двери. Локтем отшвырнул солдата. Полы его черного халата мелькнули у входа на площадь. Раздался его отдаленный голос. По толпе пошел будто рев ветра.

ЛОСЬ ОСТАЕТСЯ ОДИН

— Революция, Мстислав Сергеевич. Весь город вверх ногами. Потеха!

Гусев стоял в библиотеке. В обычно сонных глазах его прыгали веселые искорки, нос вздернулся, топорщились усы. Руки он глубоко засунул за ременный пояс.

— В лодку я уже все уложил: провизию, гранаты. Ружьишко ихнее достал. Собирайтесь скорее, бросайте книгу, летим.

Лось сидел, подобрав ноги, в углу дивана, невидяще глядел на Гусева. Вот уже более двух часов он ожидал обычного прихода Аэлиты, подходил к двери, прислушивался, — в комнатах Аэлиты было тихо. Он садился в угол дивана и ждал, когда зазвучат ее шаги. Он знал: легкие шаги раздадутся в нем громом небесным. Она войдет, как всегда, прекраснее, изумительнее, чем он ждал, пройдет под озаренными верхними окнами; по зеркальному полу пролетит ее черное платье. И в нем все дрогнет. Вселенная его души дрогнет и замрет, как перед грозой.

— Лихорадка, что ли, у вас, Мстислав Сергеевич? Чего уставились? Говорю, летим, все готово, я вас хочу марскомом объявить. Дело чистое.

Лось опустил голову, — так впился глазами Гусев. Спросил тихо:

— Что происходит в городе?

— Черт их разберет. На улицах народу — тучи, рев. Окна бьют.

— Слетайте, Алексей Иванович, но только нынче же ночью вернитесь. Я обещаю поддержать вас во всем, в чем хотите. Устраивайте революцию, назначайте меня комиссаром, если будет нужно — расстреляйте меня. Но сегодня, умоляю вас, оставьте меня в покое. Согласны?

— Ладно, — сказал Гусев, — эх, от них весь беспорядок, мухи их залагай, — на седьмое небо улети, и там баба. Тьфу! В полночь вернусь. Ихощка посмотрит, чтобы доносу на меня не было.

Гусев ушел. Лось опять взял книгу и думал:

«Чем кончится? Пройдет мимо гроза любви? Нет, не минует. Рад он этому чувству напряженного, смертельного ожидания, что вот-вот раскроется какой-то немислимый свет? Не радость, не печаль, не сон, не жажда, не утоление... То, что он испытывает, когда Аэлита рядом с ним, — именно принятие жизни в ледяное одиночество своего тела. Жизнь входит в него по зеркальному полу, под сияющими окнами. Но это тоже ведь сон. Пусть случится то, чего он жаждет. И жизнь возникнет в ней, в Аэлите. Она будет полна осуществлением, третьей плотью. А ему снова — томление, одиночество».

Никогда еще Лось с такой ясностью не чувствовал безнадежной жажды любви, никогда еще так не понимал этого обмана любви, страшной подмены самого себя — женщиной: проклятие мужского существа. Раскрыть объятия, распахнуть руки от звезды до звезды, — ждать, принять женщину. И она возьмет все и будет жить. А ты, любовник, отец, — как пустая тень, раскинувшая руки от звезды до звезды.

Аэлита была права: он напрасно многое узнал за это время, слишком широко раскрылось его сознание. В его теле еще текла горячая кровь, он был весь еще полон тревожными семенами жизни, — сын Земли. Но разум опередил его на тысячу лет: здесь, на иной земле, он узнал то, что еще не нужно было знать. Разум раскрылся и зазял ледяной пустыней. Что раскрыл его разум? Пустыню, и там, за пределом, новые тайны.

Заставь птицу, поющую в нежном восторге, закрыв глаза,

в горячем луче солнца, понять хоть краешек мудрости человеческой,— и птица упадет мертвая.

За окном послышался протяжный свист улетающей лодки. Затем в библиотеку просунулась голова Ихы.

— Сын Неба, идите обедать...

Лось поспешно пошел в столовую — белую круглую комнату, где эти дни обедал с Аэлитой. Здесь было жарко. В высоких вазах у колонн тяжелой духотой пахли цветы. Иха, отворачивая покрасневшие от слез глаза, сказала:

— Вы будете обедать один, Сын Неба,— и прикрыла прибор Аэлиты белыми цветами.

Лось потемнел. Мрачно сел к столу. К еде не притронулся,— только крошил хлеб и выпил несколько бокалов вина. С зеркального купола — над столом — раздалась, как обычно во время обеда, слабая музыка. Лось стиснул челюсти.

Из глубины купола лились два голоса — струнный и духовой: сходились, сплетались, пели о несбыточном. На высоких, замирающих звуках они расходились,— и уже низкие звуки взывали из могилы тоскующими голосами — звали, перекликались взволнованно и снова пели о встрече, сближались, кружились, похожие на старый, старый вальс.

Лось сидел, стиснув в кулаке узкий бокал. Иха, зайдя за колонну, приподняла платье и уткнула в него лицо,— у нее тряслись плечи. Лось бросил салфетку и встал. Томительная музыка, духота цветов, пряное вино — все это было совсем напрасно.

Он подошел к Ихе.

— Могу я видеть Аэлиту?

Не открывая лица, Иха замотала рыжими волосами. Лось взял ее за плечо.

— Что случилось? Она больна? Мне нужно ее видеть.

Иха проскользнула под локтем у Лося и убежала. На полу у колонны осталась оброненная Ихой фотографическая карточка. Мокрая от слез карточка изображала Гусева в полной боевой форме — суконный шлем, ремни на груди, одна рука на рукояти шашки, в другой — револьвер, сзади разрывающиеся гранаты,— подписано: «Прелестной Ихой на забываемую память».

Лось швырнул открытку, вышел из дому и зашагал по лугу, к роще. Он делал огромные прыжки, не замечал этого, бормотал:

— Не хочет видеть — не нужно. Попасть в иной мир,— беспримерное усилие,— чтобы сидеть в углу дивана, ждать: когда же, когда, наконец, войдет женщина... Сумасшествие!

Одержимость! Гусев прав,—лихорадка. «Нанюхался сладкого». Ждать, как светопреставления, нежного взгляда... К черту!..

Мысли жестоко укалывали. Лось вскрикивал, как от зубной боли. Не соразмеряя силы, подсакивал на сажень в воздух и, падая, едва удерживался на ногах. Белые волосы его развевались. Он люто ненавидел себя.

Он добежал до озера. Вода была, как зеркало, на черносиней ее поверхности пылали снопы солнца. Было душно. Лось обхватил голову, сел на камень.

Из прозрачной глубины озера медленно поднимались круглые пурпуровые рыбы, шевелили волокнами длинных игл, водяными глазами равнодушно глядели на Лосю.

— Вы слышите, рыбы, пучеглазые, глупые рыбы,—вполголоса сказал Лось,—я спокоен, говорю в полной памяти. Меня мучит любопытство, жжет,—взять в руки ее, когда она войдет в черном платье. Услышать, как станет биться ее сердце... Она сама, странным движением, придвинется ко мне... Я буду глядеть, как станут дикими ее глаза... Видите, рыбы,—я остановился, оборвал, не думаю, не хочу. Довольно. Ниточка разорвана,—конец. Завтра в город. Борьба—прекрасно. Смерть—прекрасно. Только—ни музыки, ни цветов, ни лукавого обольщения. Больше не хочу духоты. Волшебный шарик на ее ладони—к черту, к черту, все это обман, призрак!..

Лось поднялся, взял большой камень и швырнул его в стаю рыб. Голову ломило. Свет резал глаза. Вдали сверкала льдами, поднималась из-за рощи острым пиком горная вершина. «Необходимо хлебнуть ледяного воздуха». Лось прищурился на алмазную гору и пошел в том направлении через голубые заросли.

Деревья окончились, перед ним лежало пустынное холмистое плоскогорье,—ледяная вершина была далеко за краем. По пути под ногами валялись шлак и щебень, повсюду—отверстия брошенных шахт. Лось упрямо решил хватить зубами кусок этого вдали сияющего снега.

В стороне, в лощине, поднималось коричневое облако пыли. Горячий ветер донес шум множества голосов. С высоты холма Лось увидел бредущую по сухому руслу канала большую толпу марсиан. Они несли длинные палки с привязанными на концах ножами, кирки, молоты для дробления руды. Брели, спотыкаясь, потрясали оружием и ревели свирепо. За ними, над коричневыми облаками, плыли хищные птицы.

Лось вспомнил давешние слова Гусева о событиях. Поду-

мал: «Вот — живи, борись, побеждай, гибни... А сердце держи на цепи, неистовое, несчастное».

Толпа скрылась за горами. Лось быстро шел, взволнованный движением, борьбой, и вдруг остановился, запрокинул голову. В синей вышине плыла, снижаясь, крылатая лодка. Вот сверкнула, описала круг, все ниже, ниже, скользнула над головой и села.

В лодке поднялся кто-то закутанный в белый мех, белый, как снег. Из-за меха, из-под кожаного шлема глядели на Лося взволнованные глаза Аэлиты. Горячо забилося сердце. Он подошел к лодке. Аэлита отогнула на лице влажный от дыхания мех. Потемневшим взором Лось глядел в ее лицо. Она сказала:

— Я за тобой. Я была в городе. Нам нужно бежать. Я умираю от тоски по тебе.

Лось только стиснул пальцами борт лодки, с трудом передохнул.

Ч А Р Ы

Лось сел позади Аэлиты. Механик — краснокожий мальчик — плавным толчком поднял крылатую лодку в небо.

Холодный ветер кинулся навстречу. Белая, как снег, шубка Аэлиты была пропитана грозовой свежестью, горным холодом. Аэлита обернулась к Лосю, щеки ее горели.

— Я видела отца. Он мне велел убить тебя и твоего товарища. — Зубы ее блеснули. Она разжала кулачок. На кольце, на цепочке, висел у нее каменный флакончик. — Отец сказал: пусть они уснут спокойно, они заслужили счастливую смерть.

Серые глаза Аэлиты подернулись влагой. Но сейчас же она рассмеялась, сдернула с пальца кольцо. Лось схватил ее за руку.

— Не бросай, — он взял у нее флакончик и сунул в карман, — это твой дар, Аэлита, — темная капелька — сон, покой. Теперь и жизнь и смерть — ты. — Он наклонился к ее дыханию. — Когда настанет страшный час одиночества, я снова почувствую тебя в этой капельке.

Силясь понять, Аэлита закрыла глаза, прислонилась спиной к Лосю. Нет, все равно не понять. Шумящий ветер, горячая грудь Лося за спиной, его рука, ушедшая в белый мех на плече, — казалось, кровь их бежит одним круговоротом, в одном восторге, одним телом летят они в какое-то сияющее древнее воспоминание. Нет, все равно не понять!

Прошла минута, немного больше. Лодка поравнялась с

высотой Тускубовой усадьбы. Механик обернулся: у Аэлиты и Сына Неба были странные лица. В пустых зрачках их светились солнечные точки. Ветер мял снежную шерсть на шубке Аэлиты. Восторженные глаза ее глядели в океан небесного света.

Мальчик-механик уткнул в воротник острый нос и принялся беззвучно смеяться. Положил лодку на крыло и, разрезая воздух крутым падением, спустился у дома.

Аэлита очнулась, стала расстегивать шубку, но пальцы ее скользили по птичьим головкам на больших пуговицах. Лось поднял ее из лодки, поставил на траву и стоял перед ней согнувшись. Аэлита сказала мальчику:

— Приготовь закрытую лодку.

Она не заметила ни Ихощкиных красных глаз, ни желтого, как тыква, перекошенного страхом лица управляющего,— улыбаясь, рассеянно оборачиваясь к Лосю, она пошла впереди него в глубь дома, к себе.

В первый раз Лось увидел комнаты Аэлиты,— низкие золотые своды, стены, покрытые теньвыми изображениями, будто фигурками на китайском зонтике, почувствовал кружащий голову горьковатый теплый запах.

Аэлита сказала тихо:

— Сядь.

Лось сел. Она опустилась около его ног, положила голову ему на колени, руки на грудь и более не двигалась.

Он с нежностью глядел на ее пепельные, высоко поднятые на затылке волосы, держал руки. У нее задрожало горло. Лось нагнулся. Она сказала:

— Тебе, быть может, скучно со мной? Прости. Я еще не умею любить. Мне смутно. Я сказала Ихе: поставь побольше цветов в столовой, когда он останется один, пусть ему играет улла.

Аэлита оперлась локтями о колени Лося. Лицо ее было мечтательное.

— Ты слушал? Ты понял? Ты думал обо мне?

— Ты видишь и знаешь,— сказал Лось,— когда я не вижу тебя—схожу с ума от тревоги. Когда вижу тебя—тревога страшнее. Теперь мне кажется—тоска по тебе гнала меня через звезды.

Аэлита глубоко вздохнула. Лицо ее казалось счастливым.

— Отец дал мне яд, но я видела—он не верит мне. Он сказал: «Я убью и тебя и его». Нам недолго жить. Но ты чувствуешь—минуты раскрываются бесконечно, блаженно.

Она запнулась и глядела, как вспыхнули холодной решимостью глаза Лося,—рот его сжался упрямо.

— Хорошо,— сказал он,— я буду бороться.

Аэлита придвинулась и зашептала:

— Ты — великан из моих детских снов. У тебя прекрасное лицо. Ты сильный, Сын Неба. Ты мужественный, добрый. Твои руки — из железа, колени — из камня. Твой взгляд смертелен. От твоего взгляда женщины чувствуют тяжесть под сердцем.

Голова Аэлиты без силы легла ему на плечо. Ее бормотание стало неясным, чуть слышным. Лось отвел с лица ее волосы.

— Что с тобой?

Тогда она стремительно обвила его шею, как ребенок. Выступили большие слезы, потекли по ее худенькому лицу.

— Я не умею любить,— сказала она,— я никогда не знала этого... Пожалей меня, не гнушайся мною. Я буду рассказывать тебе интересные истории. Расскажу о страшных кометах, о битве воздушных кораблей, о гибели прекрасной страны по ту сторону гор. Тебе не будет скучно любить меня. Меня никто никогда не ласкал. Когда ты в первый раз пришел, я подумала: «Я его видела в детстве, это родной великан». Мне хотелось, чтобы ты взял меня на руки, унес отсюда. Здесь — мрачно, безнадежно, смерть, смерть. Солнце скучно греет. Льды больше не тают на полюсах. Высыхают моря. Бесконечные пустыни, медные пески покрывают Туму... Земля, Земля... милый великан, унеси меня на Землю. Я хочу видеть зеленые горы, потоки воды, облака, тучных зверей, великанов... Я не хочу умирать...

Аэлита заливалась слезами. Теперь совсем девочкой казалась она Лосю. Было смешно и нежно, когда она всплеснула руками, говоря о великанах.

Лось поцеловал ее в заплаканные глаза. Она затихла. Ротик ее припух. Снизу вверх, влюбленно, как на великана из сказки, она глядела на Сына Неба.

Вдруг в полумраке комнаты раздался тихий свист, и сейчас же вспыхнул облачным светом овал на туалетном столике. Появилась всматривающаяся внимательно голова Тускуба.

— Ты здесь?— спросил он.

Аэлита, как кошка, соскочила на ковер, подбежала к экрану.

— Я здесь, отец.

— Сыны Неба еще живы?

— Нет, отец,— я дала им яд, они убиты.

Аэлита говорила холодно, резко. Стояла спиной к Лосю, заслоняя экран.

— Что тебе еще нужно от меня, отец?

Тускуб молчал. Плечи Аэлиты стали подниматься, голова закидывалась. Свирепый голос Тускуба проревел:

— Ты лжешь! Сын Неба в городе. Он во главе восстания! Аэлита покачулась. Голова отца исчезла.

ДРЕВНЯЯ ПЕСНЯ

Аэлита, Ихошка и Лось летели в четырехкрылой лодке к горам Лизиазиры.

Не переставая работал приемник электромагнитных волн — мачта с отрезками проволоки. Аэлита склонилась над крошечным экраном, слушала, всматривалась.

Было трудно разобраться в отчаянных телефонограммах, призывах, криках, тревожных запросах, летящих, кружащихся в магнитных полях Марса. Все же, почти не переставая, бормотал стальной голос Тускуба, прорезывал весь этот хаос, владел им. В зеркальце скользили тени потревоженного мира.

Несколько раз в каше звуков слух Аэлиты улавливал странный голос, вопивший протяжно:

«...Товарищи, не слушайте шептунов... не надо нам никаких уступок... к оружию, товарищи, настал последний час... вся власть сов...сов...сов...»

Аэлита обернулась к Ихошке.

— Твой друг отважен и дерзок, он истинный Сын Неба, не бойся за него.

Ихошка, как коза, топнула ногами, замотала рыжей головой. Аэлите удалось проследить, что бегство их осталось незамеченным. Она сняла с ушей трубки. Пальцами протерла запотевшее стекло иллюминатора.

— Взгляни,— сказала она Лосю,— за нами летят ижи.

Лодка плыла на огромной высоте над Марсом. С боков лодки, в ослепительном свете, летели на перепончатых крыльях два извивающихся, покрытых бурой шерстью, облезлых животных. Круглые головы их с плоским зубастым клювом были повернуты к окошкам. Вот одно, увидев Лося, нырнуло и ляснуло пастью по стеклу. Лось откинул голову. Аэлита рассмеялась.

Миновали Азору. Внизу теперь лежали острые скалы Лизиазиры. Лодка пошла вниз, пролетела над озером Соам и опустилась на просторную площадку, висящую над пропастью.

Лось и механик завели лодку в пещеру, подняли на плечи

корзины и вслед за женщинами стали спускаться по едва приметной в скалах, истершейся от древности лестнице вниз в ущелье. Аэлита легко и быстро шла вперед. Придерживаясь за выступы скал, внимательно взглядывала на Лося. Из-под его огромных ног тели камни, отдавались в пропасти эхом.

— Здесь спускался Магацитл, неся трость с привязанной пряжей,— сказала Аэлита.— Сейчас ты увидишь места, где горели круги священных огней.

На середине пропасти лестница ушла в глубь скалы, в узкий туннель. Из темноты его тянуло влажной сыростью. Широкая по камням плечами, нагибаясь, Лось с трудом двигался между отполированными стенами. Ощупью он нашел плечо Аэлиты и сейчас же почувствовал на губах ее дыхание. Он прошептал по-русски: «Милая».

Туннель окончился полуосвященной пещерой. Повсюду поблескивали базальтовые колонны. В глубине взлетали легкие клубы пара. Журчала вода, однообразно падали капли с неразличимых в глубине сводов.

Аэлита шла впереди. Ее черный плащ и острый колпачок скользили над озером, скрывались иногда за облаками пара. Она сказала из темноты: «Осторожнее»— и появилась на узкой, крутой арке древнего моста. Лось почувствовал, как под ногами дрожит мостовой свод, но он глядел только на легкий плащ, скользящий в полумраке.

Становилось светлее. Заблестели над головой кристаллы. Пещера окончилась колоннадой из низких каменных столбов. За ними видна была залитая вечерним солнцем перспектива скалистых вершин и горных цирков Лизиазирь.

По ту сторону колоннады лежала широкая терраса, покрытая ржавым мхом. Ее края обрывались отвесно. Едва заметные лесенки и тропинки вели наверх, в пещерный город. Посреди террасы лежал до половины ушедший в почву, покрытый мхами Священный Порог. Это был большой, из массивного золота, саркофаг. Грубые изображения зверей и птиц покрывали его с четырех сторон. Наверху покоилось изображение спящего марсианина,— одна рука его подложена под голову, другая прижимала к груди уллу. Остатки рухнувшей колоннады окружали эту удивительную скульптуру.

Аэлита опустила на колени перед Порогом и поцеловала в сердце изображение спящего. Когда она поднялась, ее лицо было задумчивое и кроткое. Иха тоже присела у ног спящего, обхватила их, прижалась лицом.

С левой стороны, в скале, среди полустертых надписей виднелась треугольная золотая дверца. Лось разгреб мхи и с

трудом отворил ее. Это было древнее жилище хранителя Порога — темная пещерка с каменными скамьями, очагом и ложем, высеченным в граните. Сюда внесли корзины. Иха покрыла циновкой пол, постлала постель для Аэлиты, налила масла в висевшую под потолком светильню и зажгла ее. Мальчик-механик ушел сторожить крылатую лодку.

Аэлита и Лось сидели на краю бездны. Солнце уходило за острые вершины. Резкие длинные тени потянулись от гор, ломались в прорывах ущелий. Мрачно, бесплодно, дико было в этом краю, где некогда спасались от людей древние Аолы.

— Когда-то горы были покрыты растительностью, — сказала Аэлита, — здесь паслись стада хашей и в ущельях шумели водопады. Тума умирает. Смыкается круг долгих, долгих тысячелетий. Быть может, мы — последние: уйдем, и Тума опустеет.

Аэлита помолчала. Солнце закатилось невдалеке за драконий хребет скал. Яростная кровь заката полилась в высоту, в лиловую тьму.

— Но сердце мое говорит иное. — Аэлита поднялась и пошла вдоль обрыва, поднимая клочки сухого мха, сухие веточки. Собрав их в край плаща, она вернулась к Лосю, сложила костер, принесла из пещеры светильню и, опустившись на колени, подождала травы. Костер затрещал, разгораясь.

Тогда Аэлита вынула из-под плаща маленькую уллу, и сидя, опираясь локтями о поднятое колено, тронула струны. Они нежно, как пчелы, зазвенели. Аэлита подняла голову к проступающим во тьме ночи звездам и запела негромким, низким, печальным голосом:

Собери сухие травы, помет животных и обломки ветвей,
Сложи их прилежно,
Ударь камнем о камень, — женщина, водительница двух душ.
Высеки искру, — и запылает костер.
Сядь у огня, протяни руки к пламени.
Муж твой сидит по другую сторону пляшущих языков.
Сквозь сгрун уходящего к звездам дыма
Глаза мужчины глядят в темноту твоего чрева, в дно души.
Его глаза ярче звезд, горячей огня, смелее фосфорических глаз ча.
Знай, — потухшим углем станет солнце, укатятся
Звезды с неба, погаснет злой Талцетл над миром, —
Но ты, женщина, сидишь у огня бессмертия, протянув к нему руки,
И слушаешь голоса ждущих пробуждения к жизни,
Голоса во тьме твоего чрева.

Костер догорал. Опустив уллу на колени, Аэлита глядела на угли — они озаряли красноватым жаром ее лицо.

— По древнему обычаю, — сказала она сурово, — женщина, спевшая мужчине песню уллы, становится его женой.

ЛОСЬ ЛЕТИТ НА ПОМОЩЬ ГУСЕВУ

В полночь Лось выскочил из лодки на дворе Тускубовой усадьбы. Окна дома были темны,— значит, Гусев еще не вернулся. Покатая стена освещена звездами, голубоватые искры их поблескивали в черноте стекол. Из-за зубцов крыши торчала острым углом странная тень. Лось вглядывался,— что бы это могло быть?

Мальчик-механик наклонился к нему и шепнул опасно:
— Не ходите туда.

Лось вытащил из кобуры маузер. Втянул ноздрями холодноватый воздух. В памяти встал огонь костра над пропастью, запах горящих трав. Потемневшие, горячие глаза Аэлиты... «Вернешься?— спросила она, стоя над огнем.— Исполни долг, борись, победи, но не забывай,— все это лишь сон, все тени... Здесь, у огня,— ты жив, ты не умрешь. Не забывай, вернись...» Она подошла близко. Ее глаза у самых его глаз раскрывались в бездонную ночь, полную звездной пыли: «Вернись, вернись ко мне, Сын Неба...»

Воспоминание обожгло и погасло,— длилось всего секунду, покуда Лось расстегивал кобуру револьвера. Вглядываясь в странную тень по ту сторону дома, над крышей, Лось чувствовал, как мышцы его напрягаются, горячая кровь сотрясает сердце,— борьба, борьба.

Легко, прыжками, он побежал к дому. Прислушался, скользнул вдоль боковой стены и заглянул за угол. Близ входа в дом лежал, завалившись набок, разбитый корабль. Одно его крыло поднималось над крышей к звездам... Лось различил несколько валявшихся на траве точно мешков,— это были трупы. В доме — темнота, тишина.

«Неужели — Гусев?» Лось подбежал к убитым. «Нет, марсиане». Один лежал вниз головой на ступенях. Еще один висел среди обломков корабля. Видимо, были убиты выстрелами из дома.

Лось взбежал на лестницу. Дверь была приоткрыта. Он вошел в дом.

— Алексей Иванович,— позвал Лось.

Было тихо. Он включил освещение,— вспыхнул огнями весь дом. Подумал: «Неосторожно»,— и сейчас же забыл об этом. Проходя под арками, поскользнулся в липкую лужицу.

— Алексей Иванович! — кричал Лось.

Прислушался,— тишина. Тогда он прошел в узкое зальце с туманным зеркалом, сел в кресло, захватил ногтями подбродок. «Ждать его здесь? Лететь на помощь? Но куда? Чей

это разбитый корабль? Мертвые не похожи на солдат,— скорее всего — рабочие. Кто здесь дрался? Гусев? Люди Тускуба? Да, медлить нельзя».

Он взял цифровую доску и включил зеркало: «Площадь Дома Высшего совета инженеров». Дернул шнур, и сейчас же грохотом отшвырнуло его от зеркала: там, в красноватом сиянии фонарей, летели клубы дыма, чиркали огненные вспышки, искры. Вот влетела, раскинув руки, в зеркало чья-то фигура с залитыми кровью глазами.

Лось дернул за шнур. Отвернулся от экрана.

«Неужели он не даст знать, где искать его в этой каше?»

Лось заложил руки за спину и ходил, ходил по низкому зальцу. Вздрогнул, остановился, живо обернулся, щелкнул предохранителем маузера. Из-за двери, у самого пола, высовывалась голова — красные вихры, красное морщинистое лицо.

Лось подскочил к двери. По ту ее сторону лежал у стены в луже крови марсианин. Лось взял его на руки, понес и положил в кресло. У него был разодран живот.

Облизнув губы, марсианин проговорил едва слышно:

— Спешите, мы погибаем, Сын Неба, спаси нас... Разожми мне руку...

Лось разжал коченеющий кулачок умирающего, отодрал от ладони записочку. С трудом разобрал:

«Посылаю за вами военный корабль и семь человек рабочих,— ребята надежные. Я осаждаю Дом Высшего совета инженеров. Спускайтесь рядом на площади, где башня. Гусев».

Лось нагнулся к раненому — спросить, что здесь произошло. Но марсианин только хрипел, дергаясь в кресле.

Тогда Лось взял его голову в ладони. Марсианин перестал хрипеть. Глаза его выкатились. Ужас, блаженство осветило их: «Спаси...» Глаза подернулись пылью, оскалился рот.

Лось застегнул куртку, обмотал шею шарфом. Пошел к выходу. Но едва отворил дверь, впереди, из-за остова корабля, метнулись синеватые искорки; раздался слабый, режущий треск. Пулей сорвало шлем с головы Лося.

Стиснув зубы, Лось кинулся вниз по лестнице, подскочил к кораблю, навалился плечом, — мускулы хрустнули, и он опрокинул остов корабля на тех, кто таился позади него в засаде.

Раздался треск ломающегося металла, птичьи крики марсиан; огромное крыло мотнулось по воздуху и пришлепнуло уползавших из-под обломков. Пригибающиеся фигуры побежали зигзагами по туманной лужайке. Лось одним прыжком догнал их, выстрелил. Грохот маузера был ужасен. Ближай-

ший марсианин ткнулся в траву. Другой бросил ружье, присел, закрыл лицо руками.

Лось взял его за воротник серебристой куртки и поднял, как щенка. Это был солдат. Лось спросил:

— Ты послан Тускубом?

— Да, Сын Неба.

— Я тебя убью.

— Хорошо, Сын Неба.

— На чем вы прилетели? Где корабль?

Вися перед страшным лицом Сына Неба, марсианин расширенными от ужаса глазами указал на деревья: в тени их стояла небольшая военная лодка.

— Ты видел в городе Сына Неба? Ты можешь его найти?

— Да.

— Вези.

Лось вскочил в военную лодку. Марсианин сел к рулям. Взвыли винты. Ночной ветер кинулся навстречу. Закачались в черной высоте огромные, дикие звезды.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУСЕВА ЗА ИСТЕКШИЙ ДЕНЬ

В десять часов утра Гусев вылетел из Тускубовой усадьбы в Соацеру, имея на борту лодки авиационную карту, оружие, довольствие и шесть штук ручных гранат,— их он, тайно от Лося, захватил еще в Петрограде.

В полдень Гусев увидал внизу Соацеру. Центральные улицы были пустынные. У Дома Совета инженеров, на огромной звездообразной площади, стояли военные корабли и войска — тремя concentрическими полукругами.

Гусев стал снижаться. И вот — его, очевидно, заметили. С площади снялся шестикрылый сверкающий корабль, — гребущая в лучах солнца, взвился отвесно. Вдоль бортов его стояли серебристые фигурки. Гусев описал над кораблем круг. Осторожно вытащил из мешка гранату.

На корабле завертелись цветные колеса, зашевелились проволочные волосы на мачте.

Гусев перегнулся из лодки и погрозил кулаком. На корабле раздался слабый крик. Серебристые фигурки подняли коротенькие ружья. Вылетели желтенькие дымки. Запели пули. Отлетел кусок борта у лодки.

Гусев выругался веселым матом. Поднял рули. Кинулся вниз на корабль. Пролетая вихрем над ним, бросил гранату.

Он услышал, как позади громыхнул оглушительный взрыв. Выправил рули и обернулся. Корабль неряшливо перевертывался в воздухе, дымя и разваливаясь, и рухнул на крыши.

С этого тогда все началось.

Пролетая над городом, Гусев узнавал виденные им в зеркале площади, правительственные здания, арсенал, рабочие кварталы. У длинной фабричной стены волновалась, точно потревоженный муравейник, многотысячная толпа марсиан. Гусев снизился. Толпа шарахнулась в стороны. Он сел на очищенное место, скаля зубы.

Его узнали. Поднялись тысячи рук, заревели глотки: «Магацитл, Магацитл!» Толпа робко стала придвигаться. Он видел дрожащие лица, умоляющие глаза, красные, как редиска, облезлые черепа. Это все были рабочие, чернь, беднота.

Гусев вылез из лодки, вскинул на плечо мешок, широко провел рукой по воздуху.

— С приветом, товарищи!— Стало тихо, как во сне. Гусев казался великаном среди щуплого народца.— Разговаривать здесь собрались, товарищи, или воевать? Если разговаривать, мне некогда, прощайте.

По толпе пролетел тяжкий вздох. Отчаянными голосами крикнули несколько марсиан, и толпа подхватила их крики:

— Спаси, спаси, спаси нас, Сын Неба!

— Значит, воевать хотите?— сказал Гусев и рывкнул хриплой глоткой:— Бой начался. Сейчас на меня напал военный корабль. Я сбил его к чертям. К оружию, за мной!— Он схватил воздух, точно уздечку.

Сквозь толпу протискался Гор (Гусев его сразу узнал). Гор был серый от волнения, губы прыгали. Вцепился пальцами в грудь Гусеву.

— Что вы говорите? Куда вы нас зовете? Нас уничтожат. У нас нет оружия. Нужны иные средства борьбы...

Гусев отодрал от себя его руки.

— Главное оружие— решиться. Кто решился, у того и власть. Не для того я с Земли летел, чтобы здесь разговаривать... Для того я с Земли летел, чтобы научить вас решиться. Мхом обросли, товарищи марсиане. Кому умирать не страшно,— за мной. Где у вас арсенал? За оружием! Все за мной, в арсенал!..

— Ай-яй!— завизжали марсиане.

Началась давка. Гор отчаянно протянул руки к толпе.

Так началось восстание. Вождь нашелся. Головы пошли кругом. Невозможное показалось возможным. Гор, медленно и научно подготавливавший восстание и даже после вчерашнего

медливший и не решавшийся, вдруг точно проснулся. Он произнес двенадцать бешеных речей, переданных в рабочие кварталы туманными зеркалами. Сорок тысяч марсиан стали подтягиваться к арсеналу. Гусев разбил наступавших на небольшие кучки, и они перебежали под прикрытием домов, памятников, деревьев. Он распорядился поставить у всех контрольных экранов, по которым правительство следило за движением в городе, женщин и детей и велел им вяло ругать Тускуба. Эта азиатская хитрость усыпила на некоторое время бдительность правительства.

Гусев боялся воздушной атаки военных кораблей. Чтобы хоть ненадолго отвлечь внимание, он послал пять тысяч безоружных марсиан в центр города — кричать, просить теплой одежды, хлеба, хавры. Он сказал им:

— Никто из вас живым оттуда не вернется. Это вы помните. Идите.

Пять тысяч марсиан одной глоткой закричали: «Ай-яй!» — развернули огромные зонтики с надписями и пошли умирать, запели унылым воем старую запретную песню:

Под стеклянными крышами,
Под железными арками,
В каменном горшке
Дымится хавра.
Нам весело, весело.
Дайте-ка нам в руки каменный горшок!
Ай-яй! Мы не вернемся
В шахты, в каменоломни,
Мы не вернемся
В страшные, мертвые коридоры,
К машинам, к машинам.
Жить мы хотим. Ай-яй! Жить!
Дайте-ка нам в руки каменный горшок!

Крутя огромные зонтики, завывая, они скрылись в узких улицах.

Арсенал, низкое квадратное здание, в старой части города, охранялся небольшой воинской частью. Солдаты стояли полукругом на площади перед окованными бронзой воротами, прикрывая две странные машины из проволочных спиралей, дисков и шаров (такую штуку Гусев видел в заброшенном доме). По множеству кривых переулочков наступающие подошли и обложили арсенал: стены его были отвесны и прочны.

Выглядывая из-за углов, перебегая за деревьями, Гусев осмотрел позицию, — ясно: арсенал надо было брать в лоб, в ворота. Гусев велел выворотить в одном из подъездов бронзовую дверь и обмотать ее веревками. Наступающим приказал кидаться лавой, визжать — ай-яй! — как можно страшнее.

Солдаты, охранявшие ворота, спокойно поглядывали на суету в переулочках, лишь машины были выдвинуты вперед, и по спиралям их трещал лиловый свет. Указывая на них, марсиане жмурились и тихо свистали: «Бойся их, Сын Неба».

Времени терять нельзя было.

Гусев расставил ноги, взялся за веревки и поднял бронзовую дверь,— была тяжела, но ничего, нести можно. Так он прошел под прикрытием доменной стены до края площади, оттуда — рукой подать до ворот. Шепотом приказал своим: «Готовься». Вытер рукавом лоб, подумал: «Эх, рассердиться бы сейчас». Поднял дверь, прикрылся ею.

— Даешь арсенал!.. Даешь, тудыть твою в душу, арсенал!— заорал он не своим голосом и тяжело побежал по площади к солдатам.

Булькнуло несколько выстрелов, режущими разрывами ударило в дверь. Гусев зашатался. Рассердился всерьез и побежал шибче, ругаясь скверными словами. А вокруг уже завывали, завизжали марсиане, посыпались изо всех углов, подъездов, из-за деревьев. В воздухе разорвался громовой шар. Но хлынувшие потоки наступающих смяли солдат и страшные машины.

Гусев, ругаясь, добежал до ворот и ударил в замок углом бронзовой двери. Ворота затрещали и распались. Гусев вбежал на квадратный двор, где рядами стояли крылатые корабли.

Арсенал был взят. Сорок тысяч марсиан получили оружие. Гусев соединился по зеркальному телефону с Домом Совета инженеров и потребовал выдачи Тускуба.

В ответ на это правительство послало воздушную эскадрилью атаковать арсенал... Гусев вылетел ей навстречу со всем флотом. Корабли правительства бежали. Их догнали, окружили и уничтожили над развалинами древней Соацеры. Корабли падали с неба к ногам гигантской статуи Магацитла, улыбающегося с закрытыми глазами. Свет заката мерцал на его чешуйчатом шлеме.

Небо было во власти восставших. Правительство стягивало полицейские войска к Дому Совета. На крыше его были поставлены машины, посылающие огненные ядра — круглые молнии. Часть повстанческого флота была ими сбита с неба. К ночи Гусев осадил площадь Дома Высшего совета и стал строить баррикады в улицах, разбегающихся звездой от площади. «Научу я вас революции устраивать, черти кирпичные», — говорил Гусев, показывая, как нужно выворачивать

плиты из мостовой, валить деревья, срывать двери, набивать рубашки песком.

Насупротив Дома Высшего совета поставили две захваченные в арсенале машины и стали бить из них огненными ядрами по войскам. Но правительство закутало площадь электромагнитным полем.

Тогда Гусев произнес последнюю за этот день речь, очень короткую, но выразительную, влез на баррикаду и швырнул одну за другой три ручных гранаты. Сила их взрыва была ужасна: метнулись три снопа пламени, полетели в воздух камни, солдаты, куски машин, площадь закуталась пылью и едким дымом. Марсиане завывли и пошли на приступ. (Это была именно та минута, когда Лось взглянул в туманное зеркало в Тускубовой усадьбе.)

Правительство сняло магнитное поле, и с обеих сторон запрыгали над площадью, над дерущимися, затанцевали огненные мячики, лопааясь ручьями синеватого пламени. От грохота дрожали мрачные пирамидальные дома.

Бой продолжался недолго. По площади, покрытой трупам, Гусев ворвался, во главе отборного отряда, в Дом Высшего совета. Дом был пуст. Тускуб и все инженеры бежали.

ПОВОРОТ СОБЫТИЙ

Войска повстанцев заняли все важнейшие пункты города, указанные Гором. Ночь была прохладная. Марсиане мерзли на постах. Гусев распорядился зажечь костры. Это показалось неслыханным — вот уже тысячу лет в городе не зажигали огня, — о пляшущем пламени пелось лишь в древней песне.

Перед Домом Высшего совета Гусев сам зажег первый костер из обломков мебели. «Улла, улла», — тихими голосами завывли марсиане, окружив огонь. И вот костры запылали на всех площадях. Красноватый свет оживил колеблющимися тенями покатые стены домов, мерцал в стеклах.

За окнами появились голубоватые лица, — тревожно, в тоске, всматривались они в невиданные огни, в мрачные, оборванные фигуры повстанцев. Многие из домов опустели этой ночью.

Было тихо в городе. Только потрескивали костры, звенело оружие, словно возвратились на пути свои тысячелетия, снова начался томительный их полет. Даже мохнатые звезды над улицами, над кострами казались иными, — невольно сидящий у костра поднимал голову и всматривался в забытый, словно

оживший, рисунок. Гусев облетал на крылатом седле расположение войск. Он падал из звездной темноты на площадь и ходил по ней, бросая гигантскую тень. Он казался истинным Сыном Неба, истуканом, сошедшим с каменного цоколя. «Магацитл, Магацитл»,— в суеверном ужасе шептали марсиане. Многие впервые видели его и подползали, чтобы коснуться. Иные плакали детскими голосами: «Теперь мы не умрем... Мы станем счастливыми... Сын Неба принес нам жизнь».

Худые тела, прикрытые пыльной, однообразной для всех одеждой, морщинистые, востроносенькие, дряблые лица, печальные глаза, веками приученные к мельканию колес, к сумраку шахт, тощие руки, неумелые в движениях радости и смелости,— руки, лица, глаза с искрами костров — тянулись к Сыну Неба.

— Не робей, не робей, ребята. Гляди веселей,— говорил им Гусев,— нет такого закону, чтобы страдать безвинно до скончания века,— не робей. Одолеем — заживем неплохо.

Поздно ночью Гусев вернулся в Дом Совета,— продрог и был голоден. В сводчатом зальце, под низкими, золотыми арками, спали на полу десятка два марсиан, увешанных оружием. Зеркальный пол был заплыван жеваной хаврой. Посреди зальца на патронных жестянках сидел Гор и писал при свете электрического фонарика. На столе валялись открытые консервы, фляжки, корки хлеба.

Гусев присел на угол стола и стал жадно есть. Вытер руки о штаны, хлебнул из фляжки, крикнул, сказал хрипло:

— Где противник? Вот что мне надо...

Гор поднял на него покрасневшие глаза, оглядел окровавленную тряпку, обмотанную вокруг головы Гусева, его крепко сжующее, скуластое лицо,— усы торчком, раздутые ноздри.

— Не могу добиться, куда, к дьяволу, девались правительственные войска,— продолжал Гусев,— валяется на площади ихних сотни три, а войск было не меньше пятнадцати тысяч. Провалились. Попрятаться не могли,— не иголка. Если бы провалились, я бы знал. Скверное положение. Каждую минуту неприятель может в тылу оказаться.

— Тускуб, правительство, остатки войск и часть населения ушли в лабиринты царицы Магр под город,— сказал Гор. Гусев соскочил со стула.

— Почему же вы молчите?

— Преследовать Тускуба бесполезно. Съядте и ешьте, Сын Неба.— Гор, морщась, достал из-под одежды красноватую, как перец, пачку сухой хавры, засунул ее за щеку и

медленно жевал. Глаза его покрылись влагой, потемнели, морщины разошлись.— Несколько тысячелетий тому назад мы не строили больших домов, мы не могли их отапливать,— электричество было нам неизвестно. В зимние стужи население уходило под поверхность Марса, на большую глубину. Огромные залы, приспособленные из прорытых водою пещер, колоннады, туннели, коридоры согревались внутренним жаром планеты. В жерлах вулканов жар был настолько велик, что мы воспользовались им для добывания пара. До сих пор на некоторых островах еще работают неуклюжие паровые машины тех времен. Туннели, соединяющие подпочвенные города, тянутся почти под всей планетой. Искать Тускуба в этом лабиринте бессмысленно. Он один знает планы и тайники лабиринта царицы Магр — повелительницы двух миров, владелицы некогда всем Марсом. Из-под Соацеры сеть туннелей ведет к пятистам живым городам и к более тысячи мертвым, гымершим. Там повсюду склады оружия, гавани воздушных кораблей. Наши силы разбросаны, мы плохо вооружены. У Тускуба — армия, на его стороне — владельцы сельских поместий, плантаторы хавры и все те, кто тридцать лет тому назад, после опустошительной войны, стали собственниками городских домов. Тускуб умен и вероломен. Он нарочно вызвал все эти события, чтобы навсегда раздавить остатки сопротивления... Ах, золотой век... Золотой век!..

Гор замогол одурманенной головой. На щеках его выступили лиловые пятна. Хавра начинала действовать на него.

— Тускуб мечтает о золотом веке: открыть последнюю эпоху Марса — золотой век. Только избранные войдут в него, только достойные блаженства. Равенство недостижимо, равенства нет. Всеобщее счастье — бред сумасшедших, опьяненных хаврой. Тускуб сказал: жажда равенства и всеобщая справедливость разрушают высшие достижения цивилизации.— На губах у Гора показалась красноватая пена.— Иди назад, к неравенству, к несправедливости! Пусть на нас кинутся, как ихи, минувшие века. Заковать рабов, приковать к машинам, к станкам, спустить в шахты... Пусть — полнота скорби. И у блаженных — полнота счастья... Вот золотой век. Скрежет зубов и мрак. Будь прокляты отец мой и мать! Родиться на свет! Будь я проклят!

Гусев глядел на него, шибко жевал папироску:

— Ну, я вам скажу,— вы дожили здесь!..

Гор долго молчал, согнувшись на патронных жестянках, как древний-древний старик.

— Да, Сын Неба. Мы, населяющие древнюю Туму, не разрешили загадки. Сегодня я видел вас в бою. В вас огнем пляшет веселье. Вы мечтательны, страстны и беспечны. Вам, сынам Земли, когда-нибудь разгадать загадку. Но не нам, мы — стары. В нас пепел. Мы упустили свой час.

Гусев подтянул кушак.

— Ну, хорошо. Пепел! Завтра предполагаете — что делать?

— Наутро нужно отыскать по зеркальному телефону Тускуба и войти с ним в переговоры о взаимных уступках...

— Вы, товарищ, целый час чепуху несете, — перебил Гусев, — вот вам диспозиция на завтра: вы объявите Марсу, что власть перешла к рабочим. Требуйте безусловного подчинения. А я подберу молодцов и со всем флотом двину прямо на полюсы, захвачу электромагнитные станции. Немедленно начну телеграфировать Земле, в Москву, чтобы слали нам подкрепление как можно скорее. В полгода они аппараты построят, а лететь всего...

Гусев пошатнулся и тяжело сел на стол, весь дом дрожал. Из темноты сводов посыпались лепные украшения. Спавшие на полу марсиане вскочили, озирались. Новая, еще более сильная дрожь потрясла дом. Зазвенели разбитые стекла. Распахнулись двери. Низкий, усиливающийся раскатами грохот наполнил залу. Раздались крики на площади, выстрелы.

Марсиане, кинувшиеся к дверям, попятнулись, раздались. Вошел Сын Неба — Лось. Трудно было узнать его лицо: огромные глаза ввалились и были темны, странный свет шел из его глаз. Марсиане пятились от него, садились на корточки. Белые волосы его стояли дыбом.

— Город окружен, — сказал Лось громко и твердо, — небо полно огнями кораблей. Тускуб взрывает рабочие кварталы.

К О Н Т Р А Т А К А

Лось и Гор выходили в эту минуту на лестницу дома, под колоннаду, когда раздался второй взрыв. Синеватым веером взлетело пламя в северной стороне города. Отчетливо стали видны вздымающиеся клубы дыма и пепла. Вслед грохоту пронесся вихрь. Багровое зарево ползло на полнеба.

Теперь ни одного крика не раздавалось на звездообразной площади, полной войск. Марсиане молча глядели на зарево. Рассыпались в прах их жилища, их семьи. Улетали надежды клубами черного дыма.

Гусев после короткого совещания с Лосем и Гором распо-

рядился приготовить воздушный флот к бою. Все корабли были в арсенале. Лишь пять этих огромных стрекоз лежали на площади. Гусев послал их в разведку. Корабли взвились — блеснули огнем их крылья.

Из арсенала ответили, что приказание получено и посадка войск на корабли началась. Прошло неопределенно много времени. Дымовое зарево разгоралось. Было злое и тихо в городе. Гусев поминутно посылал марсиан к зеркальному телефону торопить посадку. Сам он огромной тенью метался по площади, хрипло кричал, строя беспорядочные скопления войск в колонны. Подходя к лестнице, очерчивался, — усы вставали дыбом.

— Да скажите вы им в арсенале (следовало непонятное Гору выражение), — живее, живее...

Гор ушел к телефону. Наконец была получена телефонограмма, что посадка окончена, корабли снимаются. Действительно, невысоко над городом, в густом зареве, появились парящие стрекозы. Гусев, расставив ноги, задрав голову, с удовольствием глядел на эти журавлиные линии. В это время раздался третий, наиболее сильный взрыв.

Мечи синеватого пламени пронизали путь кораблям, — они взлетели, закружились и исчезли. На месте их поднялись снопы праха, клубы дыма.

Между колонн появился Гор. Голова его ушла в плечи. Лицо дрожало, рот растянулся. Когда утих грохот взрыва, Гор сказал:

— Взорван арсенал. Флот погиб.

Гусев сухо крикнул, — стал грызть усы. Лось стоял, прижавшись затылком к колонне, глядел на зарево. Гор поднялся на цыпочках к его остекленевшим глазам.

— Нехорошо будет тем, кто останется сегодня в живых.

Лось не ответил. Гусев упрямо мотнул головой и пошел на площадь. Раздалась его команда. И вот, колонна за колонной, пошли марсиане в глубину улиц, на баррикады.

Крылатая тень Гусева пролетела в седле над площадью, крича сверху:

— Живей, живей, поворачивайся, черти дохлые!

Площадь опустела. Огромный сектор пожарища освещал теперь приближающиеся с противоположной стороны линии стрекоз: они взлетали, волна за волной, из-за горизонта и плыли над городом. Это были корабли Тускуба.

Гор сказал:

— Бегите, Сын Неба, вы еще можете спастись.

Лось только пожал плечом. Корабли приближались, снижались. Навстречу им из темноты улиц взвился огненный шар, второй, третий. Это стреляли круглыми молниями машины повстанцев. Вереницы крылатых галер описывали круг над площадью и, разделяясь, плыли над улицами, над крышами. Непереставаемые вспышки выстрелов озаряли их борта. Одна галера перевернулась и, падая, застряла изломанными крыльями между крыш. Иные садились на углах площади, высаживали солдат в серебристых куртках. Солдаты бежали в улицы. Началась стрельба из окон, из-за углов. Летели камни. Кораблей налетало все больше, не переставая скользили багровые тени по площади.

Лось увидел, — недалеко, на уступчатой террасе дома, поднялась плечистая фигура Гусева. Пять-шесть кораблей сейчас же повернули в его сторону. Он поднял над головой огромный камень и швырнул его в ближайшую из галер. Сейчас же сверкающие крылья закрыли его со всех сторон.

Тогда Лось побежал туда через площадь, — почти летел, как во сне. Над ним, сердито ревя винтами, треща, озаряясь вспышками, закружились корабли. Он стиснул зубы, глаза зорко отмечали каждую мелочь.

Несколькими прыжками Лось миновал площадь и снова увидел на террасе углового дома Гусева. Он был облеплен лезущими на него со всех сторон марсианами, — ворочался, как медведь, под этой живой кучей, расшвыривал ее, молотил кулаками. Оторвал одного от горла, швырнул в воздух и пошел по террасе, волоча их за собою. Упал.

Лось вскрикнул громким голосом. Цепляясь за выступы домов, взобрался на террасу. Снова из кучи визжавших тел появилась, с выпученными глазами, с разбитым ртом, голова Гусева. Несколько солдат вцепились в Лосю. С омерзением он отшвырнул их, кинулся к ворочающейся куче и стал раскидывать солдат, — они летели через балюстраду, как щепки. Терраса опустела. Гусев силился подняться, голова его моталась. Лось взял его на руки, вскочил в раскрытую дверь и положил Гусева на ковер в низенькой комнате, освещенной заревом.

Гусев хрипел. Лось вернулся к двери. Мимо террасы проплывали корабли, проплывали всматривающиеся востроносые лица. Надо было ожидать нападения.

— Мстислав Сергеевич, — позвал Гусев. Он теперь сидел, трогая голову, и плюнул кровью. — Всех наших побили... Мстислав Сергеевич, что же это такое? Как налетели, налетели, начали косить... Кто убитый, кто попрятался. Один я остал-

ся... Ах, жалость!— Он поднялся, ткнулся по комнате, шатаясь, остановился перед бронзовой статуей, видимо, какого-то знаменитого марсианина.— Ну погоди!— Схватил статую и кинулся к двери.

— Алексей Иванович, зачем?

— Не могу. Пусти.

Он появился на террасе. Из-за крыльев мимо проплывающего корабля блеснули выстрелы. Затем раздался удар, треск.

— Ага!— закричал Гусев.

Лось втащил его в комнату и захлопнул дверь.

— Алексей Иванович, поймите — мы разбиты, все кончено... Нужно спасти **Аэлигу**.

— Да что вы ко мне с бабой вашей лезете...

Он быстро присел, схватился за лицо, засопел, топнул ногой и — точно доску внутри него стали разрывать:

— Ну, и пусть кожу с меня дерут. Неправильно все на свете. Неправильная эта планета, будь она проклята! «Спаси, говорят, спаси нас...» Цепляются... «Нам, говорят, хоть бы как-нибудь да пожить...» Пожить!.. Что я могу?.. Вот кровь свою пролил. Задавили. Мстислав Сергеевич, ну, ведь сукин же я сын, — не могу я этого видеть... Зубами мучителей разорву...

Он опять засопел и пошел к двери. Лось взял его за плечи, встряхнул, твердо взглянул в глаза.

— То, что произошло, — кошмар и бред. Идем. Может быть, мы пробьемся. Домой, на Землю.

Гусев мазнул кровь и грязь по лицу.

— Идем.

Они вышли из комнаты на кольцеобразную площадку, висящую над широким колодцем. Винтовая лестница спиралью уходила вниз по внутреннему его краю. Тусклый свет зарева проникал сквозь стеклянную крышу в эту головокружительную глубину.

Лось и Гусев стали спускаться по узкой лестнице, — там внизу было тихо. Но наверху все сильнее трещали выстрелы, скрипели, задевая о крышу, днища кораблей. Видимо, началась атака на последнее прибежище Сынов Неба.

Лось и Гусев бежали по бесконечным спиральям. Свет тускнел. И вот они различили внизу маленькую фигурку. Она едва ползла навстречу. Остановилась, слабо крикнула:

— Они сейчас ворвутся. Спешите. Внизу — ход в лабиринт.

Это был Гор, раненный в голову. Облизывая губы, он сказал:

— Идите большими туннелями. Следите за знаками на стенах. Прощайте. Если вернетесь на Землю, расскажите о

нас. Быть может, вы на Земле будете счастливы. А нам — ледяные пустыни, смерть, тоска... Ах, мы упустили час... Нужно было свирепо и властно, властно любить жизнь...

Внизу послышался шум. Гусев побежал вниз. Лось хотел было увлечь за собой Гора, но марсианин стиснул зубы, вцепился в перила.

— Идите. Я хочу умереть.

Лось догнал Гусева. Они миновали последнюю кольцеобразную площадку. От нее лесенка круто спускалась на дно колодца. Здесь они увидели большую каменную плиту с ввернутым кольцом, — с трудом приподняли ее: из темного отверстия подул сухой ветер.

Гусев соскользнул вниз первым. Лось, задвигая за собою плиту, увидел, как на кольцеобразной площадке появились едва различимые в красном сумраке фигуры солдат.

Они побежали по винтовой лестнице. Гор протянул им руки навстречу и упал под ударами.

ЛАБИРИНТ ЦАРИЦЫ МАГР

Лось и Гусев осторожно двигались в затхлой и душной темноте.

— Заворачиваем, Мстислав Сергеевич...

— Узко?

— Широко, руки не достают.

— Опять какие-то колонны. Стой! Где же мы...

...Не менее трех часов прошло с тех пор, как они спустились в лабиринт. Спички были израсходованы. Фонарик Гусев обронил еще во время драки. Они двигались в непроницаемой тьме.

Туннели бесконечно разветвлялись, скрещивались, уходили в глубину. Слышался иногда четкий, однообразный шум падающих капель. Расширенные глаза различали неясные, сероватые очертания, но эти зыбкие пятна были лишь галлюцинациями темноты.

— Стой.

— Что?

— Дна нет.

Они стали прислушиваться. В лицо им тянул сладкий, сухой ветерок. Издалека, словно из глубины, доносились какие-то вздохи — вдыхание и выдыхание. С неясной тревогой они чувствовали, что перед ними пустая глубина. Гусев пошарил под ногами камень и бросил его в темноту. Спустя немного секунд донесся слабый звук падения.

- Провал.
- А что это дышит?
- Не знаю.

Они повернули и встретили стену. Шарили направо, налево,—ладони скользили по обсыпающимся трещинам, по выступам сводов. Край невидимой пропасти был совсем близко от стены,—то справа, то слева, то опять справа. Они поняли, что закружились и не найти прохода, по которому вошли на этот узкий карниз.

Они прислонились рядом, плечо к плечу, к шершавой стене. Стояли, слушая усыпительные вздохи из глубины.

- Конец, Алексей Иванович?
- Да, Мстислав Сергеевич, видимо — конец.

После молчания Лось спросил странным голосом, негромко:

— Сейчас — ничего не видите?

- Нет.
- Налево, далеко.
- Нет, нет.

Лось прошептал что-то про себя, переступил с ноги на ногу.

— Свирепо и властно любить жизнь... Только так...

— Вы про кого?

— Про них. Да и про нас.

Гусев тоже переступил, вздохнул.

— Вот она, слышите, дышит.

— Кто,— смерть?

— Черт ее знает кто?— Гусев заговорил, словно в раздумье.— Я об ней долго думал, Мстислав Сергеевич. Лежишь в поле с винтовкой, дождик, темно. О чем ни думай — все к смерти вернешься. И видишь себя,— валяешься ты оскаленный, оконеченый, как обозная лошадь, сбоку дороги. Не знаю я, что будет после смерти,— этого не знаю. Но мне здесь, пока я живой, нужно знать: пададь лошадиная или я человек? Или это все равно? Когда буду умирать, глаза закачу, зубы стисну, судорогой сломает,— кончился... в эту минуту — весь свет, все, что я моими глазами видел,— перевернется или не перевернется? Вот что страшно, валяюсь я мертвый, оскаленный,— это я-то, ведь я себя с трех лет помню... а все на свете продолжает идти своим порядком? Это непонятно. С девятьсот сорока четырех до сорока пяти тысяч человек убиваем, и мы привыкли — что такое человек?— приложился в него из винтовки, вот тебе и человек. Нет, Мстислав Сергеевич, это не так просто. Я ночью, раз, на возу лежал, раненый, кверху носом,— поглядываю на звезды. Тоска, тошно. Вошь, думаю, да я,— не все ли равно.

Вше пить, есть хочется, и мне. Вше умирать трудно, и мне. Один конец. В это время гляжу — звезды высыпали, как про-со,— осень была, август. Как задрожит у меня селезенка. Показалось мне, Мстислав Сергеевич, будто все звезды — внутри меня. Нет, я — не вошь. Нет. Как зальюсь я слезами. Что это такое? Человек — не вошь. Расколоть мой череп — ужасное дело, великое покушение. А то — ядовитые газы выдумали. Жить я хочу, Мстислав Сергеевич. Не могу я в этой темноте проклятой... Что мы стоим, в самом деле...

— Она здесь,— сказал Лось тем же странным голосом.

В это время издалека, по бесчисленным туннелям, пошел грохот. Задрожал карниз под ногами, дрогнула стена. Посыпались в тьму камни. Волны грохота прокатились и, уходя, затихли. Это был седьмой взрыв. Тускуб сдержал свое слово. По отдаленности взрыва можно было определить, что Соацера осталась далеко на западе.

Некоторое время шуршали падающие камешки. Стало тихо, еще тише. Гусев первый заметил, что прекратились вздохи в глубине. Теперь отсюда шли странные звуки — шорох, шипение, казалось — там закипала какая-то мягкая жидкость. Гусев теперь точно обезумел — раскинул руки по стене и побежал, вскрикивая, ругаясь, отшвыривая камни.

— Карниз кругом идет. Слышите? Должен быть выход. Черт, голову расшиб! — Некоторое время он двигался молча, затем проговорил взволнованно откуда-то впереди Лося, продолжавшего неподвижно стоять у стены: — Мстислав Сергеевич... Ручка... Рубильник. Ей-ей, рубильник...

Раздался визжащий, ржавый скрип. Пыльный свет вспыхнул под низким кирпичным куполом. Ребра плоских его сводов опирались на узкое кольцо карниза, висящего над круглой, метров десять в поперечнике шахтой.

Гусев все еще держался за рукоятку рубильника. По ту сторону шахты, под аркой купола, привалился к стене Лось. Он ладонью закрыл глаза от режущего света. Затем Гусев увидел, как Лось отнял руку и взглянул вниз, в шахту. Он низко нагнулся, вглядываясь. Рука его затрепетала, точно пальцы что-то стали встряхивать. Он поднял голову, белые его волосы стояли сиянием, глаза расширились, как от смертельного ужаса.

Гусев крикнул ему:

— Чего вы смотрите? — и только тогда взглянул в глубь кирпичной шахты. Там колебалась, перекатывалась коричнево-бурая шкура. От нее шло это шипенье, усиливающийся зловеющий шорох. Шкура поднималась, вспучивалась. Вся она

была покрыта большими, будто лошадиными, обращенными к свету глазами, мохнатыми лапами...

— Смерть! — закричал Лось.

Это было огромное скопление пауков. Они, видимо, плодились в теплой глубине шахты, взрыв потревожил их, и они начали подниматься, вспучиваясь всей массой. Они издавали шипенье и шерстяной шорсх... Вот один из пауков на задранных углами лапах побежал по карнизу.

Вход на карниз был неподалеку от Лося. Гусев закричал:

— Беги! — и сильным прыжком перелетел через шахту, царапнув черепом по купольному своду, — упал на корточки около Лося, схватил его за руку и потащил в проход, в туннель. Побежали что было силы.

Редко один от другого горели под сводами туннеля пыльные фонари. Густая пыль лежала на полу, на обломках колонн и статуй, на порогах узких дверей, ведущих в иные переходы. Гусев и Лось долго шли по этому коридору. Он окончился залой с плоскими сводами, с низкими колоннами. Посреди стояла разрушенная статуя женщины с жирным свирепым лицом. В глубине чернели отверстия жилищ. Здесь тоже лежала пыль, — на статуе царицы Магр, на обломках утвари.

Лось остановился, глаза его были остекленевшие, расширенные.

— Их там миллионы, — сказал он, оглянувшись, — они ждут, их час придет, они овладеют жизнью, населят Марс...

Гусев увлек его в наиболее широкий, выходящий из залы туннель. Фонари горели редко и тускло. Шли долго. Миновали круглый мост, переброшенный через широкую щель, на дне ее лежали суставы гигантских машин. Далее — опять потянулись пыльные, серые стены. Уныние легло на душу. Подкашивались ноги от усталости. Лось несколько раз повторил тихим голосом:

— Пустите меня, я лягу.

Сердце его переставало биться. Ужасная тоска овладевала им, — он брел, спотыкаясь, по следам Гусева, по пыли. Капли холодного пота текли по лицу. Лось заглянул туда, откуда не может быть возврата. И все же более мощная сила отвела его от той черты, и он тащился полуживой в пустынных бесконечных коридорах.

Туннель круто завернул. Гусев вскрикнул. В полукруглой раме входа открывалось их глазам кубово-синее, ослепительное небо и сияющая льдами и снегами вершина горы, — столь памятная Лося. Они вышли из лабиринта близ Тускубовой усадьбы.

— Сын Неба, Сын Неба,— позвал тоненький голос.

Гусев и Лось подошли к усадьбе со стороны рощи. Из лазурных зарослей выснулось востроносое личико. Это был механик Аэлиты, мальчик в серой шубке. Он всплеснул руками и стал приплясывать, личико у него морщилось, как у тапира. Раздвинув ветви, он показал спрятанную среди развалин цирка крылатую лодку.

Он рассказал: ночь прошла спокойно, перед рассветом раздался отдаленный грохот, и появилось зарево. Он подумал, что Сыны Неба погибли, вскочил в лодку и полетел в убежище Аэлиты. Она также слышала взрыв и с высоты скалы глядела на пожарище. Она сказала мальчику: «Вернись в усадьбу и жди Сына Неба, если тебя схватят слуги Тускуба, умри молча; если Сын Неба убит, проберись к его трупу, найди на нем каменный флакончик, привези мне».

Лось, стиснув зубы, выслушал рассказ мальчика. Затем Лось и Гусев пошли к озеру, смыли с себя кровь и пыль. Гусев вырезал из крепкого дерева дубину, без малого с лошадиную ногу. Сели в лодку, взвились в сияющую синеву.

Гусев и механик завели лодку в пещеру, легли у входа и развернули карту. В это время сверху, со скал, скатилась Иха. Глядя на Гусева, взялась за щеки. Слезы ручьями лились у нее из влюбленных глаз. Гусев радостно засмеялся.

Лось один спустился в пропасть к Священному Порогу. Будто крыло ветра несло его по крутым лесенкам через узкие переходы и мостики. Что будет с Аэлитой, с ним, спасутся ли они, погибнут?— он не соображал: начинал думать и бросал. Главное, потрясающее будет то, что сейчас он снова увидит «рожденную из света звезд». Лишь заглядеться на худенькое голубоватое лицо,— забыть себя в волнах радости.

Стремительно перебежав в облаках пара горбатый мост над пещерным озером, Лось, как и в прошлый раз, увидел по ту сторону низкий колонн лунную перспективу гор. Он осторожно вышел на площадку, висящую над пропастью. Поблескивал тусклым золотом Священный Порог.

Было знойно и тихо. Лосю хотелось с умилением, с нежностью поцеловать рыжий мох, следы ног на этом последнем прибежище любви.

Глубоко внизу поднимались бесплодные острия гор. В густой синеве блестели льды. Пронзительная тоска сжала сердце. Вот пепел костра, вот примятый мох, где Аэлита пела песню

улы. Хребтатая ящерица, зашипев, побежала по камням и застыла, обернув голову.

Лось подошел к скале, к треугольной дверце, приоткрыл ее и, нагнувшись, вошел в пещеру.

Освещенная с потолка светильней, спала среди белых подушек Аэлита. Она лежала навзничь, закинув голый локоть за голову. Худенькое лицо ее было печальное и кроткое. Сжатые ресницы вздрагивали,— должно быть, она видела сон.

Лось опустил у ее изголовья и глядел, умиленный и взволнованный, на подругу счастья и скорби. Какие бы муки он вынес сейчас, чтобы никогда не омрачилось это дивное лицо, чтобы остановить гибель прелести, юности, невинного дыхания,— она дышала, и прядь пепельных волос, лежавшая на щеке, поднималась и опускалась.

Лось подумал о тех, кто в темноте лабиринта дышит, шуршит и шипит в глубоком колодце, ожидая своего часа. Он застонал от страха и тоски. Аэлита вздохнула, просыпаясь. Ее глаза с минуту бессмысленно глядели на Лося. Брови изумленно поднимались. Обеими руками она оперлась о подушки и села.

— Сын Неба,— сказала она нежно и тихо,— сын мой, любовь моя...

Она не прикрыла ноготы, лишь краска смущения взошла ей на щеки. Ее голубоватые плечи, едва развитая грудь, узкие бедра казались Лосю рожденными из света звезд. Лось продолжал стоять на коленях у постели,— молчал, потому что слишком велика была радость — глядеть на возлюбленную. Горьковато-сладкий запах шел на него грозовой темнотой.

— Я видела тебя во сне,— сказала Аэлита,— ты нес меня на руках по стеклянным лестницам, уносил все выше. Я слышала стук твоего сердца. Кровь била в него и сотрясала. Томление охватило меня. Я ждала,— когда же ты остановишься, когда кончится томление? Я хочу узнать любовь. Я знаю только тяжесть и ужас томления... Ты разбудил меня.— Она замолчала, брови поднялись выше.— Ты глядишь так странно. О мой великан!

Она стремительно отодвинулась в дальний край постели. Губы ее приоткрылись, будто она хотела защищаться, как зверек. Лось тяжело проговорил:

— Иди ко мне.

Она затрясла головой.

— Ты похож на страшного Ча.

Он сейчас же закрыл лицо рукой, пронизанный усилием воли, и будто пламя охватило его,— в нем все теперь стало огнем. Он отнял руки, Аэлита тихо спросила:

— Что?

— Не бойся.

Она придвинулась и опять прошептала:

— Я боюсь Хао. Я умру.

— Не бойся. Хао — это огонь, это жизнь. Не бойся Хао. Сойди, любовь моя!

Он протянул к ней руки. Аэлита неслышно вздохнула, ресницы ее опустились, внимательное личико осунулось. Вдруг так же стремительно она поднялась на постели и дунула на светильник.

Ее пальцы запутались в снежных волосах Лося...

За дверью пещеры раздался шум, будто жужжание множества пчел. Ни Лось, ни Аэлита не слышали его. Воющий шум усиливался. И вот — из пропасти медленно, как чудовищная оса, поднялся военный корабль, царапая носом о скалы.

Корабль повис в уровень с площадкой. На край ее с борта упала лесенка. По ней сошли Тускуб и отряд солдат в панцирях, в металлических ребристых шапках.

Солдаты стали полукругом перед пещерой. Тускуб подошел к треугольной двери и ударил в нее концом трости.

Лось и Аэлита спали глубоким сном. Тускуб обернулся к солдатам и приказал, указывая тростью на пещеру:

— Возьмите их.

БЕГСТВО

Военный корабль кружился некоторое время над скалами Священного Порога, затем уплыл в сторону Азоры и где-то сел. Только тогда Иха и Гусев могли спуститься вниз. На истоптанной площадке они увидели Лося, — он лежал близ входа в пещеру, лицом во мху, в луже крови.

Гусев поднял его на руки, — Лось был без дыхания, глаза плотно сжаты, на груди, на голове — запекшаяся кровь. Аэлиты нигде не было. Иха выла, подбирая в пещерке ее вещи. Она не нашла лишь плаща с капюшоном, — должно быть, Аэлиту, мертвую или живую, завернули в плащ, увезли на корабле.

Иха завязала в узелочек то, что осталось от «рожденной из света звезд», Гусев перекинул Лося через плечо, и они пошли обратно через мосты над кипящим во тьме озером, по лесенкам, повисшим над туманной пропастью, — этим путем возвращался некогда Магацил, неся привязанный к прялке полосатый передник девушки Аолов — весть мира и жизни.

Наверху Гусев вывел из пещеры лодку и посадил в нее

Лося, завернутого в простыню, подтянул кушак, надвинул глубже шлем и сказал сурово:

— Живым в руки не дамся. Ну уж, если доберусь до Земли... Мы сюда вернемся... (Следовали три непонятных слова.)— Он влез в лодку, разобрал рули.— А вы, ребята, идите домой или еще куда. Лихом не поминайте.— Он перегнулся через борт и за руку попрощался с механиком и Ихой.— Тебя с собой не зову, Ихощка: лечу на верную смерть. Спасибо, милая, за любовь, этого мы, Сыны Неба, не забываем, так-то. Прощай.

Он прищурился на солнце, кивнул подбородком и взвился в синеву. Долго глядели Иха и мальчик в серой шубе на улетавшего Сына Неба. Они не заметили, что с юга, из-за лунных скал, поднялась, перерезая ему путь, крылатая точка. Когда Гусев утонул в потоках солнца, Иха ударились о мшистые камни в таком отчаянии, что мальчик испугался,— уж не покинула ли и она печальную Туму.

— Иха, Иха,— жалобно повторял он,— хо туа мирра туа мурра...

Гусев не сразу заметил пересекавший ему путь военный корабль. Сверяясь с картой, поглядывая на уплывающие вниз скалы Лизиазиры, держал он курс на восток, к кактусовым полям, где был оставлен аппарат.

Позади него, в лодке, откинувшись, сидело тело Лося, покрытое бьющейся по ветру липнувшей простыней. Оно было неподвижно и казалось спящим,— в нем не было уродливой бессмысленности трупa. Гусев только сейчас почувствовал, как дорог ему товарищ.

Несчастье случилось так: Гусев, Ихощка и механик сидели тогда в пещере, около лодки,— смеялись. Вдруг внизу раздались выстрелы. Затем — вопль. И через минуту из пропасти поднялся, как коршун, военный корабль, бросив на площадке бесчувственное тело Лося,— и пошел кружить, высматривать.

Гусев плюнул через борт,— до того опаршивел ему Марс. «Только бы добраться до аппарата, влить Лося глоток спирту». Он потрогал тело,— было оно чуть теплое: с тех пор как Гусев поднял его на площадке, в нем не было заметно окоченения. «Бог даст — отдышится» — Гусев по себе знал слабое действие марсианских пуль. «Но слишком уж долго длится обморок». В тревоге он обернулся к солнцу, клонящемуся на закат, и в это время увидел падающий с высоты корабль.

Гусев сейчас же повернул к северу, уклоняясь от встречи. Повернул и корабль. Время от времени на нем появлялись желтоватые дымки выстрелов. Тогда Гусев стал набирать вы-

соту, рассчитывая при спуске удвоить скорость и уйти от преследователя.

Свистел в ушах ледяной ветер, слезы застилали глаза, замерзали на ресницах. Стая неряшливо махающих крыльями, омерзительных их кинулась было на лодку, но промахнулась и отстала. Гусев давно уже потерял направление. Кровь била в виски, разреженный воздух хлестал ледяными бичами. Тогда полным ходом Гусев пошел вниз. Корабль отстал и скрылся за горизонтом.

Теперь внизу расстилалась, куда только хватит глаз, медно-красная пустыня. Ни деревца, ни жизни кругом. Одна только тень от лодки летела по плоским холмам, по волнам песка, по трещинам поблескивающей, как стекло, каменистой почвы. Кое-где на холмах бросали унылую тень развалины жилищ. Повсюду бороздили эту пустыню высохшие русла каналов.

Солнце клонилось ниже к ровному краю песков, разливалось медное, тоскливое сияние заката, а Гусев все видел внизу волны песка, холмы, развалины засыпаемой прахом, умирающей Тумы.

Быстро настала ночь. Гусев опустился и сел на песчаной равнине. Вылез из лодки, отогнул на лице Лося простыню, приподнял его веки, прижался ухом к сердцу,— Лось сидел ни живой, ни мертвый. У него на мизинце Гусев заметил колечко и висящий на цепочке открытый флакончик.

— Эх, пустыня,— сказал Гусев, отходя от лодки. Ледяные звезды загорелись в необъятно-высоком черном небе. Пески казались серыми от их света. Было так тихо, что слышался шорох песка, осыпающегося в глубоком следу ноги... Мучила жажда. Находила тоска.— Эх, пустыня!— Гусев вернулся к лодке, сел к рулям. Куда лететь? Рисунок звезд был дикий и незнакомый.

Гусев включил мотор, но винт, лениво покрутившись, остановился. Мотор не работал,— коробка со взрывчатым порошком была пуста.

— Ну, ладно,— негромко проговорил Гусев. Опять вылез из лодки, засунул дубину сзади, за пояс, вытащил Лося,— идем, Мстислав Сергеевич,— положил его на плечо и пошел, увязая по шиколотку в песке. Шел долго. Дошел до холма, положил Лося на занесенные ступени какой-то лестницы, оглянулся на одинокую, в звездном свете, колонну наверху холма — и лег ничком. Смертельная усталость, как отлив, зашумела в крови.

Он не знал, долго ли так пролежал без движения. Песок холодил, стыла кровь. Тогда Гусев сел,— в тоске поднял голову. Невысоко над пустыней стояла красноватая мрачная звез-

да. Она была как глаз большой птицы. Гусев глядел на нее, разинув рот.

— Земля.— Схватил в охапку Лося и побежал в сторону звезд. Он знал теперь, в какой стороне лежит аппарат.

Со свистом дыша, обливаясь потом, Гусев переносился огромными прыжками через канавы, вскрикивал от ярости, спотыкаясь о камни, бежал, бежал,— и плыл впереди него близкий темный горизонт пустыни. Несколько раз Гусев ложился лицом в холодный песок, чтобы освежить хоть парами влаги запекшийся рот. Подхватывал товарища и снова шел, поглядывая на красноватые лучи Земли. Огромная его тень одиноко двигалась среди мирового кладбища.

Взошла острым серпом ущербная Олла. В середине ночи взошла круглая Лихта,— свет ее был кроток и серебрист, двойные тени легли от волн песка. Две эти странные луны поплыли — одна ввысь, другая на ущерб. В свету их померк Талцетл. Вдали поднялись ледяные вершины Лизиазиры.

Пустыня кончилась. Было близко к рассвету. Гусев вышел в кактусовые поля. Повалил ударом ноги одно из растений и жадно насытился шевелящимся водянистым его мясом. Звезды гасли. В лиловом небе проступали розоватые края облаков. И вот Гусев стал слышать, будто удары железных вальков, однообразный металлический стук, отчетливый в тишине утра.

Гусев скоро понял его значение: над зарослями кактуса торчали три решетчатые мачты военного корабля-преследователя. Удары неслись оттуда,— это марсиане разрушали аппарат.

Гусев побежал под прикрытием кактусов и одновременно увидел и корабль и рядом с ним заржавелый огромный горб аппарата. Десятка два марсиан колотили по клепаной его обшивке большими молотками. Видимо, работа только что началась. Гусев положил Лося на песок, вытащил из-за пояса дубину.

— Я вас, сукины дети!— не своим голосом завизжал Гусев, выскакивая из-за кактусов. Подбежал к кораблю и ударом дубины раздробил металлическое крыло, сбил мачту, ударил в борт, как в бочку. Из внутренности корабля выскочили солдаты. Бросая оружие, горохом посыпавшие с палубы, побежали враспынную. Солдаты, разбивавшие аппарат, с тихим воем поползли по бороздам, скрылись в зарослях. Все поле в минуту опустело,— так велик был ужас перед вездесущим, неуязвимым для смерти Сыном Неба.

Гусев отвинтил люк, подтащил Лося, и оба Сына Неба скрылись внутри яйца. Крышка захлопнулась. Тогда прита-

ившиеся за кактусами марсиане увидели необыкновенное и потрясающее зрелище.

Огромное ржавое яйцо, величиною с дом, загрохотало, поднялось из-под него коричневые облака пыли и дыма. Под страшными ударами задрожала Тума. С ревом и громовым грохотом гигантское яйцо запрыгало по кактусовому полю. Повисло в облаках пыли и, как метеор, метнулось в небо, унося свирепых Магацитлов на их родину.

НЕ БЫТИЕ

— Ну что, Мстислав Сергеевич,— живы?

Обожгло рот. Жидкий огонь пошел по телу, по жилам, по костям. Лось раскрыл глаза. Пыльная звездочка горела над ним совсем низко. Небо было странное,— желтое, стеганое, как сундук. Что-то стучало, стучало мерными ударами, дрожала пыльная звездочка.

— Который час?

— Часы-то остановились, вот горе,— ответил голос.

— Мы давно летим?

— Давно, Мстислав Сергеевич.

— А куда?

— А черт его знает,— ничего не могу разобрать, тьма да звезды... Прем в мировое пространство.

Лось опять закрыл глаза, силясь проникнуть в пустоту памяти, но в памяти ничего не раскрылось, и он снова погрузился в непроглядный сон.

Гусев укрыл его теплее и вернулся к наблюдательным трубкам. Марс казался теперь меньше чайного блюдечка. Лунными пятнами выделялись на нем днища высохших морей, мертвые пустыни. Диск Тумы, засыпаемой песками, все уменьшался, все дальше улетал от него аппарат куда-то в крошечную тьму. Изредка колосола глаз лучиком звезды. Но сколько Гусев ни всматривался,— нигде не было видно красной звезды.

Гусев зевнул, щелкнул зубами,— такая одолевала его скука от пустого пространства вселенной. Осмотрел запасы воды, пищи, кислорода, завернулся в одеяло и лег на дрожащий пол рядом с Лосем.

Прошло неопределенно много времени. Гусев проснулся от голода. Лось лежал с открытыми глазами,— лицо у него было в морщинах, старое, щеки ввалились. Он спросил тихо:

— Где мы сейчас?

— Все там же, Мстислав Сергеевич,— в пространстве.

— Алексей Иванович, мы были на Марсе?

— Вам, Мстислав Сергеевич, должно быть, совсем память отшибло.

— Да, у меня что-то случилось... вспоминаю, и воспоминания обрываются как-то неопределенно. Не могу понять, что было на самом деле,— все как будто сон. Дайте пить...

Лось закрыл глаза и немного погодя спросил дрогнувшим голосом:

— Она — тоже сон?

— Кто?

Лось не ответил, опустил голову, закрыл глаза.

Гусев поглядел через все глазки в небо,— тьма, тьма. Натянул на плечи одеяло и сел, скорчившись. Не было охоты ни думать, ни вспоминать, ни ожидать. К чему? Усыпительно постукивало, подрагивало железное яйцо, несущееся с головокружительной скоростью в бездонной пустоте.

Проходило какое-то непомерно долгое, неземное время. Гусев сидел, скорчившись, в оцепенелой дремоте. Лось спал. Холодок вечности осаждался невидимой пылью на сердце, на сознание.

Страшный вопль разорвал уши. Гусев вскочил, тараща глаза. Кричал Лось,— стоял среди раскиданных одеял, марлевый бинт сполз ему на лицо.

— Она жива!

Он поднял костлявые руки и кинулся на кожаную стену, колотя в нее, царапая ногтями.

— Она жива! Выпустите меня... Задыхаюсь... Она была, была!..

Он долго бился и кричал,— и повис, обессиленный, на руках у Гусева. И снова затих, задремал.

Гусев опять скорчился под одеялом. Угасли, как пепел, желания, коченели чувства. Слух привлек к железному пульсу яйца и не улавливал более звуков. Лось бормотал во сне, стонал, иногда лицо его озарялось счастьем.

Гусев глядел на спящего и думал: «Хорошо тебе во сне, милый человек. И не надо, не просыпайся, спи, спи... Проснешься — сядешь вот так-то, на корточках, под одеялом,— дрожи, как ворон на мерзлом пне. Ах, ночь, ночь, конец последний...»

Ему не хотелось даже закрывать глаза,— так он и сидел, глядя на какой-то поблескивающий гвоздик... Наступило великое безразличие, надвигалось небытие...

Так пронеслось непомерное пространство времени.

Послышались странные шорохи, постукивания, прикосновения каких-то тел снаружи о железную обшивку яйца.

Гусев открыл глаза. Сознание возвращалось, он стал слушать — казалось, аппарат продвигается среди скоплений камней и щебня. Что-то навалилось и поползло по стене. Шумело, шуршало. Вот ударило в другой бок, — аппарат затрясся. Гусев разбудил Лося. Они поползли к наблюдательным трубкам, и сейчас же оба вскрикнули.

Кругом, во тьме, расстилались поля сверкающих, как алмазы, осколков. Камни, глыбы, кристаллические грани сияли острыми лучами. За огромной далью этих алмазных полей в черной ночи висело косматое солнце.

— Должно быть, мы проходим голову кометы, — шепотом сказал Лось. — Включите реостаты. Нужно выйти из этих полей, иначе комета улетит нас к солнцу.

Гусев полез к верхнему глазку, Лось стал к реостатам. Удары в обшивку яйца участились, усилились. Гусев покрывал сверху:

— Легче — глыба справа... Давайте полный... Гора, гора летит... Проехали... Ходу, ходу, Мстислав Сергеевич.

З Е М Л Я

Алмазные поля были следами прохождения блуждавшей в пространствах кометы. Долгое время аппарат, втянутый в ее тяготение, пробирался среди небесных камней. Скорость его непрестанно увеличивалась, действовали абсолютные законы математики — понемногу направление полета яйца и метеоритов изменилось: образовался все расширяющийся угол. Золотистая туманность — голова неведомой кометы и ее след — потоки метеоритов — уносились по гиперболе — безнадежной кривой, чтобы, обогнув солнце, навсегда исчезнуть в пространствах. Кривая полета аппарата все более приближалась к эллипсису.

Почти неосуществимая надежда возврата на Землю пробудила к жизни Лося и Гусева. Теперь, не отрываясь от глазков, они наблюдали за небом. Аппарат сильно нагревался с одной стороны солнцем, — пришлось снять одежду.

Алмазные поля остались далеко внизу: казались искорками, — стали беловатой туманностью и исчезли. И вот — в огромной дали был обнаружен Сатурн, переливающийся радужными кольцами, окруженный спутниками.

Яйцо, притянутое кометой, возвращалось в солнечную систему, откуда было вышвырнуто центробежной силой Марса.

Одно время тьму прорезывала светящаяся линия. Скоро и

она побледнела, погасла. Это были астероиды — маленькие планеты, бесчисленным роем вьющиеся вокруг солнца. Сила их тяготения еще сильнее изогнула кривую полета яйца. Наконец в один из верхних глазков Лось увидел странный, ослепительный узкий серп,—это была Венера. Почти в то же время Гусев, наблюдавший в другой глазок, страшно засопел и обернулся,— потный, красный.

— Она, ей-богу, она!..

В черной тьме тепло сиял серебристо-синеватый шар. В стороне от него и ярче его светился шарик величиной с ягоду смородины. Аппарат мчался немного в сторону от них. Тогда Лось решился применить опасное приспособление — поворот горла аппарата, чтобы отклонить ось взрывов от траектории полета. Поворот удался. Направление стало изменяться. Теплый шарик понемногу перешел в зенит.

Летело, летело пространство времени. Лось и Гусев то прилипали к наблюдательным трубкам, то валились среди раскиданных шкур и одеял. Уходили последние силы. Мучила жажда, вода вся была выпита.

И вот, в полузабытьи, Лось увидел, как шкуры, одеяла и мешки поползли по стенам. Повисло в воздухе голое по поясу тело Гусева. Все это было похоже на бред. Гусев оказался лежащим ничком у глазка. Вот он приподнялся, бормоча, схватился за грудь, замотал вихрастой головой, лицо его залилось слезами, усы обвисли.

— Родная, родная, родная!..

Сквозь муть сознания Лось все же понял, что аппарат повернулся и летит горлом вперед, увлекаемый тягой Земли. Он пополз к реостатам и повернул их,— яйцо задрожало, загрохотало. Он нагнулся к глазку.

Во тьме висел огромный водяной шар, залитый солнцем. Голубыми казались океаны, зеленоватыми — очертания островов, облачные поля застилали какой-то материк. Влажный шар медленно поворачивался. Слезы мешали глядеть. Душа, плача от любви, летела навстречу голубовато-влажному столбу света. Родина человечества! Плоть жизни! Сердце мира!

Шар Земли закрывал полнеба. Лось до отказа повернул реостаты. Все же полет был стремителен,— оболочка накалилась, закипел резиновый кожух, дымилась кожаная обивка. Последним усилием Гусев повернул крышку люка. В щель с воем ворвался ледяной ветер. Земля раскрывала объятия, принимала блудных сынов.

Удар был силен. Обивка лопнула. Яйцо глубоко вошло горлом в травянистый пригорок.

Был полдень, воскресенье, третьего июня. На большом расстоянии от места падения,— на берегу озера Мичиган, катающиеся на лодках, сидящие на открытых террасах ресторанов и кофеен, играющие в теннис, гольф, футбол, запускающие бумажные змеи в безоблачное небо,— все это множество людей, выехавших в день воскресного отдыха насладиться прелестью зеленых берегов, шумом июньской листвы, слышало в продолжение пяти минут странный воющий звук.

Люди, помнившие времена мировой войны, говорили, оглядывая небо, что так обычно ревели снаряды тяжелых орудий. Затем многим удалось увидеть быстро скользящую на землю яйцевидную тень.

Не прошло и часа, как большая толпа собралась у места падения аппарата. Любопытствующие бежали со всех сторон, перелезали через изгороди, мчались на автомобилях, на лодках по синему озеру. Яйцо, покрытое коркой нагара, помятое и лопнувшее, стояло, накренившись, на пригорке. Было высказано множество предположений, одно другого нелепее. В особенности же в толпе началось волнение, когда была прочитана вырубленная зубилом на полуоткрытой крышке люка надпись: «РСФСР. Вылетели из Петрограда 18 августа 192... года». Это было тем более удивительно, что сегодня было третье июня тысяча девятьсот... Словом, пометка на аппарате была сделана три с половиной года тому назад.

Когда затем из внутренности таинственного аппарата слышались слабые стоны, толпа в ужасе отодвинулась и затихла. Появился отряд полиции, врач и двенадцать корреспондентов с фотографическими аппаратами. Открыли люк и с величайшими предосторожностями вытащили из внутренности яйца двух полуголых людей: один худой, как скелет, старый, с белыми волосами, был без сознания, другой, с разбитым лицом и сломанными руками, жалобно стонал. В толпе раздались крики сострадания, женский плач. Небесных путешественников положили в автомобиль и повезли в больницу.

Хрустальным от счастья голосом пела птица за открытым окном. Пела о солнечном луче, о синем небе. Лось неподвижно лежал на подушках — слушал. Слезы текли по морщинистому лицу. Он где-то уже слышал этот хрустальный голос. Но где, когда?

За окном с полуоткинутой, слегка надутой утренним ветром шторой сверкала сизая роса на траве. Влажные листья двигались тенями на шторе. Пела птица. Вдали из-за леса поднималось белое плотное облако.

Чье-то сердце тосковало по этой земле, по облакам, по шумным ливням и сверкающим росам, по великанам, бродящим среди зеленых холмов... Он вспомнил — так в солнечное утро не на Земле пела птица о снах Аэлиты. ...Аэлита... Но была ли она? Или только пригрезилась? Нет. Птица бормочет стеклянным язычком о том, что некогда женщина, голубоватая, как сумерки, с печальным худеньким лицом, сидя ночью у костра, пела древнюю песню любви.

Вот отчего текли слезы по морщинистым щекам Лося. Птица пела о той, что осталась за звездами, и о седом, морщинистом, старом мечтателе, облетевшем небеса.

Ветер сильнее надул шторм, нижний край ее мягко плеснул,— в комнату вошел запах меда, земли, влаги.

В одно такое утро в больнице появился Скайльс. Он крепко пожал руку Лосю,— «поздравляю, дорогой друг»,— сел на табурет около постели, сдвинув шляпу на затылок.

— Вас сильно подвело за это путешествие, старина,— сказал он,— только что был у Гусева, вот тот молодец: руки в гипсе, сломана челюсть, но все время смеется,— очень доволен, что вернулся. Я послал в Петроград его жене телеграмму и пять тысяч долларов. По поводу вас телеграфировал в мою газету,— получите огромную сумму за «Путевые наброски». Но вам придется усовершенствовать аппарат,— вы плохо опустились. Черт возьми,— подумать,— прошло почти четыре года с этого сумасшедшего вечера в Петрограде. Советую вам, старина, выпить рюмку хорошего коньяку, это вернет вас к жизни.

Скайльс болтал, весело и заботливо поглядывая на собеседника,— лицо у него было загорелое, беспечное, глаза полны жадного любопытства. Лось протянул ему руку.

— Я рад, что вы пришли, Скайльс.

ГОЛОС ЛЮБВИ

Облака снега летели вдоль Ждановской набережной, ползли поземкой по тротуарам, сумасшедшие хлопья крутились у качающихся фонарей. Засыпало подьезды и окна, за рекой метель бушевала в воющем парке.

По набережной шел Лось, подняв воротник и согнувшись навстречу ветру. Теплый шарф вился за его спиной, ноги скользили, лицо село снегом. В обычный час он возвращался с завода домой, в одинокую квартиру. Жители набережной

привыкли к его широкополой шляпе, к шарфу, закрывающему низ лица, к сутулым плечам, и даже, когда он кланялся и ветер взвевал его белые волосы,—никого уже более не удивлял странный взгляд его глаз, видевших однажды то, чего еще никто не видел.

В иные времена какой-нибудь юный поэт непременно бы вдохновился его нелепой фигурой с развевающимся шарфом, бредущей среди снежных облаков. Но времена теперь были иные: поэтов восхищали не вьюжные бури, не звезды, не заоблачные страны,—но стук молотов по всей стране, шипение пил, шорох серпов, свист кос,—веселые земные песни.

Прошло полгода со дня возвращения Лося на Землю. Улеглось любопытство, охватившее весь мир, когда появилась первая телеграмма о прибытии с Марса двух людей. Лось и Гусев съели положенное число блюд на ста пятидесяти банкетах, ужинах и ученых собраниях. Гусев выписал из Петрограда Машу, нарядил ее, как куклу, дал несколько сот интервью, завел мотоциклет, стал носить круглые очки, полгода разъезжал по Америке и Европе, рассказывая про драки с марсианами, про пауков и про кометы, про то, как они с Лосем едва не улетели на Большую Медведицу,—и, вернувшись в Советскую Россию, основал «Общество для переброски боевого отряда на планету Марс в целях спасения остатков его трудящегося населения».

Лось в Петрограде на одном из механических заводов строил универсальный двигатель марсианского типа.

К шести часам вечера он обычно возвращался домой. Ужинал в одиночестве. Перед сном раскрывал книгу,—детским лепетом казались ему строки поэта, детской болтовней измышления романиста. Погасив свет, он долго лежал, глядел в темноту,—текли, текли одинокие мысли.

В обычный час Лось проходил сегодня по набережной. Облака снега взвивались в высоту, в бушующую вьюгу. Курились карнизы, крыши. Качались фонари. Спирало дыхание.

Лось остановился и поднял голову. Ветер разорвал вьюжные облака. В бездонно-черном небе переливалась звезда. Лось глядел на нее безумным взором,—луч ее вошел в сердце... «Тума, Тума, звезда печали...» Летящие края облаков снова задернули бездну, скрыли звезду. В это короткое мгновение в памяти Лося с ужасающей ясностью пронеслось видение, всегда до этого ускользавшее от него...

Сквозь сон послышался шум—будто сердитое жужжание пчел. Раздались резкие удары—стук. Спящая Аэлита вздрог-

нула, вздохнула, пробуждаясь, и затрепетала, он не видел ее в темноте пещерки, лишь чувствовал, как бьется ее сердце. Стук в дверь повторился. Раздался снаружи голос Тускуба: «Возьмите их». Лось схватил Аэлилу за плечи. Она едва слышно сказала:

— Муж мой, Сын Неба, прощай.

Ее пальцы быстро скользнули по его лицу. Тогда Лось ощупью стал искать ее руку и отнял у нее флакончик с ядом. Она быстро, быстро — одним дыханием — забормотала ему в ухо:

— На мне запрещение, я посвящена царице Магр... По древнему обычаю, страшному закону Магр,—девственницу, преступившую запрет посвящения, бросают в лабиринт, в колодец. Ты видел его... Но я не могла противиться любви Сына Неба. Я счастлива. Благодарю тебя за жизнь. Ты вернул меня в тысячелетия Хао. Благодарю тебя, муж мой...

Аэлила поцеловала его, и он почувствовал горький запах яда на ее губах. Тогда он выпил остатки темной влаги,—ее было еще много во флакончике. Аэлила едва успела коснуться его. Удары в дверь заставили Лося подняться, но сознание уплывало, руки и ноги не повиновались. Он вернулся к постели, упал на тело Аэлилы, обхватил ее. Он не пошевелился, когда в пещерку вошли марсиане. Они оторвали его от жены, прикрыли ее и понесли. Последним усилием он рванулся за: раем ее черного плаща, но вспышки выстрелов, тупые удары в грудь отшвырнули его назад, к золотой дверце пещеры...

Преодолевая ветер, Лось побежал по набережной. И снова остановился, закрутился в снежных облаках и, так же как тогда — в тьме вселенной,—крикнул:

— Жива, жива... Аэлила, Аэлила...

Ветер бешеным порывом подхватил это впервые произнесенное на Земле имя, развеял его среди летящих снегов. Лось сунул подбородок в шарф, сунул руку глубоко в карман, побрел шатаясь, к дому.

У подъезда стоял автомобиль. Белые мухи крутились в дымных столбах его фонарей. Человек в косматой шубе приплясывал морозными подошвами по тротуару.

— Я за вами, Мстислав Сергеевич,—крикнул он весело,—садитесь в машину, едем.

Это был Гусев. Он наскоро объяснил: сегодня, в семь часов вечера, радиотелефонная станция ожидает — как и всю эту неделю — подачу неизвестных сигналов чрезвычайной силы. Шифр их непонятен. Целую неделю газеты всех частей света

заняты догадками по поводу этих сигналов,— есть предположение, что они идут с Марса. Заведующий радиостанцией приглашает Лося сегодня вечером принять таинственные волны.

Лось молча прыгнул в автомобиль. Бешено заплясали белые хлопья в конусах света. Рванулся вьюжный ветер в лицо. Над снежной пустыней Невы пылало лиловое зарево города, сияние фонарей вдоль набережных,— огни, огни... Вдали выла сирена ледокола, где-то ломающего льды.

В конце улицы Красных Зорь, на снежной поляне, под свистящими деревьями, у домика с круглой крышей, автомобиль остановился. Пустынно выли решетчатые башни и проволочные сети, утонувшие в снежных облаках. Лось распахнул заметенную сугробом дверцу, вошел в теплый домик, сбросил шарф и шляпу. Румяный толстенький человек стал что-то объяснять ему, держа его покрасневшую от холода руку в теплых ладонях. Стрелка часов подходила к семи.

Лось сел у приемного аппарата, надел наушники. Стрелка часов ползла. О время, торопливые удары сердца, ледяное пространство вселенной!..

Медленный шепот раздался в его ушах. Лось сейчас же закрыл глаза. Снова повторился отдаленный, тревожный, медленный шепот. Повторялось какое-то странное слово. Лось напряг слух. Словно тихая молния, пронзил его сердце далекий голос, повторявший печально на неземном языке:

— Где ты, где ты, где ты, Сын Неба?

Голос замолк. Лось глядел перед собой побелевшими, расширенными глазами... Голос Аэлиты, любви, вечности, голоса тоски, летит по всей вселенной, зовя, призывая, клича,— где ты, где ты, любовь...

СОДЕРЖАНИЕ

Странное объявление	5
В мастерской Лося	7
Спутник	11
Бессонная ночь	15
Тою же ночью	17
Отлет	20
В черном небе	23
Спуск	27
Марс	28
Заброшенный дом	33
Закат	37
Лось глядит на Землю	40
Марсиане	41
По ту сторону зубчатых гор	43
Соацера	47
В лазоревой роще	49
Отдых	50
Туманный шарик	53
На лестнице	58
Первый рассказ Аэлиты	61
Случайное открытие	67
Утро Аэлиты	72
Второй рассказ Аэлиты	75
Гусев наблюдает город	86
Тускуб	88
Лось остается один	94
Чары	98
Древняя песня	102
Лось летит на помощь Гусеву	105
Деятельность Гусева за истекший день	107
Поворот событий	112
Контратака	115
Лабиринт царицы Магр	119
Хао	124
Бегство	126
Небытие	130
Земля	132
Голос любви	136

*В БУРЯТСКОМ КНИЖНОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ СЛЕДУЮЩИЕ НОВИНКИ:*

Художественная литература:

- И. КАЛАШНИКОВ.** Разрыв-трава. Роман. Улан-Удэ, 1977 г.
Н. ДАМДИНОВ. Избранное. Стихи. Поэмы. Улан-Удэ, 1976 г.
А. БАДАЕВ. У подножья Саян. Стихи. Улан-Удэ, 1976 г.
КОЛЛ. АВТОРОВ. Радуга в степи. Сборник современных рассказов писателей Бурятии. Улан-Удэ, 1976 г.
А. СЕРЕБРЯКОВ. Художественная летопись Бурятии. Литературно-критические статьи. Улан-Удэ, 1976 г.

Детская и юношеская
литература

- А. АФАНАСЬЕВ.** Звездный хоровод. Повесть. Улан-Удэ, 1976 г.
М. БАРАНОВ. Веселая птица. Рассказы. Улан-Удэ, 1976 г.
Г. АНДЕРСЕН,
Ш. ПЕРРО,
Бр. ГРИММ и др. Волшебные сказки. Улан-Удэ, 1976 г.

**Обращайтесь в книжные магазины республики.
Заказы наложенным платежом присылайте по адресу:
670031, г. Улан-Удэ, ул. Геологическая, 22,
книжный магазин № 31, отдел «Книга — почтой».**

„Магазины Бурятского книготорга покупают у населения поддержанные книги. Антикварные книги, художественная литература 1946—1966 годов, подписные издания 1947—1971 годов принимаются по повышенным ценам.

Приносите в магазины все прочитанные ваши книги.“

*Алексей Николаевич
Толстой*

АЭЛИТА

Роман

Художник

В. В. Пинкижинов

Редактор

И. В. Субботина

Художественный редактор

П. С. Гурьянов

Технический редактор

Б. Г. Цыренова

Корректор

Т. Н. Чудинова

Сдано в набор 13/1-1977 г. Подписано к печати 9/III-1977 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Объем усл. печ. л. 8,37+0,23 форз.
Уч.-изд. л. 8,48+0,27 форз. Тираж 161 000 (I завод 40000). Заказ 118.
Бум. тип. № 2, сорт I. Цена 40 коп.

* * *

Бурятское книжное издательство, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Типография Управления по делам издательств, полиграфин
и книжной торговли Совета Министров Бурятской АССР,
г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

40 КРП.

